

ученіи нѣтъ ничего догматическаго, а все вытекаетъ изъ того, что мы сами чувствуемъ, или, правильнѣе сказать, изъ того, что самъ Карпентеръ чувствуетъ. Это отсутствіе догматичности особенно поражаетъ васъ, когда вы бесѣдуете съ нимъ. Болѣе пріятнаго собесѣдника трудно себѣ вообразить. Я провелъ съ нимъ почти въ непрерывной бесѣдѣ часа четыре, и ни разу ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ онъ не впалъ въ тонъ авторитета или „учителя“. Съ мягкой, благородной, я бы сказалъ смиренной, терпимостью, онъ выслушивалъ всѣ мои возраженія, отвѣчалъ на нихъ какъ-то просто, по-товарищески, безъ тѣни авторскаго самомнѣнія, и охотно признавалъ справедливость возраженія, когда оно ему казалось основательнымъ. Мы съ нимъ много говорили о Толстомъ, значеніе котораго Карпентеръ видитъ въ томъ, что онъ заставлялъ людей думать.

— Онъ какъ бы вколачивалъ каждому въ голову: думай, думай, думай!—говорилъ Карпентеръ, ударяя кулакомъ въ воздухъ при каждомъ словѣ „думай“.

Очень трогательна любовь Карпентера къ Уитману. Рискавъ умалить собственное значеніе и собственную славу, онъ то и дѣло указывалъ мнѣ на этого американскаго поэта, какъ на поэта истинной демократіи, какъ на поэта универсальнаго чувства. Онъ вынулъ изъ ящика четыре или пять большихъ фотографическихъ портретовъ Уитмана и любовно объяснялъ мнѣ, когда былъ снятъ тотъ портретъ, когда другой, на какомъ портретѣ Уитманъ вышелъ лучше, на какомъ хуже.

— По согласитесь,—замѣтилъ я,—что и у Уитмана встрѣчается не мало искусственнаго и дѣланнаго.

— Былъ грѣхъ у старика, пожалуй, былъ грѣхъ,—разсмѣялся Карпентеръ, словно рѣчь шла о шалости любимаго ребенка.

Гуляя въ его саду, подъ яблонями, я заглянулъ и въ ту будку, видъ которой напечатанъ въ одной изъ книгъ о Карпентерѣ ¹⁾. Въ этой будкѣ была, по его собственнымъ словамъ, какъ мы уже знаемъ, написана большая часть его „Towards Democрасу“. Мы съ нимъ сѣли въ будкѣ на узенькую скамеечку, на которой едва хватило мѣста для двухъ, и передъ нами оказалась дѣйствительно панорама, которую могъ бы пожелать каждый поэтъ для вдохновенія. Прямо у ногъ, подъ тѣнью деревъ, быстро, съ шумомъ словно маленькій водопадъ протекала рѣчка. За нею разстилался зеленый лугъ, заканчивавшійся высокимъ холмомъ. По сторонамъ и издали синѣла дымка надъ холмами и рощами и гдѣ-то на сѣверо-востокѣ, тамъ, на шахтѣ, торчала высокая труба, которая, словно живое существо, попыхивала клубами чернаго дыма.

¹⁾ См. „Three Modern Soers“ by E. Ellis.

Было такъ тихо и спокойно, такъ все казалось близко и родственно, что само собою объяснялось и дѣлалось доступнымъ настроеніе автора „Towards Democasy“.

Помню, сидя съ нимъ въ будкѣ, я рассказывалъ ему объ одной моей знакомой, вѣрующей, что послѣ смерти она будетъ существовать на какой-нибудь другой планетѣ. А тамъ перейдетъ на третью, четвертую и т. д.

— У ней на это есть доказательство? — спросилъ Карпентеръ, улыбаясь.

— Нѣтъ никакихъ, но она вѣритъ.

— Ахъ, вѣритъ! Глупо вѣритъ, — сказалъ онъ. — Мы рѣшительно ничего не знаемъ... Впрочемъ, если вашей знакомой доставляетъ удовольствіе вѣра въ посмертное переселеніе на другія планеты, я бы не сталъ разувѣрять ее.

Это замѣчаніе его было весьма характерно для него. Въ бесѣдѣ со мною съ устъ его то и дѣло срывалось: „да, можетъ быть, вы правы“, „въ этомъ есть доля правды“ и т. под. И читатель его книгъ и статей то и дѣло встрѣтитъ ту же боязнь высказываться слишкомъ самоувѣренно и рѣшительно, и на каждой страницѣ по поводу каждой мысли онъ найдетъ оговорки насчетъ возможности исключеній и ограниченій въ сдѣланномъ обобщеніи. Но есть одна мысль, одно убѣжденіе, по поводу котораго у Карпентера нѣтъ никакихъ колебаній и сомнѣній и которое всегда преподносится какъ нѣчто безусловно вѣрное и установленное, это—уже извѣстная намъ основная мысль его ученія, что углубленное наше самосознаніе вводитъ насъ въ болѣе широкій міръ и сливается насъ со всѣмъ и всѣми, и что только это самосознаніе можетъ служить настоящимъ критеріемъ всего нашего поведенія. И когда я высказалъ ему свое сомнѣніе насчетъ возможности „третьей стадіи“ для человѣчества, онъ только могъ отвѣтить:

— Я убѣжденъ, потому что чувствую. Эта возможность для меня—не вѣра, а фактъ.

Всякій, наблюдающій жизнь въ Англіи за послѣднія хотя бы тридцать лѣтъ, не можетъ не замѣтить роста если не социализма, то социалистическаго *чувства*. Люди стали больше сознавать себя въ другихъ, свою общность, свою близость. И *это* будетъ!—произнесъ онъ съ необычной для него рѣшительностью, подразумевая подъ „этимъ“ свое представленіе о возвратѣ человѣка къ самому себѣ, къ своей общей духовной сущности.

Какъ мы уже сказали, эта точка зрѣнія Карпентера на важность и роль развитія чувства собственнаго существованія лежитъ въ основѣ всѣхъ его сужденій, о чемъ бы онъ ни заговорилъ. И неудивительно,

что ею же онъ руководится и въ своихъ взглядахъ на искусство вообще и на отдѣльные предметы искусства, въ частности. Свои взгляды на искусство онъ изложилъ въ книгѣ „Angels Wings“ (крылья ангеловъ), одной изъ самыхъ замѣчательныхъ книгъ, когда-либо написанныхъ объ искусствѣ, и несомнѣнно единственной, которая съ философскою глубиной опредѣляетъ задачи искусства съ точки зрѣнія социализма. Для Карпентера искусство можетъ быть только эмоциональнымъ. Искусство должно быть выраженіемъ чувства художника и звеномъ между чувствами отдѣльных людей. Предметъ, который художникъ избираетъ себѣ для выраженія своего чувства, совершенно безразличенъ для искусства. Красота послѣдняго зависитъ не отъ матеріаловъ, надъ которыми орудуетъ художникъ, а отъ того настроенія и того чувства, съ которымъ онъ приступаетъ къ творчеству. Съ этой точки зрѣнія всякіе методы хороши. Импрессионизмъ, символизмъ, реализмъ и всякій другой „измъ“ есть только подробность, не касающаяся существа искусства. Функции послѣдняго состоятъ, говоря словами самого Карпентера, „въ привлеченіи людей другъ къ другу, въ выявленіи ихъ собственныхъ чувствъ, ихъ собственной внутренней жизни и сознательности, и раскрытіи отношенія всего къ великой, живой, пульсирующей душѣ человечества. Въ первый разъ мы начинаемъ сознавать зарожденіе чувствованія этой великой души... Заставить человечество понять свое единство, заставить его чувствовать его, — вотъ что будетъ вдохновлять искусство и составить область его“.

Карпентеръ, однако, не ограничивается этими общими словами о роли искусства въ будущемъ, а очень детально показываетъ, какъ она можетъ быть осуществлена на практикѣ при томъ общественномъ строѣ, при которомъ творчество сдѣлается результатомъ внутренняго стремленія и личнаго выбора, и душа человѣка будетъ освобождена отъ страха существованія и отъ власти ненужныхъ ему предметовъ и устарѣлыхъ, обветшалыхъ формъ и идеаловъ человѣческаго общежитія.

Какъ видите, взглядъ Карпентера на искусство какъ бы совпадаетъ съ взглядомъ Толстого, который утверждаетъ (см. „Что такое искусство“), что „искусство есть органъ жизни человечества, переводящій разумное сознаніе людей въ чувство“ и что „искусство должно сдѣлать то, чтобы чувства братства и любви къ ближнимъ, доступныя теперь только лучшимъ людямъ общества, стали привычными чувствами, инстинктомъ всѣхъ людей“. Но при этомъ внѣшнемъ сходствѣ есть и глубокая разница. Для Толстого чувства, которыя должны вызывать предметъ искусства, непременно должны быть чувства добрыя. Онъ заранѣе опредѣляетъ ихъ границы, и даже устанавливаетъ формы, въ которыя они могутъ выразиться. И, пользуясь „указаніями разума и здраваго смысла“

(замѣтите эту удивительную вѣру Толстого въ логику, въ указаніе разума!) находить всѣ произведенія Бетховена, — съ девятой симфоніей включительно, — произведеніями „дурного искусства“. Для Карпентера — нѣтъ разницы въ чувствахъ. „Доброта“ чувствъ вовсе не важна для него. Важно, чтобы чувство, вложенное въ предметъ искусства, было не чувствительностью, а выраженіемъ глубочайшихъ движеній души, ея истинной сущности. Чувства же всѣ хороши. *Nihil humani alienum a me puto*. И Карпентеръ особенно цѣнитъ Бетховена, — того самого Бетховена, котораго отвергаетъ Толстой, — какъ Милле и Уитмана именно за ихъ „широкія симпатіи и самое абсолютное принятіе міра“. „Ради Бога, — восклицаетъ Карпентеръ, — въ той же кн. „*Angels Wings*“, — дайте выраженіе такъ называемымъ дурнымъ мотивамъ (очевидно, то, что Толстой называетъ дурнымъ искусствомъ. С. Р.). Они дурны только потому, что не нашли еще своего мѣста, своего противовѣса. Поставьте ихъ на свое мѣсто. Вы можете выразить себя сильно въ одномъ направленіи, если только вы отдадите дань и другому направленію. Если вы обыкновенно сдержанны, то не бѣда, если когда-либо и выйдете изъ себя. Смѣшивайте эгоизмъ съ симпатіей. Только такимъ путемъ вы и можете найти себѣ выраженіе... Сильный свѣтъ требуетъ глубокихъ тѣней. Тѣло требуетъ духа, духъ — тѣла. Пространство можетъ быть выражено только черезъ ограничивающую его лицію. Линія это — только край пространства. Искорененіе, отверженіе, отрицаніе бесполезно. Смѣлое утвержденіе кажущихся противоположностей и медленное, терпѣливое, любовное раскрытіе сокровенной гармоніи — вотъ въ концѣ-концовъ единственный методъ. Въ этомъ внутреннемъ душевномъ сознаніи единства и согласованности всѣхъ вещей и возникаетъ наше ощущеніе красоты“.

Свои взгляды на искусство Карпентеръ самъ примѣнилъ, какъ выдающійся художникъ слова. Трудно указать въ міровой литературѣ 19-го вѣка такое полное выраженіе чувства универсальности, такой лиризмъ и экстазъ человѣческой души, какъ въ „*Towards Democracy*“. Это — лиризмъ библейскихъ пророковъ и Пѣсни Пѣсней. Вмѣсто искусственнаго ритма, къ которому подгоняются слова, его поэзія пользуется естественнымъ ритмомъ, свободнымъ теченіемъ словъ, въ которыхъ отражается лишь ритмъ чувствъ. Гдѣ-то Карпентеръ, говоря о поэзіи Уитмана, сравниваетъ ея строчки съ прибоемъ волнъ. То же самое можно сказать и о поэзіи самого Карпентера. Но въ то же время между нею и поэзіей Уитмана есть и большая разница, которую самъ Карпентеръ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „То сходство, которое можетъ оказаться между „*Leaves of Grass*“ (книга Уитмана) и „*Towards Democracy*“ въ ритмѣ, стилѣ, мысляхъ, постройкѣ и пр., должно, по моему,

быть приписано болѣе глубокому сходству эмоциональной атмосферы и напряженности чувства обоихъ авторовъ, — если бы даже сходство это возникло и несомнѣнно въ большей части произошло отъ личнаго вліянія одного автора на другого. Однако, наши темпераменты, точки зрѣнія, наше прошлое и пр. настолько различны и противоположны, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, я наврядъ ли могу себѣ представить, чтобы сходство дѣйствительно было большое. Полнокровный, изобильный, сильный, мужественный стиль Уитмана долженъ сдѣлать его однимъ изъ великихъ оригинальныхъ писателей міра, вѣчнымъ фонтаномъ здоровья и силы, моральной какъ и физической. Его также трудно не замѣтить, какъ гору. И дѣйствительно, онъ часто напоминаетъ какую-то большую каменоломню на склонѣ горы съ большими столбами солнечнаго свѣта и тѣней, съ первобытнымъ видомъ скалы, съ мощью и смѣлостью людей, работающихъ надъ ней, со скатившимися глыбами и грудями; съ матеріалами для безконечныхъ построекъ и красивыми пучками травы и цвѣтовъ на недостижимыхъ выступахъ, — картину, особенно красивую именно изъ-за безсвязности и безформенности. „Towards Democragu“ имѣетъ болѣе мягкій свѣтъ, точно луна въ сравненіе съ солнцемъ, допускающая взглянуть и на звѣзды за нею. Мягкая и созерцательная, менѣе рѣшительная и менѣе всего массивная, она больше подходитъ на текучій и уступчивый воздухъ, чѣмъ на твердую и неподатливую землю“. ¹⁾

Къ этому отзыву самого автора о характерѣ его поэзіи трудно что-либо прибавить. Скажемъ лишь, что его „воздухъ“ то и дѣло прорѣзывается ослѣпительными молніями, внезапно и съ необычайной яркостью раскрывающими то контрасты человѣческой жизни, то душевныя глубины, то самыя отдаленныя перспективы. Интенсивность его чувства настолько велика, что многочисленные, рисуемые имъ, ландшафты наполняются атмосферой универсальности, и читатель невольно проникается сознаниемъ, что мелькающіе передъ нимъ горы, моря, лѣса, люди, рѣки и другія явленія природы — лишь часть какого-то неохватнаго цѣлаго. Таковы, напримѣръ, чудныя картинки-миніатюры въ первой части „Towards Democragu“, набросанныя подъ рефреномъ „I arise and pass“, или его великолѣпное описаніе морского пути во второй части, подъ заглавіемъ: „На атлантическомъ пароходѣ“, или описаніе Монте-Карло въ IV-й части, съ его поразительно нарисованными контрастами, или, въ той же IV-й ч., глава „На рѣкѣ Мерси“, гдѣ міръ физическій чудно сливается съ міромъ нравственнымъ въ картинкѣ отплытія океанскаго парохода.

Однако, дальше распространяться о Карпентерѣ, какъ писателѣ-

¹⁾ Изъ статьи, напечатанной въ The Labour Prophet. Май, 1894 г.

художникъ, мы здѣсь не можемъ. Полный разборъ его поэзіи и беллетристики потребовалъ бы специальной статьи, и поэтому, разставаясь тутъ съ нимъ, мы, въ заключеніе, прибавимъ лишь нѣсколько словъ о положеніи, которое Карпентеръ занимаетъ въ современномъ намъ демократическомъ движеніи въ Англіи.

Карпентеръ выступилъ съ своей соціальной поэзіей и статьями по соціальнымъ вопросамъ и вообще какъ соціальный реформаторъ въ началѣ 80-хъ годовъ XIX вѣка, какъ разъ въ то время, когда Рескинъ было въ зенитѣ славы и когда Вильямъ Моррисъ уже началъ участвовать въ соціалистической пропагандѣ. Въ то время всякій мало-мальски образованный человѣкъ, интересовавшійся общественными вопросами, считалъ священнымъ долгомъ прочесть „*Munera Pulveris*“ и „*Unto the Last*“—Рескина, изъ которыхъ онъ черпалъ политико-экономическія и соціальныя теоріи, и съ увлеченіемъ слушалъ лекціи Морриса объ искусствѣ въ будущемъ. По существу этихъ теорій Карпентеръ почти ничего новаго не внесъ. Новымъ въ его ученіи было только обоснованіе тѣхъ взглядовъ на общество и культуру, которые уже проповѣдовались Рескинымъ. Новымъ было только то спиритуалистическое освѣщеніе, о которомъ мы уже говорили; новыми были и талантъ и искренность. Вотъ почему, хотя сейчасъ же по появленіи „*Towards Democracy*“, на Карпентера было обращено общее вниманіе, сразу отведшее ему крупное мѣсто въ ряду демократическихъ писателей, на него никогда не смотрѣли, какъ на вождя. Для массы его философія мало доступна, мало интересна, а тѣ „практическія мысли“, которыя онъ высказываетъ, въ общемъ,—не говоря, конечно, о собственномъ ему блескѣ изложенія, высказывались и многими другими, даже помимо Рескина, Морриса или Толстого. Онъ явился къ массѣ съ проповѣдью чувства, а не мысли, съ проповѣдью болѣе углубленного самосознанія, а не съ готовыми соціальными схемами и *продуманными* теоріями. „Люди иногда спрашиваютъ,—говоритъ онъ въ „*Angels Wings*“—въ чемъ смыслъ того или другого художественнаго произведенія? Къ черту смыслъ! Не бѣда, конечно, если въ него вплетена опредѣленная мысль или мораль. Пожалуй, въ иныхъ случаяхъ это необходимо. Но настоящій вопросъ въ томъ: насколько заразительно *чувство* автора для аудиторіи?“ И роль Карпентера въ англійской жизни—именно роль заразителя, а не руководителя и мыслителя. Роль его болѣе нравственная, чѣмъ умственная. Къ нему не идутъ съ вопросомъ: что дѣлать? какъ шли къ Толстому или Рескину. У него молодые люди и скучающія бездѣтныя барыни не спрашиваютъ совѣтовъ, какъ жить. Но когда нужно что-либо отстаивать или растолковать—обращаются къ Эдуарду Карпентеру, такъ какъ знаютъ, что его слово вызываетъ эхо, не говоря уже о томъ, что оно само по себѣ звучитъ красиво, увлекательно. Его сти-

хотвореніе „England, Arise!“, для котораго онъ же написалъ и музыку, сдѣлалось для англійской демократіи чѣмъ-то вродѣ англійской марсельезы, и оно поется на всѣхъ соціалистическихъ собраніяхъ. Стихотвореніе это очень длинное, но первую строфу изъ семи стиховъ знаютъ наизусть большинство англійскихъ соціалистовъ. Значеніе Карпентера, какъ спиритуалистическаго толкователя жизни, однако, растеть. Его послѣдняя книга, въ которой это толкованіе занимаетъ такое крупное мѣсто, имѣла огромный успѣхъ. Принимая соціализмъ Карпентера, англійская демократія незамѣтно для себя начинаетъ принимать и усваивать также и тѣ основы, которыя Карпентеръ подвелъ подъ него, и, вмѣсто того чтобы все объяснять ростомъ капитализма, начинаетъ объяснять соціалистическое движеніе ростомъ человѣческой души, переходомъ ея изъ „второй“ стадіи въ „третью“.

С. И. Рапопортъ.

Сонная одурь.

I.

Кто бывалъ на представленіяхъ труппы Станиславскаго, знаетъ свойственную имъ черту: тонкая, проницательная игра актеровъ,—и, порою, излишній реализмъ постановки. Ни на одной пьесѣ эта черта такъ не сказывается, какъ на „Трехъ сестрахъ“ Чехова. Гремящія тарелки, шипящіе самовары, коптящія лампы, удивительные бубенцы протопоповской тройки, нѣсколько назойливо напоминающіе о томъ, что они настоящіе,—а за всѣмъ этимъ разыгрывается истинное дѣйствіе,—звенять, и волнуютъ, и убѣждаютъ напряженно-вибрирующіе голоса изъ иного, искусствомъ созданнаго міра.

Чѣмъ дальше вслушиваешься въ эти различные, по разному звучащіе голоса, тѣмъ больше кажется, что всѣ они твердятъ все объ одномъ и томъ же. Уже первыя вступительныя слова настраиваютъ на особый ладъ.

„Отецъ умеръ ровно годъ назадъ, какъ разъ въ этотъ день, пятого мая, въ твои именины, Ирина... И тогда такъ же били часы...“ ...„Вотъ въ эту пору въ Москвѣ уже все въ цвѣту, тепло, все залито солнцемъ. Одиннадцать лѣтъ прошло, а я помню тамъ все, какъ будто выѣхала вчера“... (Ольга.)

„Сегодня утромъ вспомнила, что я именинница, и вдругъ почувствовала радость, и вспомнила дѣтство, когда еще была жива мама. И какія чудныя мысли волновали меня, какія мысли!“ (Ирина.)

Едва поднятъ занавѣсъ, какъ сразу же, какъ будто по тайному умыслу, вниманіе зрителя отвлекается прочь отъ происходящаго на сценѣ; дѣйствіе открывается—воспоминаніями. Отъ воспоминаній такъ естественъ переходъ къ мечтамъ; отъ прошедшаго—къ будущему, минуя настоящее.

„Сегодня утромъ проснулась, увидѣла массу свѣта, увидѣла весну, и радость заволновалась въ моей душѣ, захотѣлось на родину страстно.“ ...„И только растеть и крѣпнеть одна мечта“ (Ольга).

„Уѣхать въ Москву. Продать домъ, покончить все здѣсь и въ Москву“ (Ирина).

Ольга, Ирина, Маша мечтаютъ по-женски, о своемъ, личномъ: о своемъ прошломъ, о своемъ будущемъ. Мужескому духу тѣсно въ этихъ предѣлахъ; одинъ шагъ—и грани личной жизни перейдены, мечта свободно паритъ надъ жизнью человѣчества.

„И когда мои дѣвочки стояли у порога въ одномъ бѣльѣ, и улица была красной отъ огня, былъ страшный шумъ, то я подумалъ, что нѣчто похожее происходило много лѣтъ назадъ, когда набѣгалъ нежданно врагъ, грабилъ, зажигалъ... А пройдетъ еще немного времени, какихъ-нибудь двѣсти-триста лѣтъ, и на нашу теперешнюю жизнь также будутъ смотрѣть, и со страхомъ, и съ насмѣшкой, все нынѣшнее будетъ казаться и угловатымъ, и тяжелымъ, и очень неудобнымъ, и страннымъ. О, навѣрное, какая это будетъ жизнь, какая жизнь!“ (Вершининъ).

И такъ все время. Дѣйствующія лица похожи на одержимыхъ или сомнамбулъ; они движутся, говорятъ, какъ во снѣ, и мечтаютъ вслухъ, каждый все объ одномъ и томъ же: Ирина о Москвѣ, Тузенбахъ о радостяхъ труда, Вершининъ о будущей „невообразимо прекрасной“ жизни и т. д. Вниманіе зрителя все время раздвоено. То, что происходитъ на сценѣ, или ничтожно, или отвратительно; но надъ сценой протекаетъ свѣтлый потокъ сновидѣній. Дѣйствующія лица живутъ какъ бы двойною жизнью, одновременно въ двухъ мірахъ,—въ безобразномъ мірѣ дѣйствительности, и въ прекрасномъ мірѣ грезъ. Въ каждомъ изъ двухъ міровъ есть свои законы, своя логика; и что въ одномъ мірѣ невозможно, то въ другомъ—неизбѣжно. Вокзалъ—въ двадцати верстахъ отъ города; у Вершинина—сумасшедшая жена и двѣ дѣвочки; Андрей—членъ управы, у жены его—романчикъ съ предсѣдателемъ; Тузенбахъ убить наканунѣ своей свадьбы, и т. д., и т. д.,—все такъ и должно быть, иначе быть не можетъ, такова неотвратимая логика вещей; ибо законъ сего міра—нелѣпость и уродство. А въ томъ, другомъ мірѣ царятъ добро, красота, справедливость и „черезъ какихъ-нибудь двѣсти-триста лѣтъ“ жизнь будетъ „невообразимо прекрасной“. Въ одномъ мірѣ нужно быть сильнымъ и дѣятельнымъ, и причинять другимъ страданія, въ другомъ—нужно быть слабымъ и недѣятельнымъ, и нужно страдать самому. Роковая ошибка Ирины и Тузенбаха въ томъ, что они захотѣли работать, трудиться, осуществлять мечты,—жить въ одномъ мірѣ, подчиняясь законамъ другого.

„Сейчасъ приходитъ одна дама, телеграфируетъ своему брату въ Саратовъ, что у нея сегодня сынъ умеръ, и никакъ не можетъ вспомнить адреса. Такъ и послала безъ адреса, просто въ Саратовъ. Плачетъ. И я ей нагрубила ни съ того, ни съ сего. „Мнѣ, говорю, некогда“... Такъ глупо вышло“ (Ирина).

Да, это глупо, нелѣпо, безобразно, когда она „дома, наконецъ“; но тамъ на телеграфѣ все такъ и должно быть,—добрая, чуткая дѣвушка должна „ни съ того, ни съ сего“ сдѣлать ненужную жестокость.

„Надо поискать другую должность, а эта не по мнѣ. Чего я такъ хотѣла, о чемъ мечтала, того-то въ ней именно и нѣтъ“.

Она еще не знаетъ, бѣдная, но зритель знаетъ уже, что всѣ должности на свѣтѣ одинаковы, что во всѣхъ, безъ исключенія, того-то именно и нѣтъ, о чемъ она мечтаетъ.

Какою-же жизнью живутъ наши герои по настоящему? который изъ двухъ міровъ реаленъ? Міръ, созданный ихъ мечтами и страданіями, или тотъ, другой, созданный чужой волей, чужими желаніями и усиліями? Объ этомъ идетъ споръ на протяженіи всей пьесы; вся драма „Трехъ сестеръ“ есть борьба двухъ міровъ, поединокъ между сномъ и явью.

Въ первомъ актѣ мы цѣликомъ во власти свѣтлыхъ сновъ.

„Скажите мнѣ, отчего я сегодня такъ счастлива? Точно я на парусахъ, надо мной широкое голубое небо и носятся большія бѣлыя птицы“... (Ирина.)

Во второмъ дѣйствіи грубо врывается на сцену жизнь въ лицѣ Наташи съ ея Бобикомъ. Бѣдныя сестры тоскуютъ и бьются, какъ птицы въ сѣтяхъ: „въ Москву, въ Москву, въ Москву!“ Въ третьемъ, жизнь—уже хозяинъ положенія, сны рушатся одинъ за другимъ.

„Куда? Куда все ушло? Гдѣ оно? О, Боже мой, Боже мой! Я все забыла, забыла“... (Ирина.)

Жизнь побѣдила. Но, быть можетъ, это только кажется? Быть можетъ, и это лишь сонъ, но только дурной сонъ, кошмаръ? Развѣ не странно, неправдоподобно, чудовищно нелѣпо то, что мы называемъ жизнью? „Онъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ“... Можетъ быть, нѣтъ никакой яви, никакой реальности, вся жизнь есть только сонъ, или смѣна сновъ, то прекрасныхъ, то мучительныхъ, и, когда мы изнываемъ отъ муки, это, быть можетъ, насъ душитъ неотвязчивый кошмаръ, или чье-то злое наважденіе?

„Можетъ быть... Можетъ, я не разбивалъ, а только кажется, что разбилъ. Можетъ быть, намъ только кажется, что мы существуемъ, а на самомъ дѣлѣ насъ нѣтъ. Ничего я не знаю, никто ничего не знаетъ“.

Это самъ Чеховъ отвѣчаетъ намъ устами своего стародума—Чебутыкина.

Послѣднее дѣйствіе—своеобразный чеховскій апоѳеозъ. Три сестры ограблены жизнью до тла; тѣ небольшіе обрывки счастья, которые еще привязывали ихъ къ жизни, разсѣялись какъ дымъ, какъ сонъ. Какъ сонъ, промелькнуло Машино недолгое счастье, какъ дымъ разлетѣлись мечты о Москвѣ, о замужествѣ. Тѣ, кого онѣ любили и кто ихъ лю-

билъ, всѣ эти хорошіе, милые, добрые уходятъ отъ нихъ навсегда и онѣ остаются совсѣмъ, совсѣмъ однѣ. Когда онѣ стоятъ въ заключительной сценѣ, всѣ трое, обнявшись, прижавшись другъ къ другу, — зритель чувствуетъ, что онѣ уже внѣ жизни; единственное, что имъ осталось, единственно реальное въ этомъ мірѣ, — страданіе. Въ этомъ ихъ торжество надъ жизнью: онѣ ушли изъ нея такими же чистыми, какъ были, омывъ слезами свои случайныя паденія. И изъ той же страны, откуда прежде прилетали къ праведнымъ ангелы, къ нимъ слетаютъ свѣтлые сны.

„Пройдетъ время, и мы уйдемъ навѣки, насъ забудутъ, забудутъ наши лица, голоса и сколько насъ было, но страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанетъ на землѣ, и помянутъ добрымъ словомъ, и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь... Музыка играетъ такъ весело, такъ радостно и, кажется, еще немного — и мы узнаемъ зачѣмъ мы живемъ, зачѣмъ страдаемъ... Если бы знать, если бы знать!“

II.

Постоянное настроеніе Чехова — горестное недоумѣніе передъ жизнью: „Зачѣмъ? Для чего?“

„...Мнѣ приходили на память люди, все знакомые люди, которыхъ медленно сживали со свѣта ихъ близкіе и родные, припомнились замученныя собаки, сходявшія съ ума, живые воробьи, ошипанные мальчиками до-гола и брошенные въ воду — и длинный, длинный рядъ глухихъ медленныхъ страданій, которыя я наблюдалъ въ этомъ городѣ непрерывно съ самаго дѣтства; и мнѣ было непонятно, чѣмъ живутъ эти шестьдесятъ тысячъ жителей, для чего они читаютъ евангеліе, для чего молятся, для чего читаютъ книги и журналы“... („Моя жизнь“.)

Такъ же непонятно молодому, неглупому доктору Королеву, зачѣмъ „тысячи полторы-двѣ фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситецъ“, „сотня людей надзираетъ за работой“, „а тѣ двое-трое, которые пользуются выгодами“, глубоко несчастны. Королевъ думаетъ о „какой-то направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку“, — „о дьяволѣ, въ котораго (онъ) не вѣритъ“. „Главный, для кого здѣсь все дѣлается, — это дьяволъ“ („Случай изъ практики“).

Этотъ дьяволъ, для котораго все здѣсь дѣлается, глядитъ изъ каждой вещи Чехова, грустной или смѣшной — одинаково. По разнымъ поводамъ, различныя лица въ нихъ повторяютъ безсильный вопросъ — „зачѣмъ, отчего?“ „Отчего мы утомились? Отчего мы, вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, вѣрующіе, къ 30—35 годамъ стано-

вимся уже полными банкротами? Отчего...“ и т. д., и т. д. („Разск. неизв. чел.“).

То, что намъ непонятно,—либо смѣшить насъ, либо пугаетъ. И Чехову изображаемая имъ жизнь въ болѣе раннихъ вещахъ его—смѣшна, въ позднѣйшихъ—страшна. „Я думалъ о томъ, что случилось, и ничего не понималъ. Я смотрѣлъ на грачей, и мнѣ было странно и страшно, что они летаютъ“ („Страхъ“). Ему становится вообще непонятно, какъ можетъ взрослый, трезвый человѣкъ не бояться жизни. Въ „Палатѣ № 6“ онъ достигаетъ наибольшей доступной для него силы и глубины въ изображеніи ужаса передъ космосомъ. Жизнь—ловушка, изъ которой нѣтъ выхода. Символь ея—видъ на тюрьму изъ окна дома умалишенныхъ. Мысль безсильна что-либо измѣнить; и знаніе жизни, и отрѣшеніе отъ нея одинаково приводятъ къ безумію.

Но одна мечта порою озаряетъ его душу, какъ неожиданная радость: „Что, если бы чудомъ настоящее оказалось сномъ, страшнымъ кошмаромъ, и мы проснулись бы... Сладкія мечты жгутъ меня, и я едва дышу отъ волненія“... („Разск. неизв. чел.“)

Чеховъ нигдѣ не говоритъ прямо, что жизнь есть сонъ, но чѣмъ болѣе вчитываешься въ его произведенія, тѣмъ яснѣе чувствуешь, что это было у него навязчивымъ ощущеніемъ. Въ шуткѣ иной разъ бываешь откровениѣе, нежели въ серьезномъ разговорѣ, шутка вѣдь ни къ чему не обязываетъ. И вотъ, въ одномъ изъ раннихъ шуточныхъ рассказцевъ своихъ Чеховъ описываетъ такую сцену.

...„Чтобы убѣдиться, что мы не галлюцинируемъ, мы принялись щипать другъ друга.—Намъ обоимъ больно,—сказалъ докторъ,—стало быть сейчасъ мы не спимъ и видимъ другъ друга не во снѣ. Стало быть, гробы, мой и оба ваши,—не оптический обманъ, а нѣчто существенное“ („Страшная ночь“).

Въ другой шуточной повѣсти („Сапожникъ и нечистая сила“) онъ, тоже шутя, рассказываетъ смѣшную исторію о томъ, какъ сапожникъ заключилъ сдѣлку съ нечистой силой, сдѣлался богачемъ, ѣлъ, пилъ, наслаждался, попалъ въ адъ и, наконецъ...—проснулся. Кончается эта повѣсть какъ будто и не шуткой.

„Но Федоръ (сапожникъ) ужъ не завидовалъ и не ропталъ на свою судьбу. Теперь ему казалось, что богатымъ и бѣднымъ одинаково дурно. Одни имѣютъ возможность ѣздить въ каретѣ, а другіе—пѣть во все горло пѣсни и играть на гармоникѣ, а въ общемъ всѣхъ ждетъ одно и то же, одна могила, и въ жизни нѣтъ ничего такого, за что бы можно было отдать нечистому хотя бы малую часть своей души“.

Въ чрезвычайно характерномъ юмористическомъ рассказѣ „Сонная одурь“ описывается причудливое переплетеніе сна съ дѣйствительностью. „Въ залѣ окружнаго суда идетъ засѣданіе“. „Судьи, присяжные

и публика нахохлились отъ скуки“. Защитникъ полудремлетъ, и въ головѣ его „плывутъ“, переплетаясь, два ряда впечатлѣній; одинъ рядъ—дѣйствительность,—нудное чтеніе секретаря, нудное лицо судебного пристава и пр.; другой рядъ—мысли о томъ, что дѣлается дома, такія же нудныя. Незамѣтно для него сползаютъ онѣ на воспоминанія объ отдѣльномъ кабинетѣ, о цыганахъ, отъ обаятельной цыганкѣ Глашѣ. „Милая, славная, чудесная Глаша! Что за зубы, глаза... спина!“ „Хорошо... тепло... тихо шепчетъ защитникъ, засыпая“. Очнувшись отъ рѣзкаго окрика предсѣдателя, онъ видитъ передъ собой... цыганку Глашу, вызванную въ судъ въ качествѣ свидѣтельницы. „Ошеломленный, еще не совсѣмъ проснувшійся, полагая, что это сонъ или привидѣніе, онъ медленно поднимается и, разинувъ ротъ, смотритъ на цыганку“.

Это полузабытье, промежуточное состояніе между сномъ и бодрствованіемъ, когда дѣйствительность и грезы плывутъ въ мозгу двумя рядами впечатлѣній, одинаково отчетливыхъ, или одинаково смутныхъ, плывутъ, то параллельно, то перемежаясь, найдется почти въ каждой вещи Чехова. Въ болѣе раннихъ его вещахъ это случайное физиологическое состояніе, смѣшная „сонная одурь“—поводъ къ забавному анекдоту; въ болѣе зрѣлыхъ—нѣчто болѣе значительное, какъ бы основной признакъ бытія человѣческаго, сама жизнь. Трудъ, наслажденіе, мысль, преступленіе, все—сонная одурь. Развѣ не „сонная одурь“—имя тому дьяволу, котораго видитъ Королевъ на фабрикѣ? А разслабляющія волю чары сладострастія въ рассказѣ „Тина“, женитьба и служба Андрея въ „Трехъ сестрахъ“, убійство ребенка въ „Спать хочется“,—что это все, какъ не сонная одурь? Упоеніе мыслью, ясною, отвлеченною мыслью обращается въ сонную одурь у доктора изъ „Палаты № 6“. Даже красота вызываетъ грусть „неопредѣленную и смутную, какъ сонъ“,—какъ сонная одурь („Красавицы“). Въ одной изъ прелестнѣйшихъ миниатюръ своихъ, Чеховъ заставляетъ студента духовной академіи рассказывать бабамъ такъ давно всѣми заученный рассказъ объ отреченіи апостола Петра отъ Христа. И что же? Оказывается, и апостоломъ Петромъ владѣла все та же сонная одурь. „Петръ истомился душой, ослабѣлъ, вѣки у него отяжелѣли и онъ никакъ не могъ побороть сна“. Онъ шелъ за связаннымъ Христомъ „изнеможенный, замученный тоской и тревогой, понимаешь ли,—не выспавшійся“. И когда, послѣ троекратнаго отреченія его, запѣлъ пѣтухъ,—онъ „очнулся“, какъ будто разсѣялись колдовскія чары сна: „вспомнилъ, очнулся, пошелъ со двора и горько-горько заплакалъ“ („Студентъ“). Отреченіе отъ Христа,—отъ святыни своего сердца, отъ лучшей части своей души, отъ вѣчнаго есть сонная одурь жизни. Но что же такое это вѣчное, святое, душа, Христосъ? Чеховъ отвѣтитъ намъ въ одномъ изъ наиболѣе широко задуманныхъ, но неудавшихся произведеній своихъ: галлюци-

націи, грезы больного мозга, „оптическая несообразность“ („Черный монах“).

Итакъ, съ одной стороны—сонная одурь, съ другой—призраки,—вотъ, что такое жизнь. Единственное, что несомнѣнно реально,—страданіе. „Намъ больно, стало быть, мы не спимъ“. Эта мысль повторяется несчетное число разъ на страницахъ чеховскихъ книгъ; то—въ видѣ намека, то—претворенная въ художественные образы.

Мысль, что только страданіе „позитивно“, что наслажденіе есть лишь отсутствіе страданія, короче, что жизнь есть страданіе,—мысль древняя, какъ сама культура человѣчества. Отъ нея одинъ шагъ до ученія о „недѣланіи“, непротивленіи злу, и Чеховъ дѣлаетъ этотъ шагъ, хотя и робко, нерѣшительно, по обыкновенію...

...„Мнѣ кажется, я такъ чувствую, что въ нашей борьбѣ со зломъ есть какая-то фальшь, точно что-то недосказано или скрыто... Быть можетъ, человѣкъ ошибается, думая, что онъ обязанъ и имѣетъ право бороться со зломъ, такъ же, какъ ошибается, думая, напримѣръ, что сердце имѣетъ видъ червоннаго туза“ („Хорошіе люди“).

Въ „Трехъ сестрахъ“ мы видимъ цѣлую діалектику этого понятія, раскрытой въ художественныхъ образахъ. Всѣ три сестры—воплощенное непротивленіе злу. На грубые удары жизни онѣ умѣютъ отвѣчать только страданіемъ. Но ихъ страданіе—свято, оно превратится въ радость для грядущихъ поколѣній. Всякое же противленіе, борьба, всякое дѣланіе есть грѣхъ, паденіе, искаженіе своего образа. Міръ во злѣ лежитъ, и приобщающійся міру—злу приобщается.

Безъ труда узнаемъ мы, вскрывая содержаніе чеховскихъ образовъ, древнюю мысль, что воплощеніе, плотское бытіе есть грѣхъ, который искупается добровольнымъ страданіемъ.

III.

Съ медицинской точки зрѣнія, всѣ излюбленные чеховскіе герои—люди больные; можетъ быть, картина ихъ болѣзни не всегда достаточно точна и опредѣленна, но основныя черты ея не возбуждаютъ сомнѣній: это повышенная нервная чувствительность и совершенная разслабленность воли. Они все видятъ, слышатъ, чувствуютъ, мыслятъ, но дѣйствовать не могутъ, не могутъ съ мѣста шевельнуться, какъ въ параличѣ. Грубое прикосновеніе жизни „угнетаетъ“ ихъ, они „заболѣваютъ“, „падаютъ духомъ“ и остаются покорными, беззащитными. Всякое дѣло „замучиваетъ“ ихъ, ожесточаетъ. Они чутки, нѣжны, добры, но не умѣютъ проявить своей доброты ни малѣйшимъ вмѣшательствомъ въ жизнь. Стакана чаю не можетъ раздобыть Маша для своего возлюбленнаго, усталого, не ѣвшаго весь день. Они пассивны, страдательны до конца,

во всемъ. Ихъ мысль такъ же безвольна, какъ ихъ руки; она не умѣетъ мять жесткую глину, она беззащитна передъ фактомъ, не подчиняетъ его себѣ, но бѣжитъ передъ нимъ, либо покоряется ему слѣпо. Поэтому ихъ представленіе о жизни складывается изъ двухъ рядовъ впечатлѣній; одинъ рядъ—продуктъ мечтательности, другой—продуктъ пассивнаго воспріятія, голая дѣйствительность.

Легко замѣтить, что все сказанное примѣнимо и къ самому Чехову, конечно, съ тѣми оговорками, какія всегда обязательны въ подобныхъ случаяхъ: ибо ни одинъ изъ чеховскихъ героев не создалъ бы того, что имъ было создано. Основное свойство чеховскаго мышленія и творчества—безвольность, пассивность. Въ изображеніи жизни онъ всегда непосредственъ, элементаренъ,—пассивенъ. Самый языкъ его, этотъ удивительно красивый, ясный и чистый языкъ, которому завидовалъ самъ Левъ Толстой,—какъ-то слишкомъ мягокъ, женственъ,—безволенъ. Его сравненія, эпитеты удивительно мѣткі, но они рѣдко сливаются у него съ самимъ предметомъ, чаще ложатся съ нимъ рядомъ. Чеховъ первый ввелъ въ русскій языкъ эти безчисленные оговорки, всѣ эти „кажется“, „казалось“, „какъ будто“, „словно“, „точно“ и т. п. Это тотъ пріемъ, которымъ такъ нудно злоупотреблялъ впоследствии Л. Андреевъ. Но только цѣль другая. Андреевъ пишетъ „казалось“, когда не умѣетъ изобразить того, что „было“. Напротивъ, Чеховъ отлично умѣетъ изображать. Случайныя, причудливыя ассоціаціи, сопровождаемыя оговорками, идутъ у него не въ помощь изображенію, но сообщаютъ ему какую-то шаткость, недостовѣрность. Когда же нужно описать сонное видѣніе, бредъ, или галлюцинацію, онъ избѣгаетъ оговорокъ, становится точенъ, опредѣлителенъ.

„Монахъ въ черной одеждѣ, съ сѣдою головой и черными бровями, скрестивъ на груди руки, пронесся мимо... Босыя ноги его не касались земли. Уже пронесся сажени на три, онъ оглянулся на Коврина, кивнулъ головой и улыбнулся ему ласково и въ то же время лукаво. Но какое блѣдное, страшно блѣдное, худое лицо!“ („Черный монахъ“).

Замѣчательно также пристрастіе Чехова къ безличнымъ глагольнымъ формамъ,—„хотѣлось“, „тянуло“, „было жутко“, „было непонятно“ и т. п., и къ несовершенному виду (*imperfectum*),—„онъ приказывалъ, сердился, шутилъ съ больными, а въ мозгу его копошилось“... Рѣдко рассказываетъ Чеховъ о томъ, что человѣкъ *сдѣлалъ*, почти всегда—о томъ, что онъ *дѣлалъ*, или *дѣлаетъ*, или что *само сдѣлалось*. Его герои не преслѣдуютъ никакихъ цѣлей, ихъ дѣйствія случайны, какъ бы мимовольны. Чехову кажется, что даже самые дѣловитые люди вовсе не интересуются своимъ дѣломъ, что, напримѣръ, купцу, везущему скотъ въ столицу, вполне безразлично, будетъ ли прибыль или убытокъ, а важно и нужно лишь суетиться безъ толку, закусывать и выпивать.

вать на станціяхъ, давать взятки, писать жалобы, посылать телеграммы, болтать съ кѣмъ попало („Холодная кровь“).

Играющія дѣти не любятъ партнеровъ, равнодушныхъ къ исходу игры, потому что такое равнодушіе лишаетъ игру всякой занимательности. Между тѣмъ у Чехова всѣ люди играютъ въ игру, результатъ которой для нихъ безразличенъ. Въ его представленіи о жизни предметъ дѣятельности всегда отсутствуетъ. Вотъ какъ изображаетъ онъ драку:

„Онъ поднялъ палку и ударилъ ею сына по головѣ; тотъ поднялъ свою палку и ударилъ старика прямо по лысинѣ, такъ что палка даже подскочила. Лычковъ-отецъ даже не покачнулся и опять ударилъ сына, и опять по головѣ. И такъ стояли и все стукали другъ друга по головамъ, и это было похоже не на драку, а скорѣе на какую-то игру“. („Новая дача“).

Конечно, Чеховъ знаетъ, что драка не игра, что по головѣ не „стукаютъ“, а бьютъ, и дѣлаютъ это не для того, чтобы палка подскакивала, ударившись объ лысину; но онъ знаетъ это только разсудочно, отъ непосредственнаго же воспріятія его ускользаетъ то, чѣмъ обусловлено всякое проявленіе воли. Мотивы дѣятельности человѣческой чужды ему; ему непонятно, чѣмъ люди живы, что движетъ ими, что толкаетъ ихъ на подвигъ или на преступленіе, на шалость или на тяжелый трудъ, на безразсудство или на доброе дѣло. Онъ склоненъ видѣть разгадку въ силѣ привычки, которая представляется ему проявленіемъ космической инерціи, „посторонней, направляющей“ силой.

Жизнь, разсматриваемая какъ смѣна впечатлѣній, подвижныхъ посторонней намъ силой, безъ всякаго участія нашей воли, неизбежно должна казаться похожей на сонъ, а всѣ явленія ея—похожими на сновидѣнія. Единственная реальность, которая намъ дана непосредственно, это мы сами. Но сновидѣнія не всѣ обманчивы, бываютъ вѣщія грезы, предвѣщающія будущее. На послѣднихъ вещахъ Чехова лежитъ печать просвѣтленности душевной и какой-то истонченности жизни. Кажется, что только тонкій покровъ раздѣляетъ сонъ отъ яви, завтрашній день отъ сегодня. Въ „Трехъ сестрахъ“ ткань этого покрова уже почти прозрачна, мы уже видимъ сквозь нея, и намъ кажется, что вотъ-вотъ она истлѣетъ совсѣмъ, и мы воскликнемъ, пробуждаясь: „все это было только сномъ“!

IV.

Представленіе о томъ, что *жизнь есть сонъ*, есть одна изъ навязчивыхъ идей человѣчества, тревожащихъ мысль его съ незапамятныхъ временъ, и успѣвшихъ войти уже въ обиходъ разговорной рѣчи. Объ этомъ прекрасно говоритъ Кальдеронъ:

Кто не былъ счастливъ безпредѣльно
И не сказалъ воспоминавъ:
Все это было только сномъ.

Правда, выраженія, подобныя приведенному, мы употребляемъ обыкновенно метафорически, вовсе не думая высказать положительное сужденіе о томъ, что наше счастіе намъ снилось. Но должно помнить, что метафоры, которыя мы черпаемъ изъ сокровищницы языка, родились не метафорами, но истинами; тотъ, кто сказалъ впервые, что солнце *взошло*, звѣзды *потухли*, мѣсяцъ *народился*, понималъ это буквально. Нерѣдко и мы сами вкладываемъ въ наши слова прямой смыслъ, когда утверждаемъ, что жизнь есть сонъ. Упорство, съ которымъ умъ человѣческій возвращается къ этой мысли, зависитъ, повидимому, отъ того, что къ ней приводитъ самое поверхностное наблюденіе, и опровергнуть ее не можетъ самое глубокое размышленіе. Ее можно съ одинаковымъ успѣхомъ доказывать при какомъ угодно уровнѣ знаній, но доказать ее такъ же невозможно, какъ и опровергнуть. Ее нельзя ни доказать, ни опровергнуть потому, что это—мнимая мысль, пустая, лишенная реального содержанія. Мы не знаемъ, что такое жизнь, и не знаемъ, что такое сонъ; когда мы утверждаемъ, что жизнь есть сонъ, мы утверждаемъ также, что сонъ есть жизнь, т.-е. ничего не утверждаемъ.

Въ обиходѣ человѣческой мысли есть не мало подобныхъ пустыхъ формъ, называемыхъ иногда „общими мѣстами“. Къ нимъ относятся, напримѣръ, такія выраженія, какъ—„воля рока неотвратима“, „никто не избѣгнетъ своей судьбы“, и т. п. формулы фатализма, которыя всѣ значать только одно,—что будущее будетъ. Въ качествѣ логическихъ предпосылокъ подобныя формулы безплодны. Какой выводъ можемъ мы сдѣлать изъ допущенія, что жизнь есть сонъ? Что измѣнится въ нашихъ ощущеніяхъ, если мы назовемъ ихъ грезами, или въ законахъ нашего мышленія, если мы станемъ называть ихъ законами сновидѣнія?

...Это сонъ; такъ пусть же снится
Теперь мнѣ счастье; часъ пробьетъ,
И мнѣ приснится огорченіе.

Если бы Ньютонъ думалъ, что намъ только снятся падающія яблоки, онъ сказалъ бы, что намъ долженъ присниться также и законъ тяготѣнія.

Цѣнность такихъ общихъ мѣстъ измѣряется ихъ емкостью. Это самыя глубокія и самыя широкія вмѣстилища для нашего опыта о мірѣ, о жизни, о человѣкѣ и человѣчествѣ. Каждое поколѣніе вкладываетъ въ нихъ новое содержаніе, результатъ своего новаго опыта, подчиняясь однако законамъ построенія, заложеннымъ въ нихъ. Какъ изъ зеренъ пшеницы, найденныхъ въ египетскихъ гробницахъ, вырастетъ теперь такое же растеніе, съ какого они собраны были пять тысячъ лѣтъ тому

назадъ, такъ и эти зерна мысли, на какой бы почвѣ они не выросли, дадутъ все тѣ же всходы, тотъ же стебель, и листь, и колось, и тѣ же зазубрины на усикѣ колоса.

Разсматривая, какъ отражено представленіе о жизни-снѣ въ творчествѣ Чехова, любопытно вспомнить классическую, въ своемъ родѣ, драму Кальдерона „Жизнь есть сонъ“. Кто читалъ ее, помнитъ, вѣроятно, знаменитый монологъ Сехисмундо въ концѣ второго дѣйствія.

...Мнѣ самый опытъ возвѣщаетъ:
Мы здѣсь до пробужденія спимъ.
Спитъ царь, и видитъ сонъ о царствѣ,
И грезитъ вымысломъ своимъ;
Повелѣваетъ, управляетъ,
Среди своей дремотной мглы,
Заимобразно получаетъ
Какъ вѣтеръ лживыя хвалы.
И смерть ихъ всѣ развѣетъ пылью.
Кто-жъ хочетъ видѣть этотъ сонъ,
Когда отъ грезы о величьи
Онъ будетъ смертию пробужденъ?
И спитъ богачъ, и въ снѣ тревожномъ
Богатство грезится ему,
И спитъ бѣднякъ, и шлетъ укоры,
Во снѣ, удѣлу своему.
И спитъ обласканный успѣхомъ.
И обдѣленный видитъ сонъ.
И грезитъ тотъ, кто оскорбляетъ.
И грезитъ тотъ, кто оскорбленъ. ¹⁾

И жизнь и сонъ равно преходящи, это ихъ общій признакъ; но въ нашихъ представленіяхъ объ одномъ и о другомъ онъ играетъ не одинаковую роль. Для сна это тотъ признакъ, по которому мы скорѣе и вѣрнѣе всего отличаемъ его отъ всего другого; сонъ потому только и сонъ для насъ, что онъ прошелъ, что мы пробудились отъ него. Напротивъ, жизнь потому только и жизнь, что она еще не прошла; мы никогда не переживали ея конца и ощущаемъ ее постоянно—продолжающейся. Представить себѣ ее въ цѣломъ, какъ завершившійся процессъ, мы не можемъ безъ посредства какого-либо знакомаго намъ образа. Такимъ посредствующимъ образомъ Кальдеронъ дѣлаетъ наше представленіе о снѣ. Онъ заставляетъ насъ представить себѣ такой сонъ, который былъ бы во всемъ вполне схожъ съ нашей жизнью, будучи въ то же время сномъ, т.-е. чѣмъ-то ограниченнымъ, ибо неограниченнаго представить себѣ мы не можемъ. Опорной точкой для воображенія онъ выбираетъ моментъ пробужденія (конца), т.-е. именно тотъ мо-

¹⁾ Цитируемъ вездѣ въ переводѣ К. Бальмонта.

ментъ, который въ отношеніи къ жизни мыслится наиболѣе отвлеченно, а въ отношеніи къ сну—наиболѣе конкретно. „Мы здѣсь до пробужденія спимъ“. Смерть есть пробужденіе отъ жизни; это значитъ: однажды, проснувшись, мы увидимъ все то, что называемъ нашей жизнью, ушедшимъ отъ насъ, какъ видимъ каждое утро ушедшимъ нашъ сонъ; и тогда наша жизнь будетъ сномъ, ибо она будетъ уже ушедшей. Переживъ мысленно пробужденіе отъ сна-жизни, мы въ дальнѣйшемъ затрудненія не встрѣтимъ; ибо мы знаемъ по опыту, что сонъ можетъ обладать всѣмъ, чѣмъ обладаетъ наша жизнь. И бѣдность, и богатство, и боль униженія, и радость мести,—все это можно видѣть во снѣ. И все, что можетъ дать намъ жизнь, будь это даже царское величье, ничтожно для насъ, когда мы видимъ его ушедшимъ:

Какое благо, что прошло,
Не сновидѣніе пустое?

Не ничтожно во снѣ только то, что не уходитъ, что переживаетъ самый сонъ. Что же это такое? Въ качествѣ вѣрующаго католика, Кальдеронъ отвѣчаетъ, не колеблясь: моральная цѣнность нашихъ поступковъ:

...Добро живетъ во вѣки,
Хоть ты его во снѣ свершилъ.

Но какъ художникъ онъ даетъ и иной отвѣтъ.

Я былъ царемъ, я всѣмъ владѣлъ,
И всѣмъ я мстилъ неумолимо;
Лишь женщину одну любилъ...
И думаю, то было правдой:
Вотъ, все прошло, я все забылъ,
И только это не проходить.

Въ существѣ оба отвѣта одинаковы. Любовь къ женщинѣ (Росаурѣ), о которой идетъ рѣчь въ данномъ отрывкѣ, служить въ драмѣ воплощеніемъ стихійнаго полового влеченія. Но половое начало, по Кальдерону, есть такое же основное начало личности, какъ и влеченіе къ добру и злу. Добро и зло рождаются тамъ же, гдѣ и любовь,—въ нѣдрахъ индивидуальности, въ „душѣ“. Они „живутъ во вѣки“ потому, что и душа живетъ вѣчно.

Здѣсь Кальдеронъ открываетъ ту дверь, откуда прилетаетъ къ намъ мечта о безсмертіи личности. Если мы пробуждаемся отъ сна, это значитъ, что мы остаемся, когда сонъ ушелъ. Но сонъ не единственъ; сновъ (было и будетъ еще)—много. Бытіе нашего я не исчерпывается сновидѣніями, каковы бы они ни были: „сны проходятъ, но я остаюсь“. Оно не исчерпывается и сновидѣніями жизни. Пробудившись отъ сна-жизни, мы найдемъ себя въ иномъ мірѣ; мы вступимъ въ истинную жизнь, или же увидимъ новый сонъ.

И снится мнѣ, что здѣсь цѣлыми
Въ темницѣ я обремененъ,
Какъ снилось, будто въ лучшемъ мѣстѣ
Я, вольный, видѣлъ лучший сонъ.

Сонъ есть искаженная копія жизни; но сама жизнь, будучи подлинникомъ для сна, есть только копія иной еще формы бытія, намъ невѣдомой. Въ шаткомъ сумракѣ жизненныхъ видѣній мы смутно улавливаемъ очертанія незыблемыхъ прообразовъ. Вѣщими кажутся намъ тѣ сновидѣнія, которыя приходятъ какъ бы извнѣ жизни, изъ иной области бытія.

V.

Было бы ошибкой думать, будто представленіе о снѣ-жизни возникло какъ иллюстрація къ какой-либо философской доктринѣ. Наоборотъ: представленіе, образъ предшествовали доктринѣ. Они родились впервые въ умѣ дикаря, принимавшаго свои сонныя грезы за реальныя явленія. Размышленіе опровергло наивный опытъ дикаря; но оно не въ силахъ устранить тѣ психологическія условія, подъ вліяніемъ которыхъ вновь и вновь возникаетъ въ насъ представленіе о жизни-снѣ. А изъ этого основного представленія послѣдовательно вытекаетъ рядъ другихъ, пользуясь которыми, отвлеченная мысль въ разныя времена строить различныя философіи чаяній.

Для того, чтобы привести своего героя къ сознанію, что „жизнь есть сонъ“, Кальдеронъ заставляетъ его пережить нѣкоторый психологическій опытъ. Узника, отъ самаго рожденія заключеннаго въ башнѣ, переносятъ, соннаго, въ царскій дворецъ, гдѣ онъ просыпается наслѣднымъ принцемъ. Тамъ онъ проводитъ нѣсколько часовъ, отдаваясь безудержно своимъ влеченіямъ, и, вновь усыпленный, просыпается снова въ темницѣ, снова узникомъ. Узнавши, въ послѣдствіи, секретъ своего мнимаго сна, онъ все же не можетъ отрѣшиться отъ представленія, что жизнь есть сонъ, ибо онъ пережилъ однажды пробужденіе отъ жизни.

Жизнь не любитъ такой лабораторной обстановки для своихъ опытовъ; но уроки ея оттого не менѣе вразумительны. Весьма различны условія, при которыхъ можетъ возникнуть въ насъ чувство ирреальности жизни и представленіе объ иной категоріи бытія. Общеизвѣстно въ психологіи, что нашъ внутренній опытъ (наша „духовная личность“) — шире содержанія нашего сознанія. Но вѣчно текучее содержаніе нашего сознанія и есть вѣдь то, что мы называемъ „жизнью“. Иными словами, бытіе нашего я не исчерпывается явленіями жизни, какъ не исчерпывается оно видѣніями сна. Ощущеніе этого факта отражается

въ нашихъ представленіяхъ, какъ образъ жизни-сна. Не у всѣхъ и не всегда это ощущеніе одинаково отчетливо. Гдѣ умъ, чувство и воля привлечены реальными цѣлями и воплощаются въ соотвѣтственной дѣятельности, для него почти нѣтъ мѣста. Неутомимаго Преобразователя Россіи, которому и малѣйшій предметъ корабельной снасти не казался вещью, несостоящей вниманія, врядъ ли смущали мысли о призрачности предметнаго міра. Напротивъ, когда то, что находится въ полѣ нашего сознанія, не способно вызывать и приковывать къ себѣ ни полноту нашихъ эмоцій, ни напряженіе нашей воли,—оно кажется намъ чуждымъ, постороннимъ нашему бытію, а потому и призрачнымъ. Если, при томъ, происходитъ частая и рѣзкая смѣна полей сознанія, то представление о жизни-снѣ становится навязчивымъ, достигаетъ степени иллюзіи. Ибо, въ противоположность быстро текущимъ видѣніямъ жизни, мы при всѣхъ условіяхъ ощущаемъ наше я, какъ нѣчто неизмѣнное и постоянное.

Чѣмъ полнѣе воплощается въ жизни наша духовная личность, тѣмъ менѣе склонны мы искать иныхъ категорій бытія и познанія; и наоборотъ: невоплощенные возможности духа служатъ вѣчнымъ источникомъ запредѣльныхъ исканій. Бываютъ души, какъ бы родившіяся невоплотимыми; въ любой средѣ, въ любую эпоху—они странники съ покрытымъ лицомъ, и жизнь для нихъ—чужой пиръ. Но, съ другой стороны, бываютъ и эпохи, когда жизнь становится такъ узка, что не вмѣщаетъ вовсе духа живого; тогда удѣлъ многихъ лучшихъ—знать, что жизнь есть сонъ, и чаять пробужденія отъ нея въ мірѣ нездѣшнемъ, или здѣшнемъ, но преображенномъ. Въ такую эпоху жилъ, писалъ и умеръ Чеховъ.

Его душа, нѣжная, женственно пассивная, менѣе всего приспособлена была къ борьбѣ за свое осуществленіе. Мы не знаемъ, былъ ли бы онъ другимъ въ иной средѣ. Магнитъ проявляетъ силу притяженія только въ присутствіи желѣза; но и цѣлая гора желѣза не вызоветъ дѣйствія въ кускѣ магнита, потерявшемъ силу. Отъ чего бы это ни зависѣло, между Чеховымъ и окружающей его жизнью не было никакого притяженія; и онъ оставался безвольнымъ мечтателемъ, замкнутымъ въ себѣ, покорно изображающимъ внѣшнюю жизнь. И именно въ силу своего дефекта онъ былъ рожденъ изобразителемъ той эпохи; его слабость была его силой. Исключая изъ числа двигателей жизни творческую волю человѣка, онъ былъ удивительно зорокъ въ подмѣчаніи тѣхъ суррогатовъ, которыми она замѣняется, и, прежде всего, — многообразныхъ проявленій привычки. Никто, кажется, не изобразилъ проникательнѣе его инерцію устарѣлыхъ формъ жизни, ихъ механическую власть надъ человѣкомъ. И никто не могъ бы сильнѣе и конкретнѣе его представить ужасъ такой жизни, которая течетъ только по инерціи, по старымъ каналамъ, уже не вмѣщающимъ живого, творческаго духа.

Онъ былъ „пейзажистомъ“ (выраженіе Тригорина изъ „Чайки“). Жизнь великаго народа, среди котораго онъ жилъ, онъ рисовалъ, какъ нѣкій пейзажъ, какъ жизнь облаковъ, деревьевъ, животныхъ, какъ картины природы, быть можетъ, и родной, но незапамятно отчужденной, непонятной и враждебной человѣку. Но на фонѣ этого бездушнаго подвижнаго ландшафта изобразилась съ особой отчетливостью безнадежно одинокая фигура интеллигента, оторваннаго отъ источниковъ жизни. И Чеховъ показалъ намъ, что жизнь интеллекта, замкнувшаяся въ себѣ, разобщеннаго съ чувствомъ и волей, есть только сонъ, и притомъ сонъ, безконечно унылый. Но онъ же показалъ, что и сонъ можетъ быть дѣйственъ; что энергія духа, изгнаннаго со всѣхъ путей жизни, еще находитъ послѣднее убѣжище въ пустынныхъ просторахъ мечты, гдѣ она творитъ свой міръ, „оптически несообразный“, но въ которомъ и любовь, и ненависть, и добро, и зло такъ же реальны, какъ и въ мірѣ жизни. Чеховъ, быть можетъ, самъ того не зная, учитъ насъ тому же, чему училъ и Кальдеронъ:

Добро живетъ во вѣки,
Хоть ты его во снѣ свершилъ.

Въ этомъ соприкасаниі чеховскаго творчества съ великими образами всемірной литературы—его право на болѣе или менѣе продолжительное будущее. Все же остальное въ немъ принадлежитъ прошлому и, прежде всего, то, что слишкомъ тѣсно связано въ немъ съ эпохой, его создавшей и отъ насъ невооруженно отшедшей.

Владиміръ Шмидтъ.

Возрастъ Земли.

Земля, какъ и другія небесныя тѣла, имѣетъ свою *исторію*. Она возникла, она пережила стадіи дѣтства и молодости, она подверглась безконечнымъ измѣненіямъ въ различныя фазы своего развитія. Цѣлый рядъ процессовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ опредѣленномъ хронологическомъ порядкѣ, вносилъ въ жизнь Земли разнообразіе элементовъ и состояній. Продолжительностью всѣхъ этихъ процессовъ, взятыхъ въ цѣломъ, и опредѣляется *возрастъ Земли*.

Но исторія нашей планеты не знаетъ ни письменныхъ документовъ, ни устной традиціи. За десятки, быть можетъ, за сотни милліоновъ лѣтъ до возникновенія перваго зародыша сознательной жизни на Землѣ она существовала уже какъ обособленный индивидуумъ, съ біографіею, богатою разнообразнымъ содержаніемъ. Какъ тогда возстановить картину жизни Земли въ прошлыя времена? Наука была бы безсильна передъ этою задачею, если бы объ этомъ не позаботились сама исторія Земли и природа, которыя оставили намъ краснорѣчивые памятники своего творчества. Изученіе того, что есть и происходитъ, даетъ намъ ключъ рѣшенію вопроса о томъ, что было и происходило милліоны лѣтъ тому назадъ.

Нѣмые свидѣтели исторіи Земли, это, прежде всего, сама Земля, какъ продуктъ безконечной эволюціи, сохранившей *матеріалы*, переработанные въ теченіе огромныхъ періодовъ грандіозными процессами стихійныхъ силъ, и затѣмъ самыя эти *силы*, разрушавшія и созидавшія въ прошломъ, продолжающія разрушать и созидать нынѣ. Земля, по выраженію Каруса Штерне, „сама вела свой дневникъ“. Процессы траты Солнцемъ своей тепловой энергіи, охлажденія Земли, геологическихъ напластованій, астрономическихъ пертурбацій, измѣненія состава морской воды, разложенія радиоактивныхъ веществъ,—процессы эти, продолжающіеся и нынѣ, проливаютъ свѣтъ на судьбы Земли, позволяя восходить, путемъ вычисленія, отъ настоящаго момента къ отдаленному

прошлому. И наука стремится вырвать у матушки Земли одинъ изъ ея самыхъ интимныхъ секретовъ—секретъ ея возраста.

Разсмотримъ методы и гипотезы, которыми наука пользуется для этой цѣли.

I.

Земля—членъ солнечной системы. Согласно космогонической гипотезѣ *Лапласа*, Земля, какъ и другія планеты, возникла изъ газовой атмосферы, окружавшей Солнце. Согласно той же гипотезѣ, возрастомъ родителя-Солнца опредѣляется высшій предѣлъ возможнаго возраста порожденныхъ имъ планетъ, въ частности, нашей Земли.

Но какъ опредѣлить возрастъ Солнца? Эту задачу пытался впервые рѣшить *Гельмгольцъ*, при изслѣдованіи вопроса объ источникѣ тепловой энергіи Солнца.

Когда въ срединѣ прошлаго столѣтія физики стали отдавать себѣ отчетъ въ тѣхъ огромныхъ количествахъ тепла, которыя теряетъ каждый годъ наше центральное свѣтило, то на очередь выступила проблема о происхожденіи солнечной теплоты. Согласно цифрамъ *Пульѣ* (которыя, какъ теперь извѣстно, слишкомъ низки), каждый квадратный метръ поверхности Солнца лучеиспускаетъ въ секунду 13900 большихъ калорій; это даетъ для всей поверхности Солнца ежегодную потерю въ $2,7 \cdot 10^{30}$ большихъ калорій. Каждый килограммъ вещества Солнца теряетъ въ годъ 1,4 калорій; и если принять удѣльную теплоту Солнца въ среднемъ равною 1 единицѣ (подобно водѣ), то, при всякомъ отсутствіи какого-либо источника, пополняющаго утрату солнечной теплоты, Солнце охлаждалось бы ежегодно на $1^{\circ},4$ Цельзія. Принимая температуру Солнца въ 6000° приблизительно, мы приходимъ къ заключенію, что, если бы не было притока тепла, компенсирующаго потери, Солнце должно было бы менѣе чѣмъ въ 6000 лѣтъ охладиться до температуры замерзанія воды. Если допустить, что температура внутреннихъ частей Солнца гораздо больше указанной цифры въ 6000° , то, во всякомъ случаѣ, ясно, что первоначальнаго запаса солнечной теплоты могло бы хватить лишь на ограниченное время. Существуетъ, стало быть, источникъ, поддерживающій солнечную теплоту.

Не заключается ли этотъ источникъ въ химическихъ реакціяхъ, происходящихъ внутри Солнца? Нетрудно убѣдиться, что *обычныя, извѣстныя намъ химическія реакціи* были бы недостаточны для производства требуемой теплоты.

Тамъ, гдѣ химія казалась безсильною дать удовлетворительное объясненіе, естественно было обратиться къ *процессамъ механическимъ*. Послѣ неудачной попытки *Роберта Майера* и *Вильяма Томсона* объ-

яснить происхожденіе солнечной теплоты изъ преобразованія живой силы безпрестанно падающихъ на свѣтило метеоритовъ, *Гельмольцъ* предложилъ гипотезу, согласно которой возмѣщеніе солнечной теплоты происходитъ за счетъ непрерывнаго сжатія Солнца. Уплотненіе жидкой массы, изъ которой состоитъ Солнце, сближаетъ между собою частицы, причемъ положительная работа силъ тяготѣнія производитъ теплоту. Допустимъ, что Солнце и его теплота произошли отъ накопленія огромнаго множества частицъ-метеоритовъ, отдѣленныхъ огромными разстояніями и падавшихъ другъ на друга. Вычисленіе показываетъ, что потенциальная энергія, накапливаемая подобнымъ образомъ Солнцемъ, при предположеніи постоянной внутри его плотности, выражается формулою

$\frac{3}{5} f \frac{M^2}{R}$, гдѣ M есть масса Солнца, R —его радіусъ, а f —постоянная

тяготѣнія. При данной массѣ и данномъ радіусѣ Солнца, формула эта дастъ для накопленной энергіи Солнца $5,3 \cdot 10^{37}$ большихъ калорій. Но, согласно цифрамъ *Пулье*, Солнце теряетъ каждый годъ $2,7 \cdot 10^{30}$ большихъ калорій. При такомъ расходѣ тепловой энергіи Солнце не могло давать свѣтъ и тепло болѣе чѣмъ въ теченіе $\frac{5,3 \cdot 10^{37}}{2,7 \cdot 10^{30}}$, или приблизительно 19

милліоновъ лѣтъ. Если же допустить, что плотность различныхъ слоевъ Солнца увеличивается отъ поверхности къ центру въ обратной пропорціи къ квадратамъ ихъ разстояній отъ центра, то вычисленіе даетъ для накопленной тепловой энергіи Солнца цифру, превышающую въ $\frac{5}{3}$ раза результатъ, найденный при допущеніи гипотезы о постоянной плотности; возрастъ Солнца тогда увеличивается въ томъ же отношеніи, повышаясь до 32 милліоновъ лѣтъ. ¹⁾

Если приведенныя цифровыя данныя *Пулье* замѣнить болѣе точными числами, найденными американскимъ физикомъ *Ланглеємъ*, то для возраста Солнца получается цифра въ 1,7 разъ меньшая, напр., 11 милліоновъ вмѣсто 20 милліоновъ *Гельмольца*.

Только что сдѣланные расчеты основаны на предположеніи, что въ прошлыя времена Солнце теряло ежегодно столько же тепла, сколько и нынѣ. Но изслѣдованія *Лэна* и *Августа Риттера* показали, что уплотненіе газовой массы, вызванное ея охлажденіемъ, ведетъ (при допущеніи совершеннаго газа) къ ея нагрѣванію, и что увеличеніе температуры газоваго тѣла продолжается до тѣхъ поръ, покамѣстъ расходъ на излученіе не начинаетъ брать перевѣсъ надъ развитіемъ тепла въ процессѣ сжатія шара. Въ какой же фазѣ развитія находится теперь наше Солнце—въ фазѣ согрѣванія или охлажденія? Большинство изслѣ-

¹⁾ *H. Poincaré, Leçons sur les hypothèses cosmogoniques, Paris, 1911, стр. 201—202.*

дователей (въ числѣ ихъ *В. Томсонъ*, *Локьеръ*, *Аррениусъ*) принимаетъ гипотезу охлажденія; другіе же (*Августъ Риттеръ*, *Перри*) думаютъ, напротивъ того, что нынѣ Солнце излучаетъ больше тепла, чѣмъ сотни тысячъ или милліоны лѣтъ тому назадъ. Въ зависимости отъ того, принимается ли гипотеза охлажденія *Томсона* или гипотеза прогрессивнаго излученія Солнца *Риттера*, полученные для возраста Солнца числа должны быть уменьшены или увеличены.

Исходя изъ всѣхъ данныхъ и вѣроятностей, *В. Томсонъ* (лордъ *Кельвинъ*) вначалѣ готовъ былъ допустить 100 милліоновъ, какъ высшій предѣлъ возраста Солнца, но потомъ понизилъ этотъ предѣлъ до 20 милліоновъ лѣтъ. Въ соотвѣтствіи съ результатами, полученными *Гельмгольцемъ* и *Томсономъ*, *Тэтъ* и *Ньюкомбъ* пришли къ заключенію, что возрастъ Земли не можетъ быть оцѣненъ болѣе чѣмъ въ 10 милліоновъ лѣтъ.¹⁾

Риттеръ, примѣнившій формулы термодинамики къ нѣкоторымъ гипотезамъ объ эволюціи газовыхъ туманностей, нашелъ, что продолжительность эволюціи звѣзды, обладающей массою, равною массѣ нашего Солнца, составляетъ 58 милліоновъ лѣтъ, покамѣстъ она остается свѣтящимся тѣломъ. Исходя изъ того соображенія, что Земля не могла еще существовать тогда, когда радіусъ Солнца былъ равенъ радіусу земной орбиты, *Риттеръ* вычислилъ, что возрастъ Земли составляетъ 7.458.000 лѣтъ, если сила излученія Солнца пропорціональна квадрату абсолютной температуры, или же 40 милліоновъ лѣтъ, если она пропорціональна третьей степени абсолютной температуры²⁾.

Въ 1862 году *В. Томсонъ* формулировалъ вопросъ о возрастѣ Земли въ видѣ задачи о времени, необходимомъ для постепеннаго охлажденія отъ первоначальной до конечной температуры накаленной твердой шаровой массы путемъ теплопроводности отъ центра къ поверхности. Для этой цѣли *Томсонъ* воспользовался уравненіемъ, которое знаменитый математикъ *Фурье* нѣкогда вывелъ при разрѣшеніи задачи о „неопредѣленной стѣнѣ, охлаждающейся черезъ прикосновеніе“. Уравненіе это позволяетъ установить зависимость между первоначальною температурою охлаждающагося земного шара, промежуткомъ времени съ момента, когда началось охлажденіе черезъ поверхность, и „геотермическимъ градіентомъ“, т. е. глубиною, до которой надо спуститься внутрь земли, чтобы температура увеличилась на 1°. Въ уравненіе входитъ нѣкоторый коэффиціентъ, величина котораго зависитъ отъ теплопроводности и отъ удѣльной теплоты охлаждающагося вещества. Уравненіе показы-

1) *Thomson and Tait, Treatise on Natural Philosophy. Vol. I, Part II, Cambridge 1883, стр. 494.—W. Thomson, Conférences scientifiques, Paris, 1893, стр. 253.—S. Newcomb, Popular Astronomy, 2-e edit., London, 1883, стр. 525.*

2) *Aug. Ritter, Anwendungen der mechanischen Wärmetheorie, 1879, стр. 37—39.*

ваетъ, что для даннаго градіента количество времени, въ теченіе котораго происходитъ остываніе, пропорціонально квадрату первоначальной температуры. Для геотермическаго градіента *Томсонъ* взялъ длину въ 50 футовъ на 1° Фаренгейта, а для первоначальной температуры—вѣроятную температуру плавленія почти всѣхъ тѣлъ—7000° Фаренгейта (3871° Цельзія). Подобнымъ путемъ *Томсонъ* нашелъ, что если измѣрять возрастъ Земли временемъ, протекшимъ съ того момента, когда накаленная масса Земли стала остывать, то возрастъ этотъ заключается между низшимъ предѣломъ 20 милліоновъ и высшимъ предѣломъ 400 милліоновъ лѣтъ, причемъ *наибольше вѣроятною для возраста Земли является цифра въ 100 милліоновъ лѣтъ.*

Въ 1893 году американецъ *Кларенсъ Кингъ* далъ поправку къ теоріи *В. Томсона*. Исходя изъ опредѣленія Барусомъ точки плавленія масивныхъ породъ (діабаза), онъ нашелъ для вѣроятнаго возраста Земли предѣльную цифру въ 24 милліона лѣтъ. Выводъ *Кинга* былъ одобренъ *Томсономъ*.¹⁾

Въ концѣ-концовъ *Томсонъ* формулировалъ свое заключеніе слѣдующимъ образомъ: *возрастъ Земли, какъ твердаго тѣла, не меньше 20-ти и не больше 40 милліоновъ лѣтъ, но скорѣе ближе къ первой цифрѣ, чѣмъ ко второй.*

II.

Теоріи *Гельмольца* и *Томсона-Кельвина* произвели необычайный эффектъ въ ученомъ мірѣ. Онѣ, казалось, наносили тяжелый ударъ нѣкоторымъ общепризнаннымъ воззрѣніямъ.

Прежде всего результаты теоріи *Гельмольца* открыли брешь въ космогонической теоріи *Лапласа*. Странное дѣло! Самъ *Гельмольцъ* былъ послѣдователемъ теоріи *Лапласа*, которую онъ характеризовалъ, какъ счастливую „научную идею“, находящуюся въ соотвѣтствіи со всѣми новыми открытіями²⁾. Сама теорія *Гельмольца* представлялась примѣненіемъ и развитіемъ „Канто-Лапласовской“ гипотезы. И тѣмъ не менѣе теорія *Гельмольца* явилась исходнымъ пунктомъ кризиса космогоническихъ воззрѣній *Лапласа*. Это объясняется тѣмъ, что возрастъ Солнца, вытекающій изъ расчетовъ *Гельмольца*, оказывается недостаточнымъ для требуемой продолжительности той эволюціи солнечной туманности, которая, по *Лапласу*, привела къ постепенному отдѣленію отъ Солнца колецъ и къ сгущенію ихъ въ планеты. Такъ,

¹⁾ *Thomson and Tait*, l. c., стр. 473—480.—*King*, въ *American Journal of Science*, January 1893, стр. 14—15.—*Lord Kelvin*, The Age of the Earth (Annual Address), London, 1898, стр. 10—17.

²⁾ *H. v. Helmholtz*: „Vorträge und Reden“, 4-e Aufl., 1896, II, стр. 84.

Керквудъ нашель, что 150 миллионовъ лѣтъ понадобилось бы только для того, чтобы въ орбитѣ Нептуна два туманныхъ ядра, отдѣленныхъ разстояніемъ въ 1000 миль, могли соединиться въ одну массу для образованія ядра будущей планеты. И сколько времени потребовалось бы еще для всей эволюціи новаго свѣтила! Что значить, въ сравненіи съ такими колоссальными періодами, нѣсколько десятковъ миллионовъ или даже сотня миллионовъ лѣтъ Гельмгольца и Томсона?

Съ другой стороны, въ средѣ геологовъ теорія Гельмгольца и въ особенности теорія Томсона встрѣтили самые энергичные протесты.

До появленія этихъ теорій геологи вообще мало занимались вопросомъ о точномъ опредѣленіи возраста Земли или абсолютной продолжительности геологическихъ періодовъ. Для этого были двѣ причины. Во-первыхъ, мѣшало отсутствіе достаточно точныхъ данныхъ для научной обработки вопроса. Во-вторыхъ, для геологической исторіи Земли признавались необходимыми такіе огромные промежутки времени, которые не поддавались учету. Подобному взгляду благопріятствовало эволюціонное направленіе геологической мысли—и въ области „неорганической“ исторіи Земли, и въ области развитія органической жизни.

Согласно основному принципу эволюціонной геологіи, вся исторія Земли, съ ея самыми крупными переворотами и самыми мелкими измѣненіями, объясняется медленнымъ, но упорнымъ дѣйствіемъ совокупности безконечно малыхъ причинъ, подобныхъ тѣмъ, которыя незамѣтнымъ образомъ дѣйствуютъ и нынѣ, постепенно вписывая новую страницу въ лѣтопись нашей планеты. Для того чтобы подобныя силы могли произвести ощутительный результатъ, необходимо только одно время, и притомъ время, въ извѣстномъ смыслѣ неограниченное. Англійскій геологъ *Плейферъ*, послѣдователь *Хэттона*, одинъ изъ предшественниковъ *Ляйэлла*, говорилъ: „Время беретъ на себя заботу интегрированія безконечно малыхъ величинъ“. Понятно, что ученіе, столь „ненасытное“ на время, не могло никоимъ образомъ мириться съ скромными цифрами Гельмгольца и Томсона, воздвигавшими столь тѣсныя рамки для продолжительности геологическихъ процессовъ. Недостаточность этихъ цифръ скорѣе чувствовалась, чѣмъ аргументировалась положительными данными. Когда же геологамъ приходилось самимъ опредѣлять возрастъ Земли въ цифрахъ, то они давали баснословные періоды. Такъ, геологъ *Джэксъ* приписалъ геологическимъ эпохамъ времени образованія океана общую продолжительность отъ 3 миллиардовъ до 3 триллионовъ лѣтъ.

Еще въ меньшей степени могли удовлетворять геологовъ цифры Гельмгольца и Томсона, какъ черезчуръ скудныя въ отношеніи времени, необходимаго для измѣненія организмовъ, согласно теоріи Дарвина. Будемъ ли мы держаться теоріи самостоятельнаго зарожденія жизни на

нашей Землѣ, или же примемъ гипотезу перенесенія на Землю жизненныхъ зародышей изъ другихъ небесныхъ тѣлъ,—въ обоихъ случаяхъ необходимо страшно много времени для того, чтобы организмы могли развиться до настоящаго ихъ состоянія въ соотвѣтствіи съ законами біологической эволюціи и съ гипотезою естественнаго подбора. *Фридрихъ-Альбертъ Ланге*, въ своей „Исторіи Матеріализма“, высказалъ, что всякая естественно-научная гипотеза въ правѣ оперировать какимъ угодно количествомъ времени. Но въ примѣненіи къ гипотезѣ измѣненій организмовъ замѣчаніе *Ланге* терпитъ уже одно существенное ограниченіе: въ исторіи Земли былъ моментъ, *раньше котораго жизнь на Землѣ была невозможна въ силу физическихъ условій*. Извѣстный математикъ и философъ *Курно* противопоставилъ даже теоріи трансформизма аргументъ, заключающійся въ томъ, что *ограниченная продолжительность исторіи Земли не мирится съ предположеніемъ о развитіи органической цѣлесообразности путемъ подбора благоприятныхъ шансовъ въ игрѣ безграничнаго множества случайныхъ комбинацій* ¹⁾. Не допуская преувеличеній ни въ ту, ни въ другую сторону, приходится однако согласиться съ тѣмъ, что эволюція жизни на Землѣ должна была потребовать огромныхъ періодовъ времени.

Самъ *Чарльзъ Дарвинъ* высказался въ „Происхожденіи видовъ“ за вѣроятность того, что съ начала вторичной эпохи въ геологіи прошло болѣе чѣмъ 300 милліоновъ лѣтъ. При этомъ предположеніи, исторія жизни на Землѣ должна была имѣть вдвое или втрое большую продолжительность, а всему возрасту земли пришлось бы приписать милліарды лѣтъ. *Геккель* прямо писалъ: „Теорія *Дарвина*, равно какъ и теорія *Лайэля*, дѣлаетъ абсолютно необходимымъ предположеніе объ огромныхъ періодахъ. Если теорія развитія хоть сколько-нибудь вѣрна, то несомнѣнно должны были протечь огромные періоды времени, совершенно для насъ непостижимые“. По *Геккелю*, это, быть можетъ, періоды въ милліоны или милліарды тысячъ лѣтъ.

Неудивительно, что геологи увидѣли въ вычисленіяхъ *Гельмольца* и *Томсона* покушеніе на свои теоріи. Они рѣшили не сдаваться безъ бою и принять вызовъ физиковъ. Послѣдніе оставались непреклонны. Споръ продолжался долго. Въ настоящее время общепризнано, что побѣда осталась на сторонѣ геологовъ. Но, какъ мы увидимъ, геологи купили свою побѣду цѣною существенныхъ уступокъ своимъ противникамъ-физикамъ. Это былъ скорѣе *компромиссъ*, чѣмъ побѣда.

¹⁾ *A. A. Cournot: „Essai sur le fondement de nos connaissances“, Paris, 1871, t. I, стр. 124—126.*

III.

Теоріи Гельмольца и Томсона дали геологамъ импульсъ для опредѣленія возраста Земли своими собственными, чисто геологическими методами.

Главный методъ, которымъ пользуются геологи для опредѣленія возраста Земли со времени образованія океана, заключается въ сравненіи общей мощности всѣхъ слоевъ, отложившихся въ теченіе геологическихъ эпохъ, съ количествомъ осадковъ, накапливаемыхъ нынѣ въ морѣ въ силу денудации, т.-е. разрушенія массъ земной коры дѣйствіемъ рѣкъ и морскихъ волнъ. Впервые, повидимому, воспользовался этимъ методомъ, для полученія сколько-нибудь правдоподобной цифры, въ 1860 году, геологъ Филлипсъ. Исходя изъ того, что Гангъ приноситъ ежегодно въ Бенгальскій заливъ 6368 милліоновъ кубическихъ футовъ осадковъ, образующихъ на днѣ моря толщу въ $\frac{1}{111}$ дюймовъ, Филлипсъ нашелъ, что образованіе всей толщи осадочныхъ слоевъ, достигающей 72.000 футовъ, потребовало 95 милліоновъ лѣтъ ¹⁾. Этимъ методомъ пользовался потомъ Дж. Кролль.

Исходя изъ денудации, для опредѣленія геологическаго возраста Земли необходимо знать: 1) совокупную мощность всѣхъ осадочныхъ пластовъ и 2) толщу ежегодно отлагающихся осадковъ. Но установленіе этихъ величинъ наталкивается на трудности, отъ преодоленія которыхъ зависитъ большая или меньшая пригодность результата.

Для общей толщи слоевъ обыкновенно складываютъ максимумъ мощности, которую развила каждая геологическая эпоха. Но въ общемъ эта мощность не достигаетъ своей максимальной величины, и Меллардъ Ридъ предлагаетъ брать, съ кэмбрія, минимумъ мощности ²⁾. Съ другой стороны, опредѣленіе максимума мощности представляетъ тоже нѣкоторыя трудности, вслѣдствіе смѣшаннаго характера древнихъ формаций, возможности наибольшихъ толщъ подъ дномъ океана и другихъ причинъ. Поэтому различные изслѣдователи даютъ различныя отношенія для продолжительности эръ палеозойской, мезозойской и кайнозойской. Чаще всего придерживаются пропорціи, предложенной американскимъ геологомъ Дэна 12:3:1. Уилліамсъ предложилъ видоизмѣнить отношеніе Дэна слѣдующимъ образомъ: 15:3:1, причемъ 1 единица въ третьемъ членѣ отношенія опредѣляетъ совокупную продолжительность третичной и четвертичной эры. Напротивъ того, Уолкоттъ предпочитаетъ отношеніе 12:1:2 ³⁾.

¹⁾ J. Phillips: „Life on the Earth“, London 1860, стр. 126.

²⁾ Geological Magazine, March 1893, стр. 98—99.

³⁾ Journal of Geology, 1893, vol. I, стр. 295 и 674.

Еще больше трудностей представляет опредѣленіе ежегоднаго прироста осадочныхъ породъ. Эта величина зависитъ отъ отношенія между денудациею, т.-е. количествомъ вещества, которое рѣки и море размываютъ ежегодно, и площадью, на которой размываемая масса отлагается.

Прежде всего, была ли денудация одинакова въ различныя геологическія эпохи? *Ляйэлль* отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно. Но многіе геологи, какъ *Уоллесъ*, *Уинчелль*, *Меллардъ Ридъ*, принимаютъ болѣе значительный коэффициентъ денудации въ прошлыя геологическія эпохи, въ соотвѣтствіи съ предположеніемъ о болѣе сильномъ дѣйствіи метеорологическихъ факторовъ, вслѣдствіе болѣе сильнаго тепловаго лучеиспусканія солнца, большей силы приливовъ и отливовъ (отъ болѣе близости Луны къ Землѣ) и другихъ причинъ. *Хаутонъ* допустилъ на этомъ основаніи, что денудация была, въ теченіе прошлыхъ геологическихъ эпохъ, въ среднемъ больше въ 10 разъ, чѣмъ нынѣ. Чаше, однако, при вычисленіи возраста Земли принимаютъ денудацию однообразною.

Далѣе, величина денудации зависитъ отъ отношенія между поверхностью суши и площадью, занимаемою океаномъ. Сохраняло ли это отношеніе постоянную величину въ исторіи Земли? Большинство геологовъ склонно давать на этотъ вопросъ положительный отвѣтъ.

Денудация зависитъ, далѣе, отъ ряда мѣстныхъ условій—отъ количества дождевой воды, отъ степени твердости и проницаемости породъ, отъ быстроты теченія рѣкъ, отъ крутости береговъ, размываемыхъ волнами. Тонкій слой осадочной желѣзной или марганцевой руды можетъ быть эквивалентенъ, въ отношеніи времени образованія, мощному пласту каменистой породы. По размѣру денудации, различныя рѣки, какъ Гангъ, Миссиссипи, Дунай, Рейнъ, По, Темза, даютъ величины, которыя колеблются въ отношеніи 1:10 и больше. Поэтому продолжительность времени, необходимаго для того, чтобы воды размыли площадь какого-нибудь бассейна до опредѣленной величины, производящей нѣкоторое среднее пониженіе поверхности, опредѣляется геологами разное, то 1 футъ въ 6000 лѣтъ, то футъ въ 3000 лѣтъ, то футъ въ 1000 лѣтъ. Въ настоящее время чаще всего принимаютъ 1 футъ въ 3000 лѣтъ.

Наконецъ, толща отложеннаго слоя, соотвѣтствующаго ежегодной нормѣ денудации, зависитъ отъ размѣра площади морского дна, на которой отлагаются осадки. *Кроуль* беретъ полосу отложенія шириною въ 100 миль отъ морского берега, а *Уоллесъ* ограничивается полосою въ 30 миль ширины. Согласно *Муррею*, осадки отъ денудации отлагаются на площади, составляющей пятую часть всей поверхности моря.

Нѣкоторые геологи (*Неймайръ*, *Делонэ*) считаютъ указанныя затрудненія непреодолимыми и потому относятся весьма скептически къ воз-

возраста Земли методом денудации. Вообще же среди геологовъ господствуетъ мнѣніе, что факты и данныя, которыми нынѣ располагаетъ наука, таковы, что позволяютъ не только ставить вопросъ, но и, съ примѣненіемъ надлежащихъ предосторожностей, рѣшать его, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи *порядка* искомой величины.

Приведемъ нѣкоторые изъ найденныхъ результатовъ.

Наиболѣе крайнія—въ ту и въ другую сторону—извѣстныя намъ цифры были получены геологами *Макъ-Джи* и *Уинчеллемъ*. Первый опредѣлилъ возрастъ Земли сначала въ 15.000, а потомъ въ 6.000 милліоновъ лѣтъ, изъ которыхъ немного менѣе половины онъ приписалъ палеозойской эрѣ. *Макъ-Джи* пришелъ къ этому результату въ 1892—3 году. Напротивъ того, *Уинчелль* нашелъ въ 1883 году 3 милліона лѣтъ,—результатъ, въ правильности котораго онъ самъ, впрочемъ, не былъ увѣренъ ¹⁾).

Хаутонъ принялъ слѣдующія данныя: 1 футъ денудации въ 3000 лѣтъ въ наше время; въ 10 разъ большая денудация въ геологическія эпохи; отношеніе поверхности моря къ поверхности суши 145:52; общая мощность слоевъ до міоцена 177200 футовъ. Отсюда онъ вывелъ время, необходимое для отложенія всѣхъ этихъ слоевъ, въ видѣ произведенія $3000 \cdot \frac{1}{10} \cdot \frac{145}{52} \cdot 177200$, что составляетъ 152.675.000 лѣтъ, или для всего геологическаго возраста Земли не менѣе 200 милліоновъ лѣтъ ²⁾). Коэффициентъ денудации для геологическихъ эпохъ взятъ *Хаутономъ* совершенно произвольно. По поводу расчета *Хаутона* *Уоллесъ* замѣтилъ, что осадки распредѣляются не по всей площади океана, а лишь по береговой полосѣ въ 30 миль ширины, что для 100.000 миль береговой линіи составляетъ 3.000.000 квадратныхъ миль. Такъ какъ поверхность всей суши равна 57.000.000 квадр. миль, то отложеніе быстрѣе размыванія въ 19 разъ. Для 175.200 футовъ мощности это даетъ, при постоянной величинѣ денудации, продолжительность въ 28 милліоновъ лѣтъ ³⁾).

Меллардъ Ридъ принимаетъ слѣдующія данныя: 1 футъ денудации въ 3000 лѣтъ; средняя толщина всѣхъ слоевъ, распредѣленныхъ по всей поверхности земли,—2 мили; отношеніе площади денудации ко всей площади 1:3. По этимъ даннымъ онъ находитъ 95 милліоновъ лѣтъ съ кэмбріа. По его мнѣнію, весь возрастъ Земли опредѣляется числомъ, заключающимся между 100 и 600 милліонами лѣтъ ⁴⁾).

1) *A. Winchell, World-Life, Chicago, 1883, стр. 378.*

2) *Nature, July 4, 1878, vol. 18, стр. 268.*

3) *A. R. Wallace, Island Life, 2-e ed., London, 1892, стр. 221—223.*

4) *Geological Magaz., 1893, стр. 99—100.*

Дэна опредѣлилъ продолжительность образованія осадочныхъ слоевъ въ 48 милліоновъ лѣтъ ¹⁾).

По Гейки, изслѣдованіе денудациі, производимой рѣками, позволяетъ заключить, что ежегодное накопленіе осадковъ колеблется между $\frac{1}{730}$ и $\frac{1}{6800}$ фута толщи; для образованія всей массы слоевъ, мощностью не менѣе 100.000 футовъ, понадобилось, повидимому, отъ 73 до 680 милліоновъ лѣтъ ²⁾).

Чарльзъ Уолкоттъ, послѣ тщательнаго анализа данныхъ какъ о механической денудациі (эрозіи), такъ и химической денудациі (раствореніи), пришелъ къ выводу, что продолжительность послѣ-архейскаго времени (начиная съ альгонскаго періода) заключается между 25—30 и 60—70 милліонами лѣтъ ³⁾).

Солласъ нашелъ 26 милліоновъ лѣтъ, при предположеніи общей мощности осадочныхъ породъ въ 265.000 футовъ и среднемъ отложеніи 1 фута въ 100 лѣтъ. Послѣ цѣлаго ряда поправокъ Солласъ вывелъ конечный результатъ, достигающій 80 милліоновъ лѣтъ для геологическаго возраста Земли ⁴⁾. Джоли, въ результатъ тщательной критики расчета Солласа, показалъ, что обработка тѣхъ же числовыхъ данныхъ можетъ повести къ полученію болѣе высокой цифры для геологическаго возраста Земли: отъ 103 до 148 милліоновъ лѣтъ ⁵⁾).

Интересенъ методъ, которымъ пользовался для опредѣленія возраста Земли французскій геологъ Ляппаранъ ⁶⁾).

Ляппаранъ ставитъ прежде всего вопросъ о томъ, сколько времени необходимо для того, чтобы размываніе суши, производимое рѣками и моремъ, сравняло уровень суши съ уровнемъ моря, и чтобы вся земная поверхность покрылась океаномъ. Задача эта рѣшалась и другими геологами еще до Ляппарана, въ частности Дж. Кроллемъ.

По количеству воды, которую рѣки несутъ въ море, и по среднему содержанію въ нихъ твердыхъ веществъ можно опредѣлить количество ила, приносимаго ежегодно рѣками въ море. Ляппаранъ принимаетъ для этихъ рѣчныхъ наносовъ цифру въ 10 кубическихъ километровъ приблизительно. Далѣе, собственно морская эрозія размываетъ ежегодно

¹⁾ I. D. Dana, Manual of Geology. New York, 1875, стр. 591.

²⁾ Nature, 1892, vol. 46, стр. 322.

³⁾ Journal of Geology, 1893, vol. I, стр. 675—676.

⁴⁾ W. J. Sollas, The Age of the Earth, London, 1905, стр. 24. — The Quarterly Journal of the Geological Society of London, 1909, vol. 65, стр. CXII—CXVI.

⁵⁾ I. Joly, Radioactivity and Geology, London, 1909, стр. 233—235. — Philosophical Magaz., Septemb. 1911, стр. 364—369.

⁶⁾ Bulletin de la Société Géologique de France, t. 18, 1889—1890, стр. 351—355. — Lapparent, Le Globe terrestre, III. Paris, 1889, стр. 58. — Lapparent, Traité de Géologie, t. III, Paris, 1906, стр. 1958.

3 сантиметра морского берега, средняя высота которого достигает 50 метровъ, что даетъ 1,5 куб. метра на метръ, или 1500 куб. метровъ на километръ ширины берега; при всей длинѣ береговой линіи океана въ 200.000 километровъ, море уноситъ ежегодно 0,3 куб. километра. Наконецъ, согласно изслѣдованіямъ *Муррея*, количество *растворенныхъ* веществъ, которыя рѣки земного шара ежегодно уносятъ въ море, составляетъ 4,92 куб. километра. Сумма полученныхъ трехъ цифръ даетъ ежегодную денудацию въ 16 куб. километровъ, ежегодно отнимаемыхъ океаномъ у суши. Эти 16 куб. километровъ земной суши, погружаемые ежегодно въ океанъ, понижаютъ уровень суши (площадь которой = 195 милліонамъ квадратныхъ километровъ) ежегодно въ среднемъ на $\frac{16 \text{ куб. килом.}}{195 \text{ кв. килом.}} = \frac{11}{100}$ милліметра. Въ то же время эти осадки, накопляясь на днѣ моря, постепенно повышаютъ уровень моря: они образуютъ толщу, во столько разъ меньшую, чѣмъ $\frac{11}{100}$ миллім., во сколько разъ площадь моря больше площади суши, слѣд. толщу въ $\frac{11}{100} : \frac{252}{100} = \frac{11}{252}$ милліметра. Благодаря этому двойному процессу, разница между среднимъ уровнемъ суши и среднимъ уровнемъ океана уменьшается ежегодно на $\frac{11}{100} + \frac{11}{252} = \frac{155}{1000}$ милліметра. А такъ какъ вся разность между среднимъ уровнемъ суши и среднимъ уровнемъ океана составляетъ 700 метровъ, то отношеніемъ $700.000 : \frac{155}{1000}$ опредѣляется время, необходимое для того, чтобы разность между обоими уровнями совершенно исчезла. Данное отношеніе даетъ $4\frac{1}{2}$ милліона лѣтъ. Слѣд., $4\frac{1}{2}$ милліона лѣтъ достаточно для того, чтобы работа денудации, производимой водою, сравнила уровень суши съ уровнемъ моря. Этотъ результатъ тождествененъ съ тѣмъ, который нѣкогда получилъ *Кроллъ* ¹⁾.

Въ дѣйствительности 11 куб. километровъ твердыхъ осадковъ отлагается не равномерно по всему дну океана, а лишь въ прибрежной полосѣ, составляющей, по *Муррею*, 20% площади океана. Притомъ наибольшая толща слоя, образующагося у самаго берега въ теченіе цикла, достигаетъ, по *Ляппарану*, 2000 или 3000 метровъ. Но, согласно *Дэна*, максимумъ мощности всѣхъ отложившихся пластовъ представляетъ 40 или 50 километровъ. Всѣхъ періодовъ въ $4\frac{1}{2}$ милліона лѣтъ было, стало быть, 15—20. Это дастъ для геологическаго возраста Земли отъ 67 до 90 милліоновъ лѣтъ.

¹⁾ *James Croll*, *Climate and Time in their geological relations*, London, 1875, стр. 331.

Сопоставляя результаты, полученные разными геологами при помощи метода денудации, мы видимъ, что въ общемъ цифра, выражающая возрастъ земли, колеблется между нѣсколькими десятками и нѣсколькими сотнями милліоновъ лѣтъ и чаще всего приближается къ 100 милліонамъ лѣтъ, какъ въ средней цифрѣ.

IV.

Полученный такимъ образомъ средній результатъ находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ примѣненіи къ проблемѣ возраста Земли метода вычисленія времени, необходимаго для накопленія въ морской водѣ содержащейся въ ней соли.

Еще 200 лѣтъ тому назадъ знаменитый астрономъ *Галлей* высказалъ мнѣніе, что возрастъ океана можетъ быть опредѣленъ сравненіемъ количества соли, растворенной въ морской водѣ, съ количествомъ соли, приносимымъ ежегодно въ море рѣками. Состояніе химіи въ началѣ XVIII вѣка не позволяло, конечно, произвести требуемый расчетъ. Въ новѣйшее время нѣкоторыя попытки въ этомъ отношеніи были сдѣланы *Меллардомъ Ридомъ*, *Мурреемъ* и *Ирвиномъ*. Но только англійскому минералогу *Джолли* принадлежитъ заслуга систематической обработки вопроса на основаніяхъ, позволяющихъ извлечь конкретный научный выводъ.

Въ основу своихъ расчетовъ *Джолли* положилъ сравненіе количествъ натрія, растворенныхъ въ морской и въ рѣчной водѣ. Натрій, какъ извѣстно, — это составная часть поваренной соли (хлористаго натрія), которою такъ богата морская вода.

Принципъ метода весьма простъ: возрастъ океана есть дробь, числитель которой представляетъ все количество натрія, содержаемаго въ океанѣ, а знаменатель — количество натрія, приносимаго ежегодно въ океанъ рѣками земного шара. Для опредѣленія массы натрія въ океанѣ можно пользоваться слѣдующими данными: объемъ океана, согласно *Муррею* и *Ваннеру*, составляетъ 339 милліоновъ куб. миль; средняя плотность морской воды 1,026; процентное содержаніе солей въ морской водѣ 3,5, изъ которыхъ 30,6% приходится на долю натрія. Это даетъ для числителя $1555 \cdot 10^{13}$ тоннъ натрія въ океанѣ. Знаменатель можетъ быть опредѣленъ при помощи слѣдующихъ данныхъ: количество всей воды, которое рѣки ежегодно приносятъ въ море, согласно *Муррею* (при предположеніи, что 22,2% дождевой воды попадаетъ въ океанъ), = 27191 куб. километровъ; а количество натрія, заключающагося во всей этой массѣ воды, изливаемой въ океанъ, = $16 \cdot 10^7$ тоннъ. Возрастъ океана опредѣляется, стало быть, числомъ $\frac{1555}{16} \cdot 10^6$, или 97 милліонамъ

лѣтъ приблизительно. Благодаря различнымъ поправкамъ, которыя *Джолли* вводитъ въ свои расчеты, его окончательный результатъ колеблется между 89 и 111 милліонами лѣтъ ¹⁾.

Поправки, вносимыя *Джолли* въ данное вычисленіе, имѣютъ цѣлью устранить ошибки, которыя влекутъ за собою или преувеличеніе возраста Земли (при увеличеніи числителя или уменьшеніи знаменателя), или преуменьшеніе этого возраста (при уменьшеніи числителя или увеличеніи знаменателя).

Къ поправкамъ первой категоріи относится, прежде всего, поправка на первоначальное содержаніе соли въ океанѣ. *Джолли* приводитъ основанія, въ силу которыхъ первоначальное осоленіе океана, по его мнѣнію, было незначительно. Между тѣмъ многіе изслѣдователи полагаютъ, что насыщеніе морской воды солью было результатомъ не только выщелачиванія минераловъ, но и вызвано также проникновеніемъ въ морскую воду паровъ солей при затвердѣніи земной коры.

Сюда же относятся поправки на увеличеніе содержанія морской соли отъ химической денудациі береговъ самимъ океаномъ, отъ обогащенія океана натріемъ вслѣдствіе дѣйствія вулканическихъ изверженій, отъ накопленія натрія, приносимаго подводными рѣками и источниками.

Наконецъ, *Д. Беккеръ* показалъ, что, въ виду различія площадей денудациі въ геологическія времена, накопленіе соли въ океанѣ можетъ возрастать не пропорціонально времени ²⁾.

Ко второй категоріи поправокъ относятся поправки на тотъ натрій, который на время или навсегда извлекается изъ морской воды. Таковъ натрій, увлекаемый, въ видѣ пыли, вѣтрами и возвращающійся на континентъ съ каплями падающаго дождя. Таковъ и натрій, входящій въ содержаніе пластовъ соли, отложенныхъ моремъ въ теченіе геологическихъ вѣковъ.

Съ другой стороны, *Солласъ* и *Шельтонъ* показали, что измѣненіе нѣкоторыхъ данныхъ, принятыхъ *Джолли*, можетъ давать результаты, сильно отличающіеся отъ конечнаго вывода *Джолли* ³⁾. Такъ, напр., *Дюбуа*, оперируя методомъ *Джолли* надъ нѣсколькими измѣненными цифрами, получилъ для возраста Земли 400 милліоновъ лѣтъ.

Джолли добросовѣстно изучилъ всѣ трудности вопроса. Онъ весьма внимательно отнесся къ замѣчаніямъ критиковъ. При помощи нѣсколь-

¹⁾ *Scientific Transactions of the Royal Dublin Society* vol. VII, November 1899, стр. 25 и 64. — *Geolog. Mag.*, 1901, vol. VIII, стр. 349. — *J. Joly*, Radioactivity and Geology, стр. 244.

²⁾ *George F. Becker*, The Age of the Earth (Smithsonian Miscellaneous Collections, June 1910), стр. 12—17.

³⁾ *Quart. Journal of the Geol. Soc. of London*, vol. 65, 1909, XCIV—CXII. — *Journal of Geology*, vol. 18, 1910, стр. 192.

кихъ остроумныхъ приѣмовъ онъ пытался опредѣлить величину необходимыхъ поправокъ. Окончательный его выводъ таковъ, что всѣ поправки могутъ дать увеличеніе средней цифры лишь на 50%¹⁾. Итакъ, для *Джолли*, возрастъ земли со времени образованія океана долженъ быть опредѣленъ между 100 милліонами и 150 милліонами лѣтъ.

V.

Геологи начали съ того, что объявили войну физикамъ и теоріи *Томсона*. Но результаты собственныхъ изслѣдованій геологовъ заставили ихъ умѣрить свои требованія. Вспомнимъ, что *Томсонъ* впервые опредѣлилъ вѣроятный возрастъ Земли въ 100 милліоновъ. И что же? *Кроуль* и *Уоллесъ*, *Меллардъ Ридъ* и *Гейки*, *Ляппаранъ* и *Уолькоттъ*, *Солласъ* и *Джолли* иными методами устанавливаютъ продолжительность геологическаго времени приблизительно въ 100 милліоновъ лѣтъ и даже менѣе того. Въ этомъ пунктѣ, стало быть, геологи были готовы уступить физикамъ.

Примиреніе казалось близкимъ. *Уоллесъ* говорилъ, что огромные періоды, на которые прежде претендовали геологи, вовсе не необходимы для объясненія фактовъ. *Гейки* высказалъ, что физики оказали хорошую услугу геологамъ, внушивъ имъ умѣренность. *Ляппаранъ* подчеркивалъ соотвѣтствіе полученнаго имъ результата вычисленію *Томсона*. Этимъ замѣчалъ, что 100 милліоновъ лѣтъ удовлетворяетъ всѣхъ.

Не было протестовъ и со стороны палеонтологовъ. *Гексли* готовъ былъ довольствоваться 100 милліонами лѣтъ. *Уоллесъ* и *Солласъ* ссылались на факты, доказывавшіе возможность болѣе быстрого развитія царства организмовъ. Съ другой стороны, мутаціонная теорія (*Де Фриза*) облегчала допустимость сравнительно болѣе короткихъ геологическихъ періодовъ для соотвѣтственной эволюціи.

Однимъ словомъ, геологи признавали себя отчасти побѣжденными. Но неуступчивость физиковъ превратила частичное пораженіе геологовъ въ частичную побѣду послѣднихъ.

Во-первыхъ, если *Томсонъ* давалъ первоначально геологамъ сто милліоновъ лѣтъ для возраста Земли, то теорія *Гельмгольца* продолжала ограничивать возрастъ Солнца какими-нибудь 20-ю или 30-ю милліонами. На основаніи вычисленія *Гельмгольца*, *Ньюкомбъ* и *Тэтъ* удѣляли исторіи Земли всего 10 милліоновъ лѣтъ. Такъ далеко не могли итти уступки геологовъ.

Во-вторыхъ, самъ *Томсонъ*, послѣ работы *Клар. Кинга*, появившейся въ 1893 году, присоединился къ выводу послѣдняго, сильно ограничи-

¹⁾ *Philosophical Magaz.*, September 1911, стр. 363.

вающему возрастъ Земли (около 25 милліоновъ лѣтъ). Тутъ ужъ не могло быть рѣчи о соотвѣтствіи между взглядами геологовъ и физиковъ. И когда *Перри*, выступая уже противъ крайностей физиковъ, замѣтилъ, что геологъ *Гейки* удовольствовался бы 100 милліонами лѣтъ, *Томсонъ-Кельвинъ* шутливо отвѣтилъ въ письмѣ: „Я очень боялся бы встрѣтиться теперь съ *Гейки*, только съ 20 милліонами въ моихъ устахъ“ ¹⁾.

Дѣйствительно, столь умѣренный *Гейки* жаловался, что физики хотятъ втиснуть исторію Земли въ чрезчуръ узкія рамки. А *Ляппаранъ*, лишившись соотвѣтствія, которое онъ прежде находилъ между своимъ выводомъ и первоначальнымъ результатомъ теоріи *Томсона*, направилъ оружіе критики противъ послѣдней.

Налицо былъ конфликтъ между двумя научными теоріями. Какъ его уладить?

Нельзя ли устранить затрудненіе, допуская, что Земля существовала, вопреки теоріи *Лапласа*, раньше Солнца, какъ это предполагается, на примѣръ, въ космогонической гипотезѣ *Фая*? Геологія имѣла бы въ своемъ распоряженіи больше времени, чѣмъ теорія *Гельмгольца* даетъ для продолжительности существованія Солнца. На это было замѣчено, что высоко развитые ископаемые организмы древней кэмбріейской системы свидѣлствуютъ, что условія жизни въ этотъ ранній періодъ исторіи Земли не очень сильно отличались отъ условій жизни современности, что врядъ ли могло имѣть мѣсто безъ Солнца. Съ другой стороны, подобное рѣшеніе не уничтожаетъ антиноміи, которую порождаетъ для геологовъ теорія охлажденія Земли *Томсона*.

Въ отношеніи теоріи *Гельмгольца* естественно возникъ вопросъ: дѣйствительно ли солнечная теплота происходитъ исключительно отъ преобразованія энергіи тяготѣнія, сокращающей діаметръ нашего центрального свѣтила?

Знаменитый физикъ *Гирнъ*, одинъ изъ основателей термодинамики, рѣшительно возставалъ противъ теоріи компенсаціи потери солнечной теплоты путемъ сокращенія радіуса Солнца. *Гирнъ* доказывалъ, что сжатіе Солнца есть, для баланса теплоты, лишь палліативъ, который даетъ гораздо меньше тепла, чѣмъ принято думать. Онъ убѣждалъ, что существуетъ неизвѣстная причина компенсаціи солнечной теплоты ²⁾.

Но гдѣ искать этого новаго источника тепловой энергіи?

Не заключается ли этотъ источникъ энергіи въ дополнительной теплотѣ, образовавшейся при столкновеніи двухъ темныхъ небесныхъ тѣлъ, обладавшихъ собственною скоростью движенія,—столкновеніи, породившемъ горячую газообразную туманность *Лапласа*, изъ которой развилась

¹⁾ *Nature*, vol. 51, January 3, 1895, стр. 227.

²⁾ *Revue mensuelle de l'Astronomie populaire*. Janvier 1883.—*G. A. Hirn*, Constitution de l'espace céleste, Colmar, 1889, стр. 85—90, 320—326 и 331—332.

наша солнечная система? Это—теорія, которую развивалъ неустоимый *Дж. Кролль* (послѣ него также *Авг. Риттеръ* и *Уинчелль*) въ цѣломъ рядѣ книгъ и журнальныхъ статей. Въ этой теоріи заключается, быть можетъ, доля правды, хотя нѣкоторые полагаютъ, что большая часть пріобрѣтенной отъ удара теплоты разсѣялась бы немедленно въ пространство.

Не поддерживается ли теплота Солнца особыми химическими реакціями, пріобрѣтающими необыкновенную интенсивность при огромныхъ температурахъ и давленіяхъ внутри Солнца? *Аррениусъ* высказалъ предположеніе, что передвиженіе взрывчатыхъ веществъ изнутри Солнца къ его поверхности (гдѣ температура и давленіе относительно невелики) могла бы развить энергію, достаточную для поддержанія его теплоты въ теченіе 4000 милліоновъ лѣтъ и болѣе. Остается открытымъ вопросъ, изъ какого источника почерпнута энергія, необходимая для образованія этихъ взрывчатыхъ веществъ.

Открытіе радіоактивныхъ веществъ—это величайшее открытіе послѣдняго времени—озарило неожиданнымъ свѣтомъ всю проблему.

По наблюденіямъ *Кюри* и *Лаборда*, радій, превращаясь въ свои продукты, выдѣляетъ изъ себя большое количество теплоты. Согласно послѣднимъ работамъ *Резерфорда* и *Робинсона*, все тепловое дѣйствіе 1 грамма радія выражается 135 малыми калоріями въ часъ ¹⁾.

Возникаетъ вопросъ: не происходитъ ли тепловая энергія Солнца хоть отчасти изъ превращеній радіоактивныхъ веществъ?

Впервые эта идея была высказана *В. Уильсономъ* въ 1903 году. Она была поддержана астрономомъ *Джорджемъ Дарвиномъ* (сыномъ натуралиста), который обратилъ вниманіе на то, что существованіе радія въ Солнцѣ, умножая его энергію, позволяетъ допущеніе гораздо большаго возраста его, чѣмъ это слѣдуетъ изъ теоріи *Гельмольца-Томсона* ²⁾. Мысль эта встрѣтила сочувствіе и *Джоліи*.

Въ пользу существованія радія на Солнцѣ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что на Солнцѣ имѣется много гелія, одного изъ продуктовъ радія: гелій былъ даже впервые открытъ именно по спектру Солнца. Съ другой стороны, проф. *Дайсонъ* недавно обратилъ вниманіе на близкое отношеніе, существующее между шестью главными линіями спектра радія и нѣкоторыми линіями спектра солнечной хромосферы ³⁾.

Такимъ образомъ возможно то „чудо“, невозможность котораго *Ньюкомбъ* противопоставлялъ нѣкогда всѣмъ тѣмъ, которые могли бы усомниться въ вѣрности теоріи *Гельмольца*. *Сжатіе солнечной массы*—

¹⁾ *Phil. Magaz.*, February 1913, стр. 330.

²⁾ *Nature*, vol. 68, 1903, стр. 222 и 496; vol. 72, 1905, стр. 444. — *Naturwissenschaftliche Rundschau*, B. 20, 1905, стр. 599.

³⁾ *Astronomische Nachrichten*, 1912, № 4589.

ерядъ ли единственный источникъ тепловой энергіи Солнца. И, какъ замѣтили Резерфордъ и Содди, здѣсь дѣло не только въ радіи: вся атомная энергія должна быть принята во вниманіе въ теоріяхъ космической физики ¹⁾.

Радій не долженъ считаться панацеею для разрѣшенія всѣхъ до сихъ поръ нерѣшенныхъ вопросовъ. Но въ изучаемомъ нами вопросѣ открытіе радія было событіемъ исключительной важности. „Оно показало, говоритъ Анри Пуанкаре, что еще остается открыть много тайнъ и что не слѣдуетъ торопиться утверждать, что явленіе необъяснимо... Фактъ, совершенно неизвѣстный Гельмольцу, достаточенъ для того, чтобы лишить его выводъ доказательной силы; существуетъ, безъ сомнѣнія, много источниковъ или запасовъ энергіи, которые мы подозрѣваемъ такъ же мало, какъ мало Гельмольцъ подозрѣвалъ существованіе радія“ ²⁾.

Тотъ же радій облегчаетъ возможность выяснить противорѣчіе, которое породила Томсонова теорія охлажденія Земли.

Расчетъ охлажденія Земли—если только охлажденіе имѣетъ мѣсто—совершенно видоизмѣняется, когда извѣстно, что Земля имѣла и имѣетъ не только „первоначальную“ теплоту, но и теплоту, производящую распаденіе радіоактивныхъ веществъ: возрастъ Земли можетъ быть удлинень.

Каково должно было бы быть среднее содержаніе радія въ Землѣ, чтобы компенсировать потерю теплоты отъ охлажденія?

Умножая поверхность Земли на теплопроводность и на термическій градіентъ поверхностныхъ массъ, мы получаемъ количество теплоты, теряемой Землею: оно составляетъ $6,4 \cdot 10^{12}$ калорій въ секунду. Если мы раздѣлимъ эту величину на массу Земли ($= 6 \cdot 10^{27}$ граммовъ), то мы найдемъ, что каждый граммъ Земли теряетъ въ среднемъ $1,07 \cdot 10^{-15}$ калорій въ секунду. Если принять количество теплоты, выдѣляемой 1 граммомъ радія въ секунду, въ $6 \cdot 10^{-2}$ калорій, то частное отъ дѣленія перваго числа на второе ($= 0,18 \cdot 10^{-13}$) показываетъ, сколько радія въ среднемъ должно заключаться въ граммахъ породы для установленія тепловаго равновѣсія.—Либеновъ нашель, что компенсація достигается при среднемъ содержаніи $2 \cdot 10^{-13}$ грамма въ куб. сантиметрѣ породы; Стреттъ же нашель цифру $1,75 \cdot 10^{-13}$ грамма радія въ куб. сантиметрѣ при томъ же предположеніи ³⁾.

¹⁾ *Phil. Magaz.*, May 1903, стр. 591.—Ср. *Appenizъ*, Образование міровъ, Одесса, 1908, стр. 79, и *Sv. Arrhenius*, Die Vorstellung vom Weltgebäude, Leipzig, 1911, стр. 156, 181 ets.

²⁾ *H. Poincaré*, l. c., стр. XIV—XV и 220.

³⁾ *Physikal. Zeitschrift*, 1904, № 20. — *Proceedings of the Royal Society*, Series A, vol. 81, 1908, стр. 480.

Имѣется ли это процентное содержаніе радія въ веществѣ Земли? Оказывается, что въ изслѣдованныхъ до сихъ поръ породахъ земной коры найдено радія во много разъ больше, чѣмъ сколько было бы необходимо для возмѣщенія потери теплоты, опредѣленной согласно величинамъ градіента и теплопроводности поверхностныхъ массъ.

Стреттъ, Эльстеръ, Гейтель, Ивзъ, Макъ-Интошъ, Флетчеръ, Фейръ и Флоренсъ дали для средняго содержанія радія въ породахъ земной коры цифры, которыя колеблются отъ $0,8 \cdot 10^{-12}$ до $2,2 \cdot 10^{-12}$ грамма на куб. сантиметръ. *Джолли* нашелъ еще больше: $7 \cdot 10^{-12}$ грамма на куб. сантиметръ. Средній результатъ всѣхъ этихъ цифръ даетъ $4 \cdot 10^{-12}$ грамма. Получается, согласно выраженію *Джолли*, *embarras de richesse* радія.

Ново-зеландскій учёный *Лэби* вычислилъ количество теплоты, выдѣляемой главными радиоактивными веществами не только семейства урана-радія, но и торія; онъ получилъ $3 \cdot 10^{-13}$ калорій въ секунду на граммъ поверхностныхъ породъ. Если бы радиоактивныя вещества были распределены по всей массѣ Земли ($6 \cdot 10^{27}$ гр.) въ той же пропорціи, что и въ поверхностныхъ породахъ, то все выдѣляемое количество теплоты было бы равно $18 \cdot 10^{14}$ калорій въ секунду, т.-е. приблизительно въ 300 разъ болѣе тепловой потери ¹⁾. Въ такомъ случаѣ температура внутренности Земли должна была бы съ теченіемъ времени расти.

Но геологія не можетъ допустить подобнаго заключенія о согрѣваніи Земли въ теченіе ея исторіи. Какъ же быть съ новымъ затрудненіемъ?

Слѣдуетъ ли думать, какъ это предложили *Либеновъ* и *Стреттъ*, что содержимость радія уменьшается по мѣрѣ удаленія внутрь отъ поверхностныхъ массъ, или что радій имѣется лишь въ корѣ Земли, а не въ ея ядрѣ? Или что, согласно мнѣнію акад. *Вернадскаго*, „значительная часть этой теплоты должна итти на производство механической и химической работы какъ въ нѣдрахъ земли, такъ и въ ея корѣ“?

Какъ бы ни былъ рѣшенъ этотъ вопросъ въ будущемъ, но теперь несомнѣнно одно: въ радіи геологи нашли могущественнаго союзника противъ претензій физиковъ сузить продолжительность жизни Земли до предѣловъ, неприемлемыхъ для геологіи. Прежде физики говорили о нанесенномъ геологамъ тяжеломъ ударѣ, отъ котораго послѣдніе не могли оправиться. Теперь геологи скромно говорятъ о примиреніи съ физикою. Но математикъ *Пуанкаре*, астрономъ *Дарвинъ* и физикъ *Аррениусъ* прямо утверждаютъ, что геологи побѣдили.

VI.

Изложимъ вкратцѣ еще нѣкоторыя другія болѣе или менѣе гипотетическія опредѣленія возраста Земли.

¹⁾ *Le Radium*, Janvier 1912, стр. 22—23.—*Nature*, January 4, 1912, стр. 334—336.

Нѣкоторыя относящіяся сюда попытки исходятъ изъ *астрономическихъ* гипотезъ, предложенныхъ для объясненія *ледниковаго періода*.

Въ 1842 году французскій математикъ *Адэмаръ* выпустилъ книгу „*Révolutions de la Mer*“, гдѣ онъ доказывалъ, что, вслѣдствіе прецессіи, или предваренія равноденствій, черезъ каждыя 10500 лѣтъ наступаетъ смѣна неравенства въ распредѣленіи продолжительности всей суммы дневныхъ и ночныхъ часовъ въ двухъ полушаріяхъ; этимъ обуславливается періодическое наступленіе измѣненія температуръ и появленія льдовъ. Впослѣдствіи *Дж. Кроллъ* подробно развивалъ теорію, согласно которой соединенное дѣйствіе прецессіи и періодически наступающаго увеличенія эксцентриситета земной орбиты (вслѣдствіе усиленія возмущенія, производимаго планетами) приводитъ къ тому, что разница между продолжительностью лѣта и зимы, зимы и лѣта значительно увеличивается то въ одномъ, то въ другомъ полушаріи, и въ этомъ заключается причина наступленія ледниковаго періода по очереди то на сѣверномъ, то на южномъ полушаріи. *Робертъ Боллъ* дополнилъ теорію *Кролля* какъ въ отношеніи астрономической аргументаціи, такъ и въ особенности тѣмъ, что связалъ ее съ закономъ *Винера*, гласящимъ, что, какова бы ни была относительная продолжительность лѣта и зимы, изъ всего количества теплоты, получаемой въ теченіе года отъ Солнца, 67% всегда приходится на лѣто, а 23%—на зиму: чѣмъ короче лѣто и длиннѣе зима, тѣмъ болѣе разница въ температурѣ, тѣмъ болѣе рѣзокъ переходъ между временами года.

Теорія *Кролля* была принята, съ извѣстными ограниченіями, нѣкоторыми геологами, напр., *Уоллесомъ*. Самъ *Ляйэлль* готовъ былъ первоначально признавать по крайней мѣрѣ ея частичное значеніе для геологіи.

Астрономія позволяетъ вычислить эпохи высокихъ эксцентриситетовъ и ихъ продолжительность. Если теорія вѣрна, то она даетъ средства опредѣлить, когда ледниковый періодъ наступилъ и сколько времени онъ продолжался. Тогда, на основаніи геологической скалы отношеній, помощью простой ариѳметической операціи, устанавливается абсолютная продолжительность геологическихъ періодовъ. Затрудненіе состоитъ въ томъ, что было нѣсколько періодовъ увеличенныхъ въ разной степени эксцентриситетовъ и нѣсколько ледниковыхъ періодовъ. Какъ найти между ними правильное соотвѣтствіе?

Двѣ эпохи максимума эксцентриситета имѣли мѣсто между 980.000 и 720.000, а потомъ между 240.000 и 80.000 годами до нашей эры.

Ляйэлль сдѣлалъ слѣдующій расчетъ. Если первой изъ этихъ двухъ эпохъ высокаго эксцентриситета соотвѣтствовалъ ледниковый періодъ, предшествовавшій современной эпохѣ, то онъ имѣлъ мѣсто приблизительно 1 милліонъ лѣтъ тому назадъ. За это время морская фауна

измѣнилась лишь на 5%. Тогда получается слѣдующій палеонтологическій масштабъ: полное измѣненіе фауны требуетъ періода въ 20 милліоновъ лѣтъ. *Ляйэлль* полагаетъ, что подобное полное измѣненіе фауны произошло съ міоцена, и что время, прошедшее съ кэмбріа, заключаетъ въ себѣ 12 такихъ періодовъ. Въ такомъ случаѣ геологическій возрастъ земли, начиная съ кэмбріа, опредѣляется въ 240 милліоновъ лѣтъ.¹⁾

Напротивъ того, самъ *Кроуль* относитъ первую эпоху высокаго эксцентрицитета къ міоцену, а вторую — къ послѣднему ледниковому періоду, который наступилъ, согласно этому взгляду, 250.000 лѣтъ тому назадъ. Скала *Дэна* даетъ тогда 60 милліоновъ лѣтъ съ кэмбріа.²⁾

Замѣтимъ, что въ настоящее время большинство изслѣдователей полагаетъ, что ледниковый періодъ кончился нѣсколько тысячъ, максимумъ нѣсколько десятковъ тысячъ лѣтъ тому назадъ.

Не было недостатка въ гипотезахъ, которыя объясняютъ ледниковый періодъ измѣненіемъ наклоненія земной оси къ эклиптикѣ. Согласно одной изъ такихъ гипотезъ, наклоненіе оси Земли къ эклиптикѣ, измѣняясь каждый вѣкъ на 46 секундъ, переходитъ отъ 90° къ 0° въ 700.000 лѣтъ, по расчету 1° въ 7800 лѣтъ. Періодическое измѣненіе климатовъ зависитъ отъ цикловъ, равныхъ по продолжительности двойному періоду въ 700.000 лѣтъ. По угольному бассейну Сень-Шамона, заключающему въ толщѣ 900 метровъ 12 пластовъ каменнаго угля, изъ которыхъ каждый соотвѣтствовалъ эпохѣ продолжительностью въ 1.400.000 лѣтъ, и по общей толщѣ всѣхъ осадочныхъ породъ — возрастъ земли опредѣляется не менѣе чѣмъ въ 1 милліардъ лѣтъ.³⁾ Къ сожалѣнію, подобная гипотеза не находитъ себѣ подтвержденія въ данныхъ астрономіи.

Величина сжатія земли у полюсовъ тоже служила основаніемъ нѣкоторыхъ расчетовъ, касающихся возраста земли.

Приливы замедляютъ суточное вращеніе земли вокругъ оси. По изслѣдованіямъ *Гансена*, *Адамса* и *Делонэ* замедленіе вращенія достигаетъ въ среднемъ 22 секундъ въ столѣтіе. Нѣкогда сутки были короче, и центробѣжная сила вращенія земли, пропорціональная квадрату угловой скорости, была больше. По расчету *Томсона*, 7200 милліоновъ лѣтъ тому назадъ Земля должна была вращаться вокругъ оси въ 2 раза быстрее, а центробѣжная сила на экваторѣ должна была быть въ 4 раза больше, чѣмъ теперь. Но сжатіе земли, въ предположеніи жидкаго состоянія ея, зависитъ отъ величины центробѣжной силы. На этомъ основаніи, *И. Клейнъ*, доказавъ, что сутки никогда не были короче 17 часовъ 6 минутъ и что наиболѣе вѣроятная первоначальная величина

1) *Ch. Lyell*, Principes de Géologie, trad. *Ginestou*, Paris, 1875, t. I, стр. 386 и 395

2) *J. Croll*, l. c., стр. 340—343.—*A. R. Wallace*, l. c., стр. 235.

3) *L. Rémond*, Douze cents mille d'ans d'Humanité, Monaco, 1902, стр. 144—149 и 151—152.

ихъ достигала 20 часовъ 36 минутъ, вывелъ, что со времени покрытія земли твердою корою прошло 2000 милліоновъ лѣтъ.¹⁾ Напротивъ того, *Томсонъ-Кельвинъ*, сопоставляя возможную величину центробѣжной силы въ прошлое время и конфигурацію материковъ и океановъ земли, пришелъ къ заключенію, что отвердѣніе земли должно было наступить менѣе чѣмъ 1000 милліоновъ лѣтъ тому назадъ.²⁾

Дѣйствіе приливовъ играетъ центральную роль въ космогоническихъ изслѣдованіяхъ *Дж. Дарвина*. Онъ доказываетъ, что луна отдѣлилась отъ земли не менѣе, чѣмъ 56 милліоновъ лѣтъ тому назадъ. Онъ считаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможнымъ, что это произошло 500 или даже 1000 милліоновъ лѣтъ тому назадъ.³⁾

Т. Арльдтъ исходитъ изъ теоріи постепеннаго охлажденія Земли, чтобы установить относительную продолжительность геологическихъ эпохъ въ зависимости отъ среднихъ температуръ. Принявъ четвертичный періодъ въ 500.000 лѣтъ, онъ находитъ возрастъ земли—съ кэмбріа 69 милліоновъ лѣтъ, съ образованія океана 302 милліона, а съ образованія коры 503 милліона лѣтъ.⁴⁾

Японскій ученый *Сузуки* вычислилъ въ 1912 году время, которое потребовалось для отвердѣнія настоящей коры земли, при предположеніи, что теплота плавленія, выдѣляемая при плавленіи, уходитъ на возмѣщеніе той, которая теряется при излученіи. Въ зависимости отъ рода породы (гнейса, гранита или базальта) онъ получилъ числа отъ 30 до 300 милліоновъ лѣтъ.

Рудзкій нашелъ путемъ вычисленія, что, вслѣдствіе охлажденія Земли, радіусъ ея сокращается ежегодно на 0,004 сантиметра. Сопоставляя эту величину съ величиною полного сокращенія земли радіуса, приблизительно опредѣляемою изъ изученія складокъ горныхъ цѣпей, *Рудзкій* пришелъ къ заключенію, что земля стала остывать 3 милліарда лѣтъ тому назадъ.

Замѣтимъ, что, согласно вычисленію *Рудзкаго*, земля охлаждается гораздо медленнѣе сравнительно съ цифрами *Арльдта*. У послѣдняго охлажденіе на 1° происходитъ въ періодъ отъ 5—до 3-хъ милліоновъ лѣтъ. Если же мы примемъ 0,0005 для линейнаго коэффиціента сжатія земли, то охлажденіе земли на 1° дастъ сокращеніе радіуса на 6632.10^5 . $0,0005 = 311600$ сантиметровъ. Раздѣливъ это число на величину, найденную для годичнаго сжатія радіуса *Рудзкимъ*, мы находимъ 78 мил-

1) *Hermann J. Klein*, Wie viele Jahre besteht der Erdball, стр. 17 etc.

2) *Thomson and Tait*, Treatise on Natural Philosophy, Part II, 1883, стр. 419.—*Kelvin*, The Age of the Earth, стр. 7—8.

3) *Nature*, 1905, vol. 72, стр. 443.

4) *Theod. Arldt*, Die Entwicklung der Kontinente, Leipzig, 1907, стр. 541—544 и 553—554.

ліоновъ лѣтъ для охлажденія земли на 1° . Таково различіе результатовъ въ зависимости отъ различія предпосылокъ или исходныхъ пунктовъ въ гипотезахъ!

Наконецъ, интереснымъ представляется еще одинъ новый методъ опредѣленія возраста породъ, основанный на *радіоактивности*. Какъ видно, радію суждено играть исключительную роль въ новыхъ космогоническихъ идеяхъ.

Сущность этого метода, предложеннаго *Резерфордомъ* и *Стреттомъ*, заключается въ томъ, чтобы опредѣлить количество гелія, приходящееся на 1 граммъ урана въ минералѣ, и раздѣлить его на количество гелія, которое, какъ установлено опытами, производится ежегодно 1 граммомъ урана. Для этой послѣдней константы *Резерфордъ* нашелъ сначала $10,7 \cdot 10^{-8}$, а впослѣдствіи $8,5 \cdot 10^{-8}$ куб. сантиметровъ гелія въ годъ на 1 граммъ урана.

Резерфордъ нашелъ такимъ образомъ для возраста торіанита, минерала съ содержаніемъ 72% торія и 10% урана, по крайней мѣрѣ 400 милліоновъ лѣтъ. ¹⁾

Стреттъ поставилъ вопросъ о примѣненіи этого метода къ опредѣленію возраста земли. Для годичнаго производства гелія однимъ граммомъ окиси урана, онъ принялъ величину въ $9,13 \cdot 10^{-8}$ куб. сантиметровъ. Онъ подвергъ изслѣдованію рядъ минераловъ различныхъ геологическихъ формаций. Онъ нашелъ для олигоцена 8,4 милліоновъ, для эоцена 31 милліонъ, для каменноугольной эпохи 150 милліоновъ, для архейскихъ минераловъ 710 милліоновъ лѣтъ. Эти возрасты онъ считаетъ минимальными, въ виду возможности потери нѣкотораго количества гелія въ геологическія времена. ²⁾

Въ результатѣ превращенія радіоактивныхъ веществъ должны получаться конечные *инертные* продукты. Одинъ изъ такихъ продуктовъ для семейства урана-радія есть *гелій*; другимъ инертнымъ продуктомъ, полагаютъ, долженъ быть *свинецъ*. Если послѣднее вѣрно, то процентное отношеніе содержанія *свинца* къ содержанію *урана* должно быть *постоянно* для различныхъ неизмѣнныхъ ураніевыхъ минераловъ *одного* *возраста*, а для минераловъ *разныхъ возрастовъ* оно должно быть *пропорціонально* возрасту. Изслѣдованія *Больтвуда* показали ему вѣрность и того, и другого заключенія. вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи пропорціи содержанія свинца и урана въ нѣкоторыхъ ураніевыхъ минералахъ, *Больтвудъ* опредѣлилъ ихъ возрастъ цифрами отъ 410 до 2200 милліоновъ лѣтъ. ³⁾

1) *Phil. Magaz.*, October 1906, стр. 368—369.

2) *Proceedings of the Royal Society*, Series A, vol. 81, 1908, стр. 276; vol. 84, 1910—1911, стр. 194—195 и 388.

3) *Americ. Journal of Sc.*, 1907, vol. 23, стр. 77—87. — *Ср. Phil. Mag.*, April 1905, стр. 613.

Артуръ Холмсъ примѣнилъ методъ *Больтвуда* къ опредѣленію возраста различныхъ геологическихъ формаций. Онъ исходитъ изъ положенія, что молекула урана превращается въ молекулу свинца черезъ періодъ въ 8200 милліоновъ лѣтъ. Возрастъ урановаго минерала получается посредствомъ умноженія этого числа на отношеніе содержащихся въ немъ количествъ свинца и урана. *Артуръ Холмсъ* нашелъ, что это отношеніе подымается отъ 0,041 въ болѣе новыхъ до 0,20 въ болѣе древнихъ формаціяхъ. Сообразно анализамъ, онъ опредѣлилъ возрастъ карбона въ 340, девона въ 370, силура въ 430, а до-кэмбрійскихъ формаций въ 1025—1640 милліоновъ лѣтъ.¹⁾

Противъ метода опредѣленія возраста земли и геологическихъ формаций помощью радіоактивности дѣлались возраженія, заслуживающія вниманія (*Джолі, Беккеръ, г-жа Гледичъ*).

Дѣйствительно ли весь гелій и весь свинецъ урановыхъ минераловъ—радіоактивнаго происхожденія? Не существовала ли часть этихъ веществъ въ породѣ при ея образованіи? Не обогатилась ли порода этими веществами позднѣе изъ другихъ источниковъ?

Сторонники метода отвѣчаютъ отрицательно на эти вопросы. Они ссылаются, напримѣръ, на то, что гелія не находятъ въ минералахъ другихъ, сверхъ торіевыхъ и урановыхъ, т.-е. минераловъ радіоактивныхъ.—Новѣйшія изслѣдованія показываютъ однако, что это не совсѣмъ вѣрно. Доказано присутствіе гелія въ не-радіоактивныхъ минералахъ (*Питти*). Самъ *Стреттъ* нашелъ, что количество гелія въ бериллѣ—совершенно внѣ пропорціи съ его слабою радіоактивностью. Съ другой стороны, указываютъ на существованіе радіоактивныхъ минераловъ, не выделяющихъ гелія. Наконецъ, и постоянство отношенія между радіемъ и ураномъ подвержено сомнѣніямъ.²⁾

Далѣе, была ли въ прошлое время постоянна пропорція распаденія урана? *Аррениусъ* высказалъ мнѣніе, что законъ превращенія радія можетъ измѣняться въ зависимости отъ высокихъ температуръ и давленій. Сторонники метода доказываютъ, что для всѣхъ радіоактивныхъ веществъ съ короткимъ періодомъ существованія законъ постоянства отношеній имѣетъ силу, оставаясь независимымъ отъ температуры и давленія, и что въ этомъ заключается его преимущество передъ другими методами опредѣленія возраста земли. Но примѣнимъ ли тотъ же законъ къ самому урану, родоначальнику семейства?

Наконецъ, спросимъ мы, откуда явился на землѣ уранъ? Какъ объяснить, что онъ открылъ серію своихъ послѣдовательныхъ превращеній

¹⁾ *Proceedings of the Royal Society*, vol. 85, A. 1911, стр. 248—256.

²⁾ *Le Radium*, Juin 1909, стр. 166; Mai 1910, стр. 146—149; Juin 1910, стр. 178—179; Juillet 1911, стр. 256—273.—*Proceedings of the R. S.*, vol. 84, стр. 196.—*Nature*, vol. 79, 1908, стр. 207—208, vol. 84, 1910, стр. 238—239 и 296—297.

въ опредѣленный моментъ и въ опредѣленной геологической формациі? Не претерпѣлъ ли онъ уже извѣстной эволюціи или въ другомъ состояніи на землѣ, или даже внѣ земли? Нѣтъ ли еще родителей у урана и торія, этихъ современныхъ родителей радіоактивныхъ веществъ? Совершается ли эволюція этихъ веществъ прямолинейно, или же въ видѣ неизвѣстныхъ намъ цикловъ? Какое вообще существуетъ отношеніе между эволюціею земли и эволюціею радіоактивныхъ элементовъ?

Вотъ вопросы, на которые должна отвѣтить теорія радіоактивности, чтобы разсѣять сомнѣнія, вызываемыя предлагаемыхъ ею методомъ опредѣленія возраста земли.

Интересно, что тотъ самый радій, который помогъ геологамъ восторжествовать надъ физиками, беспокоить теперь геологовъ тѣмъ, что для возраста разныхъ геологическихъ формаций онъ даетъ цифры, гораздо большія, чѣмъ тѣ, которыя получаются на основаніи метода денудациі и метода осоленія морей. Теоріи *Гельмгольца* и *Томсона* давали геологамъ слишкомъ мало времени для исторіи земли, теоріи *Резерфорда* и *Стретта* даютъ для нея слишкомъ много времени. Будущее покажетъ, кому придется надбавить и кому сбавить въ вычисленіяхъ. Быть можетъ, примиреніе произойдетъ на особомъ, нынѣ еще не открытомъ принципѣ.

Каково бы ни было расхожденіе между цифрами, которыя даютъ различные методы, теорія опредѣленія возраста земли сдѣлала, несомнѣнно, въ послѣднее время большіе успѣхи. Предѣлы приблизительно найдены. Вѣхи разставлены. И нѣтъ сомнѣнія, что наука стоитъ близко къ разгадкѣ загадки, предлагаемой ей Сфинксомъ міровой хронологіи.

Ю. Делевскій.

Памяти Зинаиды Сергѣевны Мировичъ.

24 августа скончалась писательница и общественная дѣятельница Зинаида Сергѣевна Мировичъ. Получивъ высшее образованіе на московскихъ женскихъ курсахъ проф. Герье, Зинаида Сергѣевна рѣшила посвятить себя литературной дѣятельности. Она занялась прежде всего изученіемъ исторіи великой французской революціи. Плодомъ этихъ ея занятій явилась специальная монографія о г-жѣ Роланъ. Изданная отдѣльной книгой, основанная на серьезномъ изученіи первоисточниковъ, эта монографія была отмѣчена специальной критикой, какъ работа, заслуживающая вниманія по своимъ немаловажнымъ достоинствамъ. И въ послѣдствіи Зинаида Сергѣевна возвращалась временами къ научно-критическимъ опытамъ изъ той же области. Такъ, ея перу принадлежитъ рядъ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ дѣятелямъ французской революціи: Сенъ-Жюсту, Камиллю Демулену, Шарлоттѣ Кордэ и т. д. Эти очерки появились въ *Вѣстникѣ Европы* и другихъ журналахъ.

На-ряду съ историческими работами Зинаида Сергѣевна много занималась переводческой дѣятельностью. Въ свое время она не мало посодѣйствовала ознакомленію русской читающей публики съ драмами Ибсена, когда произведенія этого писателя только еще начинали заинтересовывать русское общество. Въ ея переводахъ появились „Сѣверные богатыри“ на сценѣ московскаго Малаго театра и „Докторъ Штокманъ“—на сценѣ Художественнаго театра.

Со времени возникновенія въ Москвѣ Комиссіи по организаціи домашняго чтенія Зинаида Сергѣевна, принявъ дѣятельное участіе въ работахъ этой комиссіи, съ увлеченіемъ предается изученію аналогичныхъ учреждений на западѣ Европы. Ежегодно путешествуетъ она по Англіи и Франціи, знакомится лично съ тамошними руководителями движенія по демократизаціи образованія и въ многочисленныхъ статьяхъ, появлявшихся въ *Русской Мысли*, *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, *Вѣстникѣ Воспитанія* и др. журналахъ, пропагандируетъ различныя формы распространенія самообразованія, съ успѣхомъ испробованныя на западѣ.

Во время этихъ заграничныхъ поѣздовъ Зинаида Сергѣевна завязываетъ обширныя знакомства съ руководительницами феминистскихъ организацій на западѣ и отдается всей душой дѣлу женской эмансипаціи. Съ возникновеніемъ въ Россіи Лиги женскаго равноправія и другихъ аналогичныхъ начинаній Зинаида Сергѣевна становится въ первые ряды русскихъ представительницъ и руководительницъ женскаго движенія. Она вносила въ свою работу въ этомъ направленіи не только пылкій энтузіазмъ, но и серьезную, непрерывно совершенствуемую теоретическую подготовку. Ея особенной заслугой въ дѣлѣ женскаго движенія въ Россіи надлежитъ признать то, что она умѣла расширять и укрѣплять связи женскаго движенія въ Россіи съ международными его центрами. На международныхъ женскихъ конгрессахъ Зинаида Сергѣевна пользовалась заслуженнымъ авторитетомъ среди западныхъ представительницъ движенія, которыя цѣнили въ ней серьезные знанія, широкую образованность и горячую преданность общему дѣлу. Она прекрасно владѣла англійскимъ языкомъ и не однажды выступала на женскихъ митингахъ въ Лондонскомъ Гайдъ-паркѣ. Ее упрекали иногда въ симпатіи къ крайнимъ формамъ борьбы англійскихъ суффражистокъ. Это было величайшее недоразумѣніе. Она горячо симпатизировала ихъ цѣлямъ, но съ печалью признавала ошибочность ихъ крайнихъ эксцессовъ. Имя Зинаиды Сергѣевны будетъ отмѣчено въ исторіи русскаго женскаго движенія. Но кончина Зинаиды Сергѣевны составила чувствительную утрату не только для женскаго движенія. Намъ вообще очень нужны общественные дѣятели того нравственнаго закала, который былъ присущъ ея душѣ. Это былъ человѣкъ чрезвычайно прямой, открытый, порою рѣзкій въ отстаиваніи требованій справедливости, но всегда идейно-последовательный и имѣвшій мужество громко высказывать свое мнѣніе, хотя бы вразрѣзъ съ настроеніемъ большинства. Такіе люди умѣютъ быть вѣрными и надежными друзьями того дѣла, которому они отдаютъ свою жизнь.

А. Кизеветтеръ.

Отъ С.-Петербургскаго Общества Грамотности.

Положеніе о первомъ всероссійскомъ сѣздѣ по вопросамъ народнаго образованія, утвержденное Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

1. Первый всероссійскій сѣздъ по вопросамъ народнаго образованія созывается въ С.-Петербургѣ Обществомъ Грамотности 23 декабря 1913 года и продолжается десять дней.

2. Первый сѣздъ имѣетъ цѣлью разработку, обсужденіе и разрѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ:

- а) типы начальныхъ школъ первой ступени и связь между школами первой и второй ступеней обученія;
- б) учебно-воспитательный строй школы 1 ступени; учебные планы и программы;
- в) методы преподаванія;
- г) подготовка учащихся.

3. При сѣздѣ организуется выставка учебныхъ пособій и работъ учащихся по учебнымъ предметамъ курса начальной школы.

4. Засѣданія сѣзда могутъ быть общими и частными по секціямъ; для разработки отдѣльныхъ вопросовъ сѣздъ можетъ избирать комиссіи.

5. Засѣданія сѣзда публичны.

Примѣчаніе. Публичныя засѣданія сѣзда, въ томъ числѣ и секціонныя, съ участіемъ представителей печати или особо приглашенныхъ лицъ, подчиняются дѣйствию временныхъ правилъ о собраніяхъ, прилож. къ ст. 115¹ Уст. Пред. прест. по прод. 1906 г.

6. Въ составъ членовъ сѣзда входятъ:

- а) учащіе начальныхъ училищъ разныхъ наименованій и вѣдомствъ, кромѣ учащихся церковныхъ школъ;
- б) члены организаціоннаго комитета сѣзда;
- в) лица, доклады коихъ будутъ приняты организаціоннымъ комитетомъ;
- г) лица, приглашенные къ участію въ сѣздѣ организаціоннымъ комитетомъ.

7. Лица, желающія участвовать въ сѣздѣ, заявляютъ объ этомъ организаціонному комитету и вносятъ членскій взносъ въ размѣрѣ 3 рублей.

8. Организаціонныя, подготовительныя работы по сѣзду, просмотръ и допущеніе докладовъ, устройство при сѣздѣ выставки, пріисканіе помѣщеній для членовъ, устройство научныхъ демонстрацій, лекцій, посѣщеній музеевъ, театровъ и пр., изданіе дневника сѣзда и трудовъ сѣзда, а также приведеніе въ исполненіе постановленій сѣзда возлагается на организаціонный комитетъ сѣзда, въ составъ котораго входятъ: правленіе С.-Петербургскаго Общества Грамотности, школьная комиссія общества и лица, приглашенные организаціоннымъ комитетомъ.

9. На первомъ общемъ собраніи сѣзда, открываемомъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Общества Грамотности, избираются: предсѣдатель сѣзда, два его товарища и секретари общихъ собраній, а равно предсѣдатели и секретари секцій.

10. Всѣ должностныя лица сѣзда и члены организаціоннаго комитета составляютъ въ періодъ занятій сѣзда распорядительный комитетъ, на обязанности котораго лежитъ руководство всѣми занятіями сѣзда.

11. Сѣзду предоставляется право дѣлать постановленія и обращаться, куда слѣдуетъ, съ ходатайствами по предметамъ его вѣдѣнія.

12. Всѣ рѣшенія секцій вносятся на утвержденіе общаго собранія сѣзда.

13. Члены сѣзда, желающіе представить доклады, должны внести ихъ въ организаціонный комитетъ не позднѣе срока, который онъ установитъ. Внесеніе докладовъ полностью, частью или въ видѣ рецензій зависитъ отъ организаціоннаго комитета, который можетъ установить и предѣльный размѣръ доклада.

14. Остатки отъ денежныхъ средствъ, если бы таковыя оказались по окончаніи всѣхъ дѣлъ сѣзда, передаются организаціонному комитету для подготовки слѣдующаго сѣзда или той организаціи, которой будетъ порученъ созывъ этого сѣзда.

15. Рѣшенію сѣзда подлежитъ также вопросъ о времени и мѣстѣ созыва слѣдующаго сѣзда по вопросамъ народнаго образованія, его программѣ и выборъ организаціоннаго комитета для его подготовки или порученіе созыва какой-нибудь организаціи.

Запись въ члены сѣзда производится, а также всѣ справки по сѣзду сообщаются въ С.-Петербургскомъ Обществѣ Грамотности: С.-Петербургъ, Театральная ул., 5. Телефонъ 95-78.

ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Обзоры и замѣтки.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Послѣ войны. С. А. Котляревскаго.—2. Австрійскія дѣла. И. О. Левина.—3. Страхование служащихъ въ Германіи. А. Леща.

II. Литература и искусство.

1. Письма любви. П. С. — 2. Восточные мотивы г-жи Шагинянъ. В. Шмидта.—3. Развитие литературы на нѣмецко-еврейскомъ языкѣ. І. И. Геллера.—4. Новыя исканія научной поэзіи. Ренэ Гиля.

III. Религія и церковь.

1. Аeonское дѣло. С. Н. Булгакова. — 2. О земномъ и небесномъ утопизмѣ. Н. А. Бердяева.

IV. Школа и воспитаніе.

Сельская школа въ Германіи. А. М. Обухова.

V. Некрологъ.

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Послѣ войны.

Много лѣтъ послѣ 1878 г. главная забота европейской дипломатіи въ ея цѣломъ сводилась къ тому, чтобъ и не дать рухнуть зданію, воздвигнутому на берлинскомъ конгрессѣ — зданію, выстроенному съ такимъ пренебреженіемъ къ участи принужденныхъ въ немъ жить. Забота эта оправдывалась официально и офиціозно — страхомъ за обще-европейскій миръ. Подъ прикрытіемъ этого неприкосновеннаго status quo произошли, однако, капитальныя перемѣны въ распредѣленіи ролей на Ближнемъ Востокѣ между великими державами — достаточно напомнить проникно-

веніе Германіи въ Европейскую и Азіатскую Турцію, которое такъ часто создавало для германскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ мотивъ противодействовать всякимъ коллективнымъ давленіямъ на Турцію. На Ближнемъ Востокѣ былъ миръ — очень плохой миръ — съ злодѣянiami въ Арменіи, съ вѣчной анархіей въ Македоніи, съ необезпеченностью христіанскаго населенія Турціи, съ взаимнымъ недоверіемъ, переходящимъ въ ненависть, балканскихъ народовъ другъ къ другу. Впрочемъ, и на долю мусульманской Турціи выпадало экономическое порабоженіе и политическій гнетъ. Въ общемъ, силы европейскаго концерта го-

раздо лѣственнѣе сказывались во всякаго рода препятствіяхъ и задержкахъ, чѣмъ въ какомъ-нибудь положительномъ содѣйствіи возрожденію Ближняго Востока. И если все-таки здѣсь жизнь не замерла, то это надо приписать внутреннимъ, органическимъ силамъ.

Есть много оснований думать, что и новая глава въ исторіи Балканскаго полуострова, открывающаяся бухарестскимъ миромъ, будетъ заключать въ себѣ много похожего на старую. Внутренняя несостоятельность этого мира очевидна, и никакія взаимныя поздравленія и восхваленія побѣдителей, благодарственныя церемоніи и триумфальныя встрѣчи неспособны измѣнить суть дѣла. Война велась подъ знаменемъ національнаго освобожденія, и въ результатѣ болгарское населеніе Македоніи оказывается подъ сербскимъ владычествомъ, отъ него открыто требуютъ національнаго самоотреченія и возвѣщаютъ политику національных гоненій, болѣе методическихъ и потому болѣе опасныхъ, чѣмъ при туркахъ. Война представлялась великимъ выступленіемъ южнаго славянства на историческую арену, грознымъ предостереженіемъ для воинствующаго германизма—и въ итогѣ лучшіе и наиболѣе дешево оплаченные трофеи достались на долю Греціи и Румыніи. Болгарія, вынесшая главную тяжесть войны, послѣ побѣдъ Лозенграда и Адрианополя переживаетъ невиданную національную катастрофу; ея союзники захватываютъ территоріи, которыя никогда не были бы завоеваны у турокъ безъ кровавыхъ жертвъ Болгаріи; образуется какой-то новый союзъ уже не противъ турокъ, а противъ жизнеспособнаго и общающаго славянскаго государства на Балканахъ. А Европа? Она такъ энергично производила давленіе на болгаръ, чтобы они удовольствовались границей Энось-Мидія, и она показала такое безсиліе передъ лицомъ Турціи, открыто нарушившей свои лондонскія обязательства. Первая балканская война на-

чалась при недовѣрчивомъ несочувствіи европейской дипломатіи; потомъ наступилъ періодъ, когда поколеблена была вѣра въ возможность сохранить status quo на Балканахъ, когда господствовало разочарованіе и досада на турокъ,—а потомъ, когда разгромъ Болгаріи былъ использованъ турками, то въ общемъ чувствовалось скорѣе по этому поводу удовлетвореніе... И по-прежнему въ европейской дипломатіи чувствуется опять та же забота—охранять новое status quo, созданное въ Бухарестѣ и завершенное въ Константинополѣ, съ такимъ же пренебреженіемъ къ интересамъ балканскихъ народностей. Различіе только въ томъ, что сейчасъ еще сильнѣе чувствуется могущество „haute finance“, еще громче раздается голосъ международной плутократіи.

Мы отнюдь не хотимъ брать на себя неблагоприятной задачи—защищать всѣ ошибки болгарскаго правительства и отчасти болгарскаго общества за истекшій періодъ. Онѣ огромны, какъ огромна историческая отвѣтственность, падающая на авантюристовъ, которые толкнули Болгарію на катастрофы и скрыли дѣйствительное военное и международное положеніе вещей. Они не понимали и не хотѣли понимать, что единственный путь—утвердить миръ на Балканахъ, построенный на признаніи общихъ интересовъ, указанъ былъ въ телеграммѣ Государя. Но за эти ошибки расплатился многострадальный болгарскій народъ, только что принесшій великія жертвы общему дѣлу,—и это было совершенно забыто въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыми стала засыпать самый этотъ народъ европейская пресса. Французскіе, напримѣръ, органы, такъ подчеркивавшіе вину Болгаріи, которая и должна за нее понести кару, вѣроятно, совсѣмъ забыли, что франко-прусская война тоже была вызвана безотвѣтственнымъ авантюризмомъ Наполеона III, но это не лишило униженную и разгромленную Францію европейскихъ симпа-

тій. А между тѣмъ, потери Болгаріи соотвѣтственно гораздо значительнѣе, чѣмъ утрата Эльзаса и части Лотарингіи. Чего стоилъ одинъ захватъ безъ войны участка Туртукай-Бальчикъ, чего стоилъ отказъ послѣ всѣхъ жертвъ отъ Адрианополя и Киркилисэ?

Дѣло, впрочемъ, здѣсь совсѣмъ не въ соболѣзнованіяхъ. Какъ ни очевидна несправедливость бухарестскаго договора, современная международно-политическая мораль съ нимъ примирится. Гораздо важнѣе то, что онъ столь же мало, какъ и берлинскій трактатъ, можетъ создать дѣйствительный миръ. Чѣмъ искусственнѣе были постановленія этого трактата, тѣмъ болѣе можно было сохранять созданный имъ режимъ исключительно путемъ принужденія и насилія.

То же можно сказать и о создавшемся теперь положеніи на Балканахъ. Побѣдители, показавшіе въ себѣ столь мало способности къ самообузданію, связанные только интересомъ держать обезсиленной Болгарію, неминуемо придутъ къ столкновеніямъ. Какъ характеренъ въ этомъ смыслѣ сербско-черногорскій конфликтъ. Съ другой стороны, греко-сербская дружба держалась, главнымъ образомъ, на томъ, что между двумя государствами не было общей границы. И, наконецъ, появилось новое политическое тѣло — автономная Албанія, которая будетъ постояннымъ источникомъ затрудненія для Сербіи. Но главная трудность, разумѣется, въ положеніи самой Болгаріи. Странное впечатлѣніе производятъ совѣты, которые преподаются Болгаріи и частью русской прессы: она должна примириться съ существующимъ положеніемъ и не думать о реваншѣ. Какъ будто здѣсь дѣло въ реваншѣ, какъ будто такое примиреніе возможно для несомнѣнно жизнеспособнаго народа, какимъ себя показали болгары и подъ турецкой властью, и послѣ нея. Одно дѣло — отказъ отъ военнаго авантюризма, другое — отъ подлинныхъ національных задачъ.

Столь же различны и столь же мало обезпечиваютъ длительный миръ на Ближнемъ Востокѣ сталкивающіеся здѣсь интересы великихъ державъ. Нельзя сказать даже, чтобы ихъ группировка соотвѣтствовала группировкѣ тройственнаго союза и тройственнаго соглашения. Балканская политика графа Берхтольда была совершенно не подержана Германіей, которая всею тяжестью своего авторитета подкрѣпила бухарестскій договоръ. Еще неожиданнѣе былъ образъ дѣйствія Франціи въ вопросѣ о Каваллѣ, — образъ дѣйствія, который не можетъ не наводить на самыя серьезныя размышленія о будущемъ франко-русскомъ союзѣ... Теперь бухарестскій миръ — совершившійся фактъ. Но развѣ Австрія можетъ примириться съ территоріальнымъ усиленіемъ Сербіи, которое въ дѣйствительности къ тому же Сербію можетъ больше ослабить — создавъ въ ея предѣлахъ внутреннихъ враговъ — чѣмъ усилить? Развѣ останется равнодушной Италія къ планамъ Греціи — захватить гегемонію въ Эгейскомъ морѣ, — планамъ, которымъ такъ покровительствуетъ Франція, рассчитывая создать морской противовѣсъ тройственному союзу, но которые совершенно не соотвѣтствуютъ реальнымъ силамъ Греціи. Впрочемъ, на эту послѣднюю имѣетъ виды и Германія, которая, повидимому, склонна занять мѣсто въ Аѳинахъ, безраздѣльно принадлежавшее ей во дни Абдуль-Гамида въ Константинополѣ. Шумъ, вызванный во французской прессѣ встрѣчей Константина и Вильгельма, чрезвычайно характеренъ. Вотъ къ чему привела хитроумная комбинація Пишона. Здѣсь размежеваться будетъ труднѣе, чѣмъ въ Азіи, гдѣ заключено соглашеніе о багдадской дорогѣ. Та же самая борьба за вліяніе будетъ, очевидно, вестись и въ Бухарестѣ, гдѣ, повидимому, оцѣнили все преимущество такого положенія, дающаго въ нужную минуту перевѣсъ одной изъ спорящихъ сторонъ. Наконецъ, и въ Константинополѣ, по-

ложение становится до чрезвычайности запутаннымъ.

Туркофильство въ Европѣ à l'ordre du jour, волна его особенно высоко поднялась въ Берлинѣ и Парижѣ (опять какое странное совпаденіе!), но оно сказалося и въ Римѣ, и даже въ Лондонѣ, можетъ быть, въ связи съ периодически всплывающимъ образомъ индійско-мусульманской угрозы. А между тѣмъ въ самой Турціи господствуетъ полная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Съ одной стороны, потеря Албаніи отчасти усиливаетъ младотурокъ, устраняя съ ихъ пути самыхъ опасныхъ для нихъ противниковъ въ европейской Турціи; но съ другой—этотъ выигрышъ совершенно блѣднѣетъ передъ фактомъ почти полного исчезновенія Турціи изъ Европы, которое, конечно, не уравнивается возвратомъ Адрианополя. Въ Азіи младотурецкое вліяніе всегда было гораздо слабѣе, а теперь всюду пробудились центробѣжныя стремленія, которыя особенно опасны среди арабовъ; кромѣ того, не можетъ быть снятъ съ очереди и вопросъ о реформахъ въ Арменіи. А главное весь младотурецкій режимъ, всѣ обѣщанія эмансипировать Турцію отъ европейской опеки, сдѣлать ее неуязвимой для балканскихъ сосѣдей—все это потерпѣло полное крушеніе. Но какія политическія силы могутъ смѣнить младотурокъ, когда новыя неудачи, невозможность удовлетворить новыя притязанія, можетъ быть, и новый военный переворотъ лишитъ ихъ власти? Въ интересахъ самосохраненія, можетъ быть, придется возбуждать духъ военнаго авантюризма, искать реванша уже не только въ борьбѣ съ Болгаріей, но и съ болѣе счастливыми владѣльцами турецкаго наслѣдства, въ частности съ Греціей.

Гдѣ же здѣсь элементъ устойчиваго, прочнаго мира? Но, скажутъ, его не было и въ берлинскомъ трактатѣ, и все-таки какъ долго онъ просуществовалъ, несмотря на частичныя измѣненія, вродѣ филиппопольскаго перево-

рота. Можетъ быть, и теперь это коллективное давленіе державъ въ пользу status quo сохранить миръ на десятилѣтія. Но, во-первыхъ, такая коллективность—сухая фикція. А главное, послѣ берлинскаго трактата была одна господствующая на Балканахъ сила, хотя и пораженная тяжкимъ недугомъ,—Турція. Стоитъ вспомнить хотя бы, какъ сражались турки въ 1877—78 гг. и какъ показали они себя въ послѣдней войнѣ. Теперь этой силы нѣтъ, и защищать режимъ бухарестскаго договора можетъ только коалиція государствъ, у которыхъ собственно нѣтъ ничего общаго. Очень много взаимной ненависти, воспоминаній о жестокостяхъ, и очень мало связующаго цемента.

Для насъ, конечно, самый важный вопросъ здѣсь—отношеніе послѣднихъ событій къ Россіи. Русская дипломатія все время отличалась крайней сдержанностью, стремилась какъ можно дольше итти съ европейскимъ концертомъ. Эта политика, проникнутая чувствомъ отвѣтственности, не дѣлающая никакихъ уступокъ крикливой націоналистической демагогіи, предотвратила много возможныхъ осложненій, связанныхъ хотя бы съ вопросомъ объ Албаніи, Скутари, о портѣ на Адриатическомъ морѣ и т. п. Но, надо сознаться, ея достоинства были болѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго характера. Какъ только ставилась положительная цѣль, напримѣръ,—предупредить чрезмѣрное ослабленіе и униженіе Болгаріи, о чемъ официально заявляло наше министерство, такъ приходилось сталкиваться съ активнымъ и пассивнымъ противодѣйствіемъ среди европейскаго концерта,—противодѣйствіемъ, которому, съ великимъ прискорбіемъ приходится это констатировать, не оставалась чужда и Франція. Россія не можетъ наложить на себя обязательства—предпринимать только такіе шаги, которые встрѣтили одобреніе всѣхъ великихъ державъ. Подобная роль не соответствуетъ ни ея достоинству, ни ея реаль-

нымъ интересамъ на Ближнемъ Востокѣ, ни традиціямъ, которыхъ нельзя вычеркнуть изъ нашей исторіи, ни ея огромнымъ даже затратамъ на дѣло государственной обороны. Найти путь, одинаково далекий и отъ безответственнаго авантюризма, и отъ пассивной уступчивости,— вотъ основная задача русской дипломатіи. Вѣдь мы не можемъ уйти съ Ближняго Востока ни въ матеріальномъ, ни въ духовномъ смыслѣ.

С. Котляревскій.

2. Австрійскія дѣла.

„Въ 1897 г. обструкція началась въ вѣнскомъ рейхсратѣ, въ 1905—въ венгерскомъ парламентѣ. Примѣру центральныхъ парламентовъ послѣдовали и сеймы отдѣльныхъ земель. Въ настоящее время въ большинствѣ сеймовъ работа пріостановлена изъ-за обструкціи, прежде всего въ наиболѣе важномъ изъ мѣстныхъ сеймовъ,—въ сеймѣ Богеміи... Переговоры о соглашеніи между нѣмцами и чехами тянутся годами, и сеймъ не можетъ быть созванъ, такъ какъ представители нѣмцевъ не желаютъ отказать отъ обструкціи. Тѣмъ временемъ задолженность Богеміи все растетъ и ея положеніе становится постепенно анархическимъ... Подобно нѣмцамъ и чехамъ въ Богеміи, борются между собою поляки и украинцы въ Галиціи. Обѣ національности въ численномъ отношеніи приблизительно равны, однако въ странѣ господствуютъ поляки. Озлобленіе украинцевъ приняло въ послѣдніе годы чрезвычайные размѣры. При помощи обструкціи они парализовали дѣятельность галиційскаго сейма и стараются причинить полякамъ какъ можно больше непріятностей... Тиролюскій сеймъ не собирается уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, такъ какъ между нѣмцами и итальянцами до сихъ поръ не удалось достигнуть соглашенія. Таково же положеніе и въ сеймѣ Штиріи, въ которомъ свирѣпствуетъ борьба между

нѣмцами и словинцами. Въ Богеміи нѣмцы добиваются полного административнаго раздѣленія страны на нѣмецкую и чешскую половины, но противъ этого возстаютъ чехи, такъ какъ такое раздѣленіе нарушило бы „историко-политическую индивидуальность“ Богеміи. Въ Штиріи соотношеніе какъ разъ обратное. Тамъ словинцы населяютъ южную, а нѣмцы—сѣверную часть страны. Первые поэтому добиваются административнаго раздѣла Штиріи, но этому противодействуютъ нѣмцы, которые въ свою очередь не желаютъ разрушенія „историко-политической индивидуальности“ Штиріи. Если кто-нибудь думаетъ, что въ Венгріи положеніе лучше, онъ ошибается“.

Такъ резюмируетъ въ майской книжкѣ мюнхенскаго ежемѣсячника *Süddeutsche Monatshefte* внутреннее положеніе Австріи Энгельбертъ Пернерсторферъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ руководителей австрійской социаль-демократической партіи и товарищъ предсѣдателя австрійскаго рейхсрата. По содержанію статьи можно заключить, что она написана ранней весной текущаго года. Истекшіе съ тѣхъ поръ мѣсяцы не измѣнили внутренняго положенія страны къ лучшему, а, наоборотъ, скорѣе еще болѣе ухудшили его. Состоявшіеся въ іюнѣ выборы въ галиційскій сеймъ дали результаты, далеко не благопріятные для польско-украинскаго соглашенія и для необходимой предпосылки этого соглашенія, — избирательной реформы въ Галиціи. Правда, украинцы удвоили число своихъ депутатовъ въ сеймѣ, но у поляковъ зато сильно пострадали партіи, отстаивавшія избирательную реформу, а именно, „краковскіе консерваторы“ (станчики), — умѣренное крыло польской консервативной партіи—и „народная партія“ (людовцы), и значительно усилились клерикальные и національно-непримиримые элементы, такъ что сторонники законопроекта объ избирательной реформѣ, выработаннаго передъ роспускомъ послѣдняго сейма

Галиции, располагают теперь въ сеймѣ только абсолютнымъ большинствомъ (96 противъ 65). Для проведенія же законопроекта необходимо квалифицированное большинство $\frac{3}{4}$ голосовъ сейма. Всѣхъ членовъ сейма теперь 161, такъ что достаточно 40 голосовъ для того, чтобы отвергнуть проектъ. Шансы осуществленія этой реформы и работоспособности галиційскаго сейма поэтому по меньшей мѣрѣ чрезвычайно проблематичны, и въ Галиции уже считаются съ тѣмъ, что новый сеймъ будетъ распущенъ съ объявленіемъ новыхъ выборовъ.

Еще гораздо хуже теперь положеніе въ Богеміи, гдѣ правительство въ концѣ іюля нов. ст. распустило сеймъ безъ объявленія срока новыхъ выборовъ и вмѣсто управы сейма (Landesausschuss) передало управление дѣлами—комиссіи чиновниковъ, которой даны полномочія ввести два новыхъ налога, а именно повысить налогъ на пиво до 4 кронъ съ гектолитра и увеличить на 10% (съ 55% до 65%) мѣстный налогъ, взимаемый съ плательщиковъ прямыхъ государственныхъ налоговъ въ пользу финансовъ Богеміи. Этотъ актъ правительства является незаконнымъ во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего въ конституціи Богеміи нѣтъ статьи, аналогичной пресловутой ст. 14 австрійской конституціи, которая даетъ правительству право принимать въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, чрезвычайныя мѣры безъ разрѣшенія парламента. Такое право предоставлено правительству только относительно общиннаго самоуправленія, гдѣ оно имѣетъ право временно замѣнять органы самоуправления, если они почему-либо не справляются со своими функциями—чиновниками по назначенію. Перенесеніе этого права въ сферу законодательства отдѣльныхъ земель австрійской имперіи является безспорнымъ нарушеніемъ конституціи. Дальнѣйшимъ нарушеніемъ является снабженіе чиновничьей комиссіи правомъ финансо-

ваго законодательства, заключающееся въ предоставленіи правительственнымъ чиновникамъ полномочій обложить населеніе опредѣленными налогами. Затѣмъ конституція Богеміи нарушена еще въ томъ отношеніи, что въ рескриптѣ о роспускѣ сейма не указанъ срокъ новыхъ выборовъ, а говорится лишь о томъ, что выборы будутъ произведены тогда, когда правительство признаетъ, что для выборовъ наступилъ благопріятный моментъ. Правительство само отлично сознаетъ, что оно нарушаетъ конституцію, и оно поэтому въ рескриптѣ о роспускѣ богемскаго сейма вынуждено ссылаться на „обязанности монарха“ (Regentenpflicht), заставляющія его такъ поступать,—обоснованіе, несомнѣнно, юридически чрезвычайно шаткое.

Въ свое оправданіе правительство указываетъ на то, что мѣстное хозяйство Богеміи было доведено до состоянія полной анархіи продолжительной бездѣятельностью сейма. Дѣйствительно, сеймъ, избранный въ 1908 г., совершенно не функционировалъ и даже не имѣлъ возможности конституироваться, такъ какъ нѣмецкіе депутаты приступили немедленно послѣ открытія сессіи къ обструкціи и совершенно парализовали дѣятельность сейма, такъ что онъ даже не успѣлъ избрать управы, и управленіе находилось въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ въ рукахъ управы, избранной еще въ началѣ дѣятельности предшествоващаго сейма, т.-е. въ 1902 году. Цѣль, которую преслѣдовали нѣмцы своей обструкціей, состояла въ томъ, чтобы затормозить дѣятельность сейма и довести такимъ образомъ мѣстные финансы до полной дезорганизаціи. Они надѣялись этимъ путемъ припереть чеховъ къ стѣнѣ и заставить ихъ согласиться на заключеніе чешско-нѣмецкаго соглашенія на желательныхъ нѣмцамъ условіяхъ. Эта надежда нѣмцевъ однако не оправдалась; переговоры, которые велись о соглашеніи, пока окончились безрезультатно, но финансы

Богеміи дѣйствительно были приведены въ плачевное состояніе. Такъ какъ сеймъ не работалъ и не могъ вотиловать новыхъ налоговъ, управѣ пришлось сдѣлать долговъ приблизительно на 60 милліоновъ кронъ, и, наконецъ, касса мѣстнаго казначейства настолько опустѣла, что къ 1-му августа нов. ст. въ ней должно было остаться не болѣе 15 тысячъ кронъ. Въ виду безцѣльности новаго созыва сейма, правительство и рѣшилось на такой неконституціонный актъ, какъ назначеніе чиновничьей комиссіи съ предоставленіемъ ей права ввести оба вышеуказанныхъ налога, которые должны давать ежегодно около 17 милл. кронъ. Такимъ образомъ въ Богеміи мѣстная конституція фактически упразднена на неопредѣленное время и въ ней установленъ порядокъ, сходный—по крайней мѣрѣ, въ области финансоваго законодательства,—съ режимомъ, наступившимъ уже полтора года тому назадъ въ Кроаціи послѣ отмены конституціи и назначенія королевскаго комиссара. Разница состоитъ въ томъ, что въ Кроаціи управленіе поручено единолично комиссару, въ то время какъ въ Богеміи чрезвычайныя полномочія распределены между цѣлой коллегіей чиновниковъ. Но эта формальная разница существеннаго значенія, конечно, не имѣетъ.

Въ виду значенія событій въ Богеміи, будетъ, можетъ быть, нелишнимъ вкратцѣ указать на положеніе, въ которомъ теперь находится чешско-нѣмецкій споръ въ Австріи.¹⁾ Борьба за равноправіе обѣихъ національностей теперь состоитъ главнымъ образомъ въ борьбѣ за права обѣихъ языковъ въ разныхъ органахъ управленія. Въ учебныхъ заведеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ низшихъ и въ среднихъ, равноправіе языковъ въ Богеміи уже осуществлено, какъ вообще равноправіе всѣхъ языковъ Австріи почти

вездѣ, и преподаваніе почти повсюду (въ Цислейтаніи, а не въ Транслейтаніи) происходитъ на родномъ языкѣ учащихся. Въ этой области неудовлетворенныя пока требованія относятся главнымъ образомъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Такъ, напримѣръ, чехи до сихъ поръ не имѣютъ еще своего второго чешскаго университета, котораго они такъ давно добиваются, точно такъ же, какъ не получили еще до сихъ поръ итальянцы своего юридическаго факультета, украинцы—своего университета во Львовѣ и т. д. Центръ тяжести борьбы за равноправіе языковъ въ Богеміи находится поэтому не въ области школы, а въ вопросѣ объ употребленіи чешскаго и нѣмецкаго языковъ въ органахъ мѣстнаго самоуправления и государственныхъ,—судебныхъ и административныхъ,—учрежденіяхъ Богеміи. Требованія чеховъ сводятся къ тому, что вся Богемія должна быть разсматриваема, какъ единое королевство, въ предѣлахъ котораго чешскому языку должны быть предоставлены повсюду одинаковыя права, независимо отъ того, находятся ли въ той или другой мѣстности Богеміи чехи въ большинствѣ или въ меньшинствѣ. Исходя изъ этого основнаго положенія,—принципа „чешскаго государственнаго права“,—они добиваются того, чтобы чиновники во всей Богеміи, даже въ частяхъ ея, населенныхъ преимущественно нѣмцами, владѣли чешскимъ языкомъ, который въ Богеміи долженъ быть не только языкомъ „внѣшняго“ дѣлопроизводства, т.-е. языкомъ сношеній чиновниковъ съ лицами, обращающимися къ нимъ устно или письменно по-чешски, а также языкомъ „внутренняго“ дѣлопроизводства, т.-е. въ сношеніяхъ государственныхъ и общественныхъ установленій Богеміи между собой. Нѣмцы же добиваются раздѣленія Богеміи на три части: на область, которая должна быть признана чисто-нѣмецкой, такъ какъ въ ней чехи въ среднемъ составляютъ менѣе 5% на-

¹⁾ Ср. статью о чехахъ и нѣмцахъ въ Австріи въ сборникѣ „Формы національнаго движенія“, Спб., 1909 г.

селения, на такую же чисто-чешскую область, такъ какъ въ ней нѣмцы въ свою очередь составляютъ не болѣе 5%, и на область смѣшаннаго населенія, т.-е. такія части Богеміи, въ которыхъ та или другая національность образуетъ болѣе или менѣе значительное меньшинство. (Въ послѣднее время, на примѣръ, во время послѣднихъ переговоровъ о соглашеніи въ 1912 г. нѣмцы однако предлагали дѣлить Богемію только на двѣ части, на преимущественно нѣмецкую и преимущественно чешскую.) Въ такъ называемой „Троицкой программѣ“ (Přifstprogramm), названной такъ потому, что она была принята на сѣздѣ, состоявшемся въ Троицынъ день 1899 г., кромѣ крайнихъ національных партій, на примѣръ, „всецѣмцевъ“ (Alldeutsche), всѣми объединенными нѣмецкими буржуазными партіями: нѣмецкой народной партіей, нѣмецкой прогрессивной, нѣмецкимъ свободнымъ союзомъ и т. д., и установившей общенациональныя требованія цѣмцевъ для всей имперіи, въ частности относительно Богеміи—говорится, что въ чисто-чешскихъ округахъ Богеміи нѣмцы готовы при извѣстныхъ условіяхъ допустить примѣненіе чешскаго языка во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ. Въ смѣшанныхъ же областяхъ Богеміи равноправіе обоихъ языковъ должно быть допущено только во внѣшнемъ, а не во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ. Наряду съ этимъ требовалось введеніе національных курій въ сеймъ, съ цѣлью предотвращенія въ сеймѣ Богеміи насилія чешскаго большинства надъ нѣмецкимъ меньшинствомъ, распредѣленія государственныхъ и общественныхъ должностей между представителями обѣихъ націй сообразно ихъ численному соотношенію, отдѣльныхъ бюджетовъ для обѣихъ націй для культурно-просвѣтительныхъ расходовъ и т. д.

Сопоставленіе требованій обѣихъ націй показываетъ, что въ Богеміи въ настоящее время въ сущности происходитъ не борьба между двумя національ-

ностями, изъ которыхъ одна является господствующей, а другая угнетаемой. Борются два народа, изъ которыхъ каждый стремится къ максимальному равноправію, не желая ни въ какомъ отношеніи допустить ограниченія своихъ національных правъ во имя якобы обще-государственныхъ интересовъ, требующихъ будто бы оказанія предпочтенія той или другой изъ населяющихъ страну національностей. О господствѣ въ Богеміи нѣмцы теперь уже не рѣшаются мечтать, и всѣ ихъ усилія направлены къ тому, чтобы оградить свои національныя права, то, что принято называть въ Австріи „nationaler Besitzstand“, отъ натиска чеховъ. И, дѣйствительно, было время, когда чехи предлагали нѣмцамъ гарантіи ихъ національных правъ, довольно близкія къ требованіямъ нынѣ сформулированными въ „троицкой программѣ“ цѣмцевъ. Такъ, на примѣръ, при выработкѣ извѣстныхъ „основныхъ статей“ 1871 г., которыя должны были обезпечить самостоятельность земель богемской короны, и когда требованіе „богемскаго государственнаго права“ было очень близко къ осуществленію (тогда, какъ извѣстно, Францъ-Иосифъ уже обѣщалъ короноваться въ Прагѣ и удовлетворить всѣ требованія чеховъ, но это обѣщаніе не было потомъ исполнено подъ вліяніемъ мадьяръ и Германіи), былъ составленъ для успокоенія цѣмцевъ законопроектъ, предусматривавшій разграниченіе по національностямъ административныхъ, судебныхъ и избирательныхъ округовъ, объявленіе въ каждомъ округѣ языка, на которомъ говоритъ большинство населенія, языкомъ дѣлопроизводства и введеніе національных курій въ сеймъ. Тогда нѣмцы не согласились на эти уступки, такъ какъ желали господствовать въ Богеміи, и только упорная борьба чеховъ за свои права и рядъ уже сдѣланныхъ ими въ этомъ отношеніи завоеваній заставили цѣмцевъ быть скромнѣе. Изъ этихъ пріобрѣтеній чеховъ наиболѣе важнымъ до сихъ поръ являет-

ся распоряженіе о языкахъ, изданное въ 1880 г. въ министерство Таафе и получившее наименованіе таафе-штремайерскаго распоряженія, согласно которому судебнымъ и административнымъ учрежденіямъ всей Богеміи и Моравіи предписывалось примѣнять во внѣшнемъ дѣлопроизводствѣ нѣмецкій или чешскій языкъ въ зависимости отъ того, на какомъ языкѣ составлено обращеніе обывателя. Такъ какъ среди чеховъ больше чиновниковъ, знающихъ нѣмецкій языкъ, чѣмъ среди богемскихъ нѣмцевъ-чиновниковъ, знающихъ по-чешски, нѣмцы были очень недовольны этимъ распоряженіемъ, такъ какъ оно создавало для чеховъ болѣе благопріятные шансы при занятіи государственныхъ должностей, чѣмъ для нѣмцевъ. Когда нѣсколько лѣтъ послѣ изданія этого распоряженія, въ 1884 г., большинство въ богемскомъ сеймѣ, раньше бывшемъ въ рукахъ нѣмцевъ, перешло къ чехамъ, нѣмцы выдвинули требованіе административнаго дѣленія Богеміи по національностямъ. Чехи на это не согласились, и нѣмцы покинули въ 1886 г. сеймъ. Послѣ этого по настоянію премьера Таафе между старочехами, куріей крупныхъ землевладѣльцевъ и нѣмцами были начаты переговоры о соглашеніи, которые разрѣшили было рядъ спорныхъ вопросовъ. Однако вслѣдствіе нападокъ младочеховъ на старочеховъ за ихъ уступчивость и провала старочеховъ на выборахъ въ сеймъ, изъ достигнутаго тогда соглашенія была осуществлена только небольшая часть, а именно раздѣленіе на національныя секціи училищнаго управленія, судебной палаты (Oberlandesgericht) и сельскохозяйственнаго совѣта (Landeskulturrat). Въ 1897 г. были изданы министромъ Бадени извѣстныя распоряженія о языкахъ, которыми устанавливалось полное равноправіе обоихъ языковъ во всей Богеміи и Моравіи не только во внѣшнемъ, но и во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ. Но эти распоряженія, какъ извѣстно, вызвали отчаянное сопротивленіе нѣмцевъ, обструк-

цію въ вѣнскомъ рейхсратѣ и паденіе министерства Бадени. Его преемникъ Гаучъ издалъ взамѣнъ распоряженія Бадени въ мартѣ 1898 г. новое распоряженіе о языкахъ, въ основѣ котораго лежало дѣленіе Богеміи на 3 части: чешскую, нѣмецкую и смѣшанную, но и оно было отмѣнено въ октябрѣ 1899 г. въ министерство Клари. Съ тѣхъ поръ попытки достигнуть чешско-нѣмецкаго соглашенія въ Богеміи дѣлались неоднократно при разныхъ премьерахъ: Керберъ, Бекъ, Бинертъ и при нынѣшнемъ Штюркѣ, но все эти попытки пока успѣха не имѣли. Лишь въ Моравіи, гдѣ нѣмцы съ меньшимъ основаніемъ, чѣмъ въ Богеміи, могутъ говорить о значительной части страны, населенной главнымъ образомъ нѣмцами, соглашеніе было достигнуто въ ноябрѣ 1905 г. По этому соглашенію въ сеймѣ Моравіи были введены національныя куріи, лишаящія большинство возможности оказывать насиліе надъ меньшинствомъ. При рѣшеніи вопросовъ, задвигающихъ національныя интересы того или другого изъ обоихъ народовъ, требуется квалифицированное большинство, котораго депутаты чешской національности, численно превышающіе нѣмцевъ, составить не могутъ. Кромѣ того, избиратели обоихъ національностей на выборахъ въ сеймъ выдѣлены въ особыя національныя куріи, такъ что предвыборная борьба въ Моравіи происходитъ не на национальной почвѣ, а въ предѣлахъ одного и того же національнаго состава избирателей, на почвѣ политическихъ и социальныхъ программныхъ различій партій. Это соглашеніе въ Моравіи въ общемъ оправдало возлагавшіяся на него ожиданія, хотя національныя тренія и тамъ окончательно не устранены. Въ Богеміи же борьба продолжалась все время съ неослабвующей энергіей и привела, какъ мы видѣли, къ временному упраздненію конституціи.

Назначеніе комиссіи встрѣчено обоими національностями Богеміи крайне враждебно. Нѣмцы раздражены тѣмъ,

что имъ не удалось при помощи обструкціи заставить чеховъ заключить удовлетворяющее нѣмцевъ соглашеніе. Кромѣ того, они жалуются на то, что личный составъ комиссіи болѣе благопріятенъ для чеховъ, чѣмъ для нѣмцевъ и что при распредѣленіи отраслей управленія между членами комиссіи чиновникамъ-чехамъ достались болѣе важныя отрасли, чѣмъ нѣмцамъ. Чехи же недовольны тѣмъ, что автономія Богеміи, которая имъ такъ дорога, отмѣнена на неопредѣленное время. Весьма возможно поэтому, что если до открытія осенней сессіи рейхсрата соглашеніе между нѣмцами и чехами не наладится или не будутъ, по крайней мѣрѣ, назначены новые выборы въ сеймъ,—что, надо сказать, представляется весьма мало вѣроятнымъ—депутаты обоихъ народовъ Богеміи перенесутъ свою борьбу въ стѣны центрального парламента, который такимъ образомъ опять будетъ парализованъ. Такъ какъ въ то же время существуетъ предположеніе, что и галиційскіе украинцы попытаются свести свои счеты съ поляками въ вѣнскомъ парламентѣ, то шансы работоспособности рейхсрата нельзя не признать весьма сомнительными. До какой степени парламентскіе круги настроены въ этомъ отношеніи пессимистически, видно хотя бы изъ отвѣта, даннаго предсѣдателемъ рейхсрата Сильвестромъ представителю одной вѣнской газеты на вопросъ, какъ онъ смотритъ на дѣятельность рейхсрата по открытіи осенней сессіи. Сильвестръ отвѣтилъ, что геологу легче предугадать наступленіе землетрясенія, чѣмъ руководителю занятій рейхсрата объявленіе обструкціи. Въ Австріи поэтому многими считается вѣроятнымъ, что, если дѣйствительно рейхсратъ окажется осенью неработоспособнымъ, правительство воспользуется этимъ и распуститъ рейхсратъ, чтобы имѣть возможность прибѣгнуть къ ст. 14, которая оказываетъ въ Австріи правительству въ игнорированіи парламента не меньше услугъ, чѣмъ

ст. 87 Основныхъ Законовъ у насъ. Такимъ образомъ не исключена возможность, что упраздненіе автономіи въ Богеміи будетъ имѣть послѣдствіемъ временное прекращеніе дѣятельности парламента и въ Австріи. При условіяхъ внутренней борьбы въ Австріи новый „режимъ § 14“ имѣлъ бы очень серьезное значеніе. Наступленіе этого режима означало бы, что парламентъ, избранный на основаніи всеобщаго избирательнаго права, столь же безпомощенъ въ разрѣшеніи національной проблемы, какъ и предшествовавшій ему привилегированный куріальный парламентъ. Отчасти именно этимъ желаніемъ дискредитировать всеобщее избирательное право и объясняется то, что бюрократія дѣлаетъ такъ мало серьезныхъ усилій для того, чтобы заставить національности Австріи прійти между собою къ соглашенію и дать такимъ образомъ рейхсрату выйти изъ тупика, въ которомъ онъ очутился вслѣдствіе непримиримости требованій, предъявляемыхъ одновременно со всѣхъ сторонъ. Бюрократія, которая заботится прежде всего о своихъ интересахъ, находитъ для себя гораздо болѣе удобнымъ управлять страной при помощи ст. 14, которая въ значительной степени освобождаетъ ее отъ контроля парламента. Еслибъ на верхахъ австрійской бюрократіи было больше людей, которые понимаютъ, что для здоровья государства болѣе важно правильное функционированіе парламента, чѣмъ удобство бюрократіи,—разрѣшеніе національной проблемы, вѣроятно, шло бы въ Австріи болѣе быстрымъ темпомъ, чѣмъ теперь, когда австрійскія министерства часто занимаютъ по отношенію къ національной борьбѣ положеніе незаинтересованнаго въ томъ или иномъ исходѣ посторонняго наблюдателя.

Еще болѣе печально, чѣмъ въ Цислейтаніи, положеніе въ Транслейтаніи. Мы не будемъ здѣсь говорить о національномъ вопросѣ въ Венгріи вообще, а укажемъ только на то, что кроатскій

конфликтъ все еще не разрѣшенъ. Если королевскій комиссаръ, банъ Цувай, съ именемъ котораго связано формальное упраздненіе кроатской конституціи, и вышелъ, наконецъ, въ отставку, то все-таки его преемникъ, баронъ Скерлешъ, снова снабженъ чрезвычайными полномочіями, и возстановленіе дѣятельности загребскаго сейма все еще есть дѣло неопредѣленнаго будущаго. Скерлешъ и венгерскій премьеръ Тисса ведутъ хотя переговоры съ кроатскими общественными дѣятелями о возстановленіи конституціи, но въ виду того, что соглашеніе съ Венгріей становится все менѣе популярнымъ въ Кроаціи, едва ли можно думать, что имъ удастся достигнуть прочнаго мира между Венгріей и Кроаціей. ¹⁾ А между тѣмъ кроатскій вопросъ вовсе не относится къ многочисленнымъ въ Австріи мѣстнымъ, сравнительно второстепеннымъ вопросамъ. Онъ является частью юго-славянскаго вопроса въ Австро-Венгріи, который въ виду нынѣшнихъ событій на Балканахъ имѣетъ огромное значеніе для всей будущности имперіи Габсбурговъ. Наконецъ, и въ самой Венгріи въ сущности только съ большой натяжкой можно говорить въ настоящее время о существованіи конституціи. Оппозиція, „выброшенная“ въ буквальномъ смыслѣ слова изъ парламента, не имѣетъ ни малѣйшей возможности вліять на законодательство, и въ Венгріи премьеръ является такимъ же диктаторомъ, какъ королевскій комиссаръ въ Кроаціи, хотя Тисса и не облеченъ формально чрезвычайными полномочіями.

Изложеннаго достаточно для того, чтобы показать, какой серьезный кризисъ переживаетъ сейчасъ монархія Габсбурговъ. Правда, что для Австріи такое состояніе довольно обычное: она

¹⁾ Статья уже была написана, когда изъ Загреба пришло извѣстіе о покушеніи на Скерлеша. Это уже не первый террористическій актъ въ Кроаціи послѣ отмены въ ней конституціонныхъ гарантій.

привыкла къ кризисамъ, которые тянутся десятилѣтіями и которые, несмотря на всю свою кажущуюся безнадежность, все-таки въ концѣ-концовъ кое-какъ разрѣшаются. Отсюда какъ у населенія Австріи, такъ и у ея правителей выработалось какое-то терпѣливое иронически-оптимистическое отношеніе къ внутреннимъ кризисамъ, которые перестаютъ уже пугать, такъ какъ они стали хроническими. На этотъ разъ однако отношеніе общественнаго мнѣнія къ внутреннимъ событіямъ далеко не такое добродушное, такъ какъ они осложняются нынѣшнимъ международнымъ положеніемъ Австріи. Событія на Балканахъ, отрѣзавшія Австріи путь къ Эгейскому морю, разсматриваются въ Австріи, какъ несомнѣнное пораженіе вѣнской политики. И хотя вторая балканская война, т.-е. позорная свалка между бывшими балканскими союзниками, и показала, что у Австріи пока нѣтъ основанія бояться балканскаго союза, такъ какъ его больше нѣтъ, все-таки положеніе на Балканахъ складывается и теперь для Австріи довольно невыгодно. Сербія вышла изъ этой войны значительно болѣе сильной, чѣмъ желала и ожидала Австрія, рассчитывавшая на то, что въ борьбѣ изъ-за дѣлежа Македоніи побѣда останется на сторонѣ Болгаріи. На самомъ дѣлѣ получилось нѣчто какъ разъ противоположное, и Австро-Венгрія, въ которой боязнь сербскаго „Пьемонта“ стала своего рода *idée fixe*, получить въ концѣ-концовъ на своей южной границѣ сосѣда, національныя вожденія котораго будутъ, по всей вѣроятности, гораздо болѣе смѣлыми, чѣмъ до войны на Балканахъ. Конечно, границы въ Македоніи, которыя установлены въ Бухарестѣ, не будутъ разсматриваться въ Болгаріи, какъ окончательныя, и Сербія всегда придется имѣть въ виду возможность болгарскаго реванша. Безцѣльно въ настоящее время обсуждать международныя комбинаціи, которыя будутъ созданы въ предотвращеніе этого реван-

ша, но пока несомненно, что Сербія вышла изъ войны не въ такомъ видѣ, въ какомъ этого желали въ Вѣнѣ и Будапештѣ. Возможность осложненій на австро-сербской границѣ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, слѣдовательно, не исключена и теперь, а такіа осложненія всегда легко могутъ вызвать и болѣе серьезные международные конфликты. Въ такихъ условіяхъ внутренняя слабость Австріи, обусловленная непрекращающейся борьбой ея національностей, можетъ имѣть для имперіи болѣе серьезное значеніе, чѣмъ принято было до сихъ поръ думать. И кажется, что извѣстный знатокъ національнаго вопроса въ Австріи, Отто Бауэръ, правильно оцѣниваетъ положеніе, когда пишетъ въ № журнала *Der Kampf* отъ 1 августа нов. ст.: „Австро-Венгрія—все еще могущественное государство, располагающее большой внѣшней мощью и не менѣе значительными внутренними связующими силами. Распаденіе Австріи въ близкомъ будущемъ намъ представляется поэтому невысказаннымъ, но зато намъ кажется вѣроятнымъ, что Австрія вступаетъ теперь въ критическую фазу своей исторіи. Ближайшія десятилѣтія должны будутъ показать, достаточно ли она сильна для внутренняго перерожденія, которое соединить части, устремляющіяся въ разныя стороны, или же она не выдержитъ натиска исторіи, и ея народы попадутъ туда, куда ихъ влечетъ ихъ національное самосознаніе. Время политики халатности (Fortwursteln) скоро должно пройти. Австрія скоро должна будетъ показать, способна ли она на самостоятельное переустройство, или же она должна распасться“.

И. О. Левинъ.

Вѣна, лѣтомъ 1913 г.

3. Страхование служащихъ въ Германіи.

1 Января 1913 года вступилъ въ силу новый германскій законъ о страхованіи служащихъ — *Reichsversicherungsgesetz für Angestellte*. Соціальное значеніе этого закона, распространяющаго идею обязательнаго страхованія на новую и притомъ не только весьма обширную, но и выходящую за предѣлы пролетаріата, категорію лицъ, настолько велико, что ознакомленіе съ нимъ должно представить широкій общественный интересъ. Интересъ къ новому закону усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ указанномъ объемѣ институтъ обязательнаго страхованія служащихъ представляетъ новизну; кромѣ Германіи, онъ извѣстенъ въ настоящее время одной только Австріи.

При разработкѣ проекта новаго закона германскому имперскому законодателью пришлось прежде всего разрѣшить вопросъ объ отношеніи страхованія служащихъ къ страхованію рабочихъ. Вопросъ этотъ допускалъ тройное разрѣшеніе: 1) страхованіе служащихъ могло быть построено въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія страхованія рабочихъ путемъ простого расширенія круга застрахованныхъ лицъ, 2) оно могло быть совершенно отдѣлено отъ страхованія рабочихъ, 3) между страхованіемъ служащихъ и страхованіемъ рабочихъ могъ быть установленъ параллелизмъ. Уже въ правительственной запискѣ (*Denkschrift*) отъ 1908 ¹⁾ германскій законодатель становится на третью точку зрѣнія; этой же точки зрѣнія придерживается и самый законъ. При такомъ рѣшеніи вопроса понятно само собой, что нормы новаго закона должны переплетаться съ положеніями рабочаго страхованія, что должна существовать цѣлая категорія лицъ, под-

¹⁾ *Deutsche Juristenzeitung*, 1913, № 1. S. 13.

лежащихъ страхованію какъ по новому закону, такъ и по законамъ о страхованіи рабочихъ. Независимо отъ этого, новый законъ исторически такъ тѣсно связанъ со страхованіемъ рабочихъ, что разсмотрѣніе и оцѣнка его мыслимы только въ связи съ законами о страхованіи рабочихъ.

Рабочіе въ Германіи подлежатъ, какъ извѣстно, обязательному страхованію троякаго рода: отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ и отъ потери трудоспособности. Каждая изъ этихъ формъ страхованія нормировалась до самаго послѣдняго времени особымъ закономъ, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ даже цѣлымъ рядомъ ихъ. Это отсутствіе системы въ законодательствѣ о страхованіи рабочихъ объясняется, однако, не тѣмъ, что самый планъ обязательнаго страхованія возникалъ въ Германіи постепенно. Причину этого явленія слѣдуетъ видѣть въ томъ, что законодатель, опасаясь, въ виду грандіозности плана, сильной оппозиціи, могъ только по частямъ осуществить свою реформу. Теперь, когда эти соображенія отпали, могло быть приступлено къ объединенію всего обязательнаго страхованія. Это произошло, какъ извѣстно, путемъ изданія имперскаго устава страхованія (*Reichversicherungsordnung*), вступившаго въ силу 1 января 1912 года.

Несмотря на то, что и въ самой Германіи указанные виды обязательнаго страхованія принято называть страхованіемъ *рабочихъ* (*Arbeiterversicherung*), не слѣдуетъ думать, что уставъ распространяется только на рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ той его части, которая касается страхованія отъ болѣзней и инвалидности (книги II и IV устава), уставъ приравниваетъ къ рабочимъ служащихъ всякаго рода. Въ этомъ отношеніи германское законодательство соответствуетъ большинству рабочихъ законодательствъ. И русское Положеніе объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни приравниваетъ

„служащихъ въ предпріятіяхъ“ къ рабочимъ ¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ отношеніи страхованія отъ болѣзней интересы служащихъ въ достаточной мѣрѣ ограждаются уравниемъ ихъ съ рабочими. Служащіе, годичный заработокъ которыхъ не превышаетъ 2500 марокъ, подлежатъ обязательному страхованію отъ болѣзней въ силу § 165 устава; служащіе же съ болѣе высокимъ заработкомъ, очевидно, и не нуждаются въ особомъ обезпеченіи на случай болѣзни. Но положеніе служащихъ, созданное уравниемъ ихъ съ рабочими, надо признать совершенно неудовлетворительнымъ, поскольку дѣло идетъ о страхованіи на случай потери трудоспособности. Извѣстно, что страхованію отъ инвалидности подлежатъ только лица съ заработкомъ, не превышающимъ 2000 марокъ въ годъ (§ 1226 устава). Если рабочихъ съ болѣе высокимъ заработкомъ весьма немного, то служащихъ такого рода—большое количество въ Германіи. Достиженіе служащимъ болѣе высокаго содержанія, въ большинствѣ случаевъ не дѣлая его еще способнымъ обезпечить себя на случай потери трудоспособности, а свою семью на случай своей смерти, лишало его до сихъ поръ гарантій, которыми обладали лица болѣе низкаго положенія. Правда, служащій, годичный заработокъ котораго превысилъ указанный въ законѣ предѣлъ (2000 марокъ) и который въ силу этого не подлежалъ обязательному страхованію, не лишался въ этомъ случаѣ права добровольно продолжать начатое имъ въ качествѣ обязательнаго страхованіе. Но неудобства подобнаго рѣшенія вопроса очевидны сами собой. Продолжая добровольно страхованіе, служащій долженъ былъ страховать себя не соотвѣтственно своему новому заработку, а только соотвѣтственно какому-нибудь изъ допущенныхъ при обязательномъ страхова-

¹⁾ Ст. 5 Положенія.

нии, т.-е. въ лучшемъ случаѣ такъ, какъ если бы заработокъ его продолжалъ оставаться на уровнѣ 2000 марокъ въ годъ. Преміи, уплачиваемыя при обязательномъ страхованіи работодателемъ и служащимъ въ равныхъ доляхъ, при добровольномъ должны были вноситься однимъ только служащимъ. Наконецъ, количество взносов, необходимыхъ для пріобрѣтенія права на пенсію, значительно больше при добровольномъ страхованіи, чѣмъ при обязательномъ (200 въ первомъ, — 500 во второмъ случаѣ, § 1278 устава). Непригодность страхованія рабочихъ отъ инвалидности для категоріи служащихъ — несомнѣнна. Съ этимъ можно было бы мириться, конечно, только въ томъ случаѣ, если бы служащіе въ силу удовлетворительнаго экономическаго положенія и не нуждались въ страхованіи. Это, конечно, далеко не такъ. Для служащихъ, такъ же какъ и для рабочихъ, единственнымъ источникомъ благосостоянія въ большинствѣ случаевъ является трудъ. Страхование ихъ на случай инвалидности или смерти, очевидно, необходимо, тѣмъ болѣе, что жены служащихъ зачастую вовсе не принадлежатъ къ трудящемуся классу и по смерти мужа, не будучи въ состояніи ни найти соотвѣтствующее ихъ положенію занятіе, ни — подобно вдовѣ рабочаго — приспособиться къ не требующему подготовки занятію, оказываются вмѣстѣ съ сиротами въ болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ жены рабочихъ. Признавая же потребность въ страхованіи служащихъ, мы приходимъ и къ признанію того, что эта потребность можетъ быть удовлетворена только путемъ *обязательнаго* страхованія.

Сказаннымъ вполне объясняется возникновеніе въ Германіи въ началѣ текущаго столѣтія движенія среди служащихъ въ пользу дальнѣйшаго развитія идеи обязательнаго страхованія на случай инвалидности. Несмотря на отдѣльные голоса, призывавшіе къ осторожности, союзное правительство съ

самаго начала отнеслось весьма доброжелательно къ новому теченію. Въ 1903 году оно приступило къ подготовительнымъ работамъ, въ 1907 и 1908 гг. представило двѣ записки — Denkschriften, — широко использовавшія богатый статистическій матеріалъ, а въ ноябрѣ 1910 г. могло уже представить и самый проектъ закона. 5 декабря 1911 г. проектъ получилъ одобреніе рейхстага, а 28 декабря того же года онъ сталъ закономъ.

Нельзя не поразиться тѣмъ, что стремленія служащихъ въ такой короткій срокъ увѣнчались успѣхомъ. Это прежде всего слѣдуетъ объяснить громаднымъ количественнымъ ростомъ представителей этого класса. Еще въ 1882 году ихъ было въ Германіи только 500,000, между тѣмъ какъ теперь ихъ число превышаетъ два милліона. Не подлежитъ также сомнѣнію, что въ дѣлѣ страхованія служащихъ примѣръ Австріи имѣлъ громадное вліяніе на Германію. Въ Австріи уже съ 1906 года существуетъ обязательное страхованіе служащихъ.

Австрійскій законъ оказалъ вліяніе не только на темпъ германскихъ законодательныхъ работъ по вопросу о страхованіи служащихъ, но и на самое содержаніе закона. Въ послѣднемъ отношеніи вліяніе Австріи надо признать весьма неблагоприятнымъ. Въ Австріи исходили изъ того, что между рабочими и служащими не только не замѣчается общности интересовъ, а напротивъ — наблюдается даже нѣкоторый антагонизмъ. Въ виду этого въ Австріи было съ самаго начала рѣшено въ организаціонномъ смыслѣ отдѣлить страхованіе служащихъ отъ страхованія рабочихъ. Въ этомъ отношеніи сказалось вліяніе Австріи и на Германію. Вмѣсто того чтобы воспользоваться уже готовыми учрежденіями по дѣламъ страхованія рабочихъ на случай потери трудоспособности, германскій законодатель вводитъ большое количество новыхъ какъ административныхъ (Direktorium, Verwaltungsrat, Rentenaus-

schüsse, Vertrauensmänner), такъ и судебныхъ учреждений (Schiedsgerichte, Oberschiedsgericht). Эти учреждения во многомъ сходны съ учреждениями „для рабочихъ“. Какъ тѣ, такъ и другія весьма широко проводятъ принципъ самоуправления. Разница заключается только въ томъ, что тамъ гдѣ уставъ предусматриваетъ представительство отъ рабочихъ и ихъ работодателей, новый законъ устанавливаетъ представительство отъ служащихъ и ихъ работодателей. Представители отъ работодателей служащихъ и рабочихъ такъ мало разнятся другъ отъ друга, такъ часто являются одними и тѣми же лицами, что созданіе новыхъ учреждений никоимъ образомъ не можетъ оправдываться этимъ минимальнымъ различіемъ. Но есть ли существенное различіе между представителями служащихъ и рабочихъ, другими словами между самими служащими и рабочими? Въ Австріи, обязывающей къ страхованію *всѣхъ* служащихъ, совершенно независимо отъ величины годичнаго заработка, несоответствіе между интересами служащихъ и рабочихъ несомнѣнно. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ общаго между директоромъ банка и простымъ черно-рабочимъ? Для Германіи же, ограничивающей обязательное страхованіе служащихъ кругомъ лицъ съ годичнымъ заработкомъ не превышающимъ 5000 марокъ,¹⁾ объ антагонизмѣ между служащими и рабочими не можетъ быть и рѣчи.

Чрезвычайно быстрый темпъ законодательныхъ работъ по вопросу о страхованіи служащихъ слѣдуетъ объяснить и мотивами политическаго свойства. Какъ въ 1881 году, когда Германія приступила къ рабочему законодательству, такъ, хотя конечно и въ гораздо меньшей степени, и теперь при изданіи новаго закона, мысль о возможности борьбы съ социаль-демократіей путемъ за-

коновъ объ обязательномъ страхованіи играла не послѣднюю роль.

Нѣтъ сомнѣнія, что благодаря законодательству о страхованіи рабочихъ въ германское право проникли новые принципы. Шмоллеръ страхованіе рабочихъ называетъ коррективомъ капиталистическаго хозяйства—„eine weltgeschichtliche Wendung im Sinne der Korrektur der so genannten kapitalistischen Volkswirtschaft“. ¹⁾ Подчинивъ новую, весьма обширную категорію лицъ обязательному страхованію, германскій законодатель пошелъ еще дальше по этому пути. Въ одномъ только отношеніи новый законъ не столь „соціалистиченъ“, какъ законъ о страхованіи рабочихъ. Въ немъ нѣтъ постановленія, аналогичнаго § 1285 устава имперскаго страхованія, въ силу котораго государство (имперія) къ каждой уплачиваемой рабочему рентѣ приплачиваетъ съ своей стороны 50 марокъ въ годъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ только 25 марокъ). Въ этомъ отношеніи на Германію не могла оказать вліянія и Австрія. Въ Австріи государство приплачиваетъ ко *всѣмъ* рентамъ, уплачиваемымъ служащимъ на случай потери трудоспособности, 100,000 кронъ въ годъ. По новому германскому закону, капиталы, необходимые для уплаты рентъ служащимъ, образуются *исключительно* изъ премій, вносимыхъ служащими и работодателями. Интересно отмѣтить, что преміи уплачиваются работодателями и служащими въ *равныхъ* частяхъ. Новый законъ былъ бы, очевидно, въ гораздо большей степени „коррективомъ капиталистическаго хозяйства“, если бы въ этомъ вопросѣ принялъ рѣшеніе аналогичное австрійскому. Въ Австріи заработки служащихъ подраздѣляются на шесть классовъ: отъ 600 кронъ до 900, отъ 900 до 1200, отъ 1200 до 1800, отъ 1800 до 2400, отъ 2400 до 3000 и, наконецъ, свыше 3000 кронъ въ годъ. Въ первыхъ четырехъ классахъ работода-

¹⁾ § 1. Absatz 3. Angestelltenversicherungsgesetz.

¹⁾ G. Schmoller, Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. 1904, 2 Teil.

тель вносить $\frac{2}{3}$, а служащий $\frac{1}{3}$ премии, въ остальныхъ двухъ классахъ премія уплачивается работодателемъ и служащимъ въ равныхъ доляхъ, а при заработкѣ, превышающемъ 7200 кронъ въ годъ, премія уплачивается однимъ только служащимъ.

Если новый законъ, не устанавливая государственныхъ приплатъ (Reichszuschüsse) къ выдаваемымъ служащимъ рентамъ, менѣе „соціалистиченъ“, чѣмъ общее страхованіе рабочихъ отъ инвалидности, то онъ все же болѣе благоприятствуетъ служащимъ, чѣмъ уставъ страхованія — рабочимъ. Законодатель полагалъ необходимымъ считаться съ фактомъ, что требованія къ жизни, предъявляемыя служащими, гораздо выше требованій рабочихъ. Въ то время какъ „уставъ“ понимаетъ подъ инвалидностью потерю профессиональной трудоспособности на $\frac{2}{3}$, ¹⁾ новый законъ довольствуется половиной ²⁾. На случай старости рента приобрѣтается по новому закону при достиженіи 65 лѣтъ, по „уставу“ — при достиженіи 70-ти. Ни по „уставу“, ни по новому закону рента не обусловлена, конечно, ни потерей трудоспособности, ни бѣдностью. „Уставъ“ на случай смерти рабочаго предоставляетъ вдовѣ только въ томъ случаѣ ренту, если она сама признана не обладающей трудоспособностью, между тѣмъ какъ по новому закону полученіе вдовой служащаго ренты обусловливается исключительно фактомъ смерти ея мужа. Сироты получаютъ по „уставу“ право на ренту только въ томъ случаѣ, если въ моментъ смерти отца не достигли пятнадцатилѣтняго возраста; сироты служащихъ, — если къ указанному моменту не достигли восемнадцатилѣтняго. Это объясняется тѣмъ, что обученіе дѣтей служащихъ требуетъ большаго времени, чѣмъ обученіе дѣтей рабочихъ. Рента рабочаго исчисляется съ чисто фиктивной сум-

мы, получающейся черезъ помноженіе опредѣляемой администраціей для данной мѣстности и для данной отрасли труда стоимости рабочаго дня на 300 дней, рента же служащаго опредѣляется по его дѣйствительному заработку.

Новый германскій законъ совершенно справедливо упрекаютъ въ томъ, что предусматриваемыя имъ ренты недостаточно велики ¹⁾. Право на ренту приобрѣтается по закону послѣ уплаты 120-ти премій; сумма всѣхъ премій, уплаченныхъ въ первые 120 взносовъ, дѣлится на 4, сумма уплаченныхъ въ послѣдующіе на 8 и сумма частныхъ этихъ дѣленій и составляетъ годовичную ренту. Пояснимъ это примѣромъ. Допустимъ, что служащій внесъ только 120 премій и что его годовичный заработокъ все время равнялся 4000—5000 маркамъ. Величину ренты мы узнаемъ если премию, соответствующую этому заработку (26,6 марки) — она указана въ § 172 закона — мы помножимъ на 120 и произведеніе раздѣлимъ на 4: — $\frac{120 \cdot 26,6}{4} =$

$\frac{3192}{4} = 798$. Если служащій сдѣлалъ не 120, а 240 взносовъ, то къ первой рентѣ (798) слѣдуетъ прибавить частное отъ дѣленія всего количества взносовъ, сдѣланныхъ во вторые 120 взносовъ ($120 \cdot 26,6 = 3192$) уже не на 4, а на 8 — $\frac{3192}{8} = 399$. Рента будетъ въ этомъ случаѣ равняться $798 \text{ м.} + 399 \text{ м.} = 1197$ марокъ. При 360 взносахъ рента будетъ равняться 1596 маркамъ. Преміи уплачиваются по новому закону помѣсячно; такимъ образомъ, при годовичномъ заработкѣ отъ 4000 до 5000 марокъ и послѣ 30-ти лѣтъ непрерывной службы (360 взносовъ) служащій можетъ получать въ качествѣ ренты немногимъ болѣе или немногимъ менѣе одной трети своего заработка. Сдѣлавъ подсчетъ на основаніи указанныхъ въ § 172 размѣровъ премій не трудно убѣ-

1) § 1255. Reichsversicherungsordnung.

2) § 25. Versich. Ges. f. Ang.

1) Alfred Manes. Die Sozialversicherung. Leipzig. 1911. S. 126.

даться, что и при другихъ изъ указанныхъ въ § 16 заработкахъ—до 550 марокъ, отъ 550 до 850, отъ 850 до 1150, отъ 1150 до 1500, отъ 1500 до 2000, отъ 2000 до 2500, отъ 2500 до 3000, отъ 3000 до 4000—рента составляетъ приблизительно ту же часть заработка.

Это безусловно чрезвычайно мало и не соответствуетъ вполне справедливымъ желаніямъ служащихъ. Они добились уравненія съ государственными чиновниками. Тогда рента уже послѣ 120 взносовъ (10 лѣтъ) равнялась бы $\frac{20}{60}$ (трети) годового заработка, съ каждымъ послѣдующими двѣнадцатью взносами (одинъ годъ службы) поднималась бы на $\frac{1}{60}$ и достигала бы послѣ 30-ти лѣтъ службы конечнаго предѣла, т.-е. $\frac{40}{60}$ (т.-е. двухъ третей) заработка. Германскій законодатель во многихъ отношеніяхъ уравнилъ служащихъ и чиновниковъ. Служащіе, какъ и чиновники, приобрѣтаютъ право на пенсію послѣ десяти лѣтъ службы. Какъ пенсія чиновниковъ, такъ и рента служащихъ опредѣляется соответственно продолжительности службы. Но въ самомъ важномъ для служащихъ вопросѣ о размѣрѣ ренты, германскій законодатель рѣзко нарушилъ эту параллель между служащими и чиновниками. Въ высшей степени низкой надо признать и ренту вдовы: она равна $\frac{2}{3}$ инвалидной ренты служащаго. Такой же низкой представляется и сиротская рента; она равняется $\frac{1}{3}$ вдовой.

Въ виду небольшого размѣра рентъ, нѣтъ основаній опасаться, что новый законъ, вмѣсто того чтобы путемъ освобожденія отъ заботъ о будущемъ повысить энергію трудящагося класса, только понизитъ ее. Мы встречаемъ, однако, въ законѣ положенія, имѣющія специальной цѣлью предотвратить такіе нежелательныя послѣдствія. Всякому лицу, которое хотя бы только въ теченіе 6 мѣсяцевъ было занято какой-нибудь службой, обязывающей его къ страхованію, законъ даетъ право до-

бровольно продолжать начатое имъ въ качествѣ обязательнаго страхованія.

Въ силу § 15, всякое лицо, уплатившее 120 премій, не лишается приобрѣтеннаго имъ права на ренту при уплатѣ ничтожной суммы въ 3 марки въ годъ, такъ называемой „Anerkennungsgebühr“. Нельзя отрицать возможности того, что на почвѣ закона разовьется взглядъ на работу, какъ на средство полученія права на ренту. Если уже среди рабочихъ, гдѣ ренты такъ невысоки, наблюдаются симуляціи и болѣзненная погоня за рентами, (нѣмцы прямо говорятъ о Renten-hysterie), ¹⁾ то тѣмъ болѣе можно опасаться этого при новомъ законѣ, который устанавливаетъ ренты хотя и небольшого размѣра, но все же достаточныя. Въ силу этихъ соображеній графъ Посадовскій былъ наиболѣе яркимъ противникомъ страхованія служащихъ и вообще распространенія идеи обязательнаго страхованія на новыя категоріи лицъ ²⁾. Нежелательныя послѣдствія неизбежны, однако, при всякомъ законѣ; чрезмѣрный страхъ передъ нимъ сдѣлалъ бы невозможной всякую законодательную мѣру.

Недостатокъ закона, заключающійся въ слишкомъ маломъ размѣрѣ рентъ, отчасти парализуется тѣмъ, что большее количество служащихъ, — именно 75% всѣхъ служащихъ, т.-е. $1\frac{1}{2}$ милліона человекъ, съ 1 января 1913 года будутъ подлежать двойному страхованію ³⁾. Мы уже сказали, что, по примѣру Австріи, Германія отдѣлила страхованіе служащихъ отъ страхованія рабочихъ. Такъ какъ эти два вида страхованія отнюдь не исключаютъ другъ друга, то поскольку кругъ лицъ, подлежащихъ обязательному страхованію

¹⁾ Manes, цит. соч. S. 29.

²⁾ Весной 1905 года онъ сказалъ въ рейхстагѣ: „Man muss sich weigern, einen Weg zu gehen, der aus Deutschland eine grosse Versicherungsanstalt macht“.

³⁾ Eugen Mayer. „Die Angestelltenversicherung“. München, 1912. S. 10.

по новому закону, совпадаетъ съ тѣмъ, который устанавливается четвертой книгой устава, въ Германіи создается *двойное* обязательное страхование. Совпаденіе это является, конечно, только частичнымъ. Такъ, служащіе, занимающіе руководящее положеніе, подлежатъ страхованію по новому закону, но не по четвертой книгѣ устава; служащіе, выполняющіе художественную или научную работу, въ гораздо большей степени подлежатъ страхованію по новому закону, чѣмъ по уставу, рабочіе и подмастерья подлежатъ страхованію только по четвертой книгѣ устава, служащіе съ доходомъ болѣе 2000 марокъ въ годъ—только по новому закону. Не заключается ли въ возможности двойного страхования для служащихъ нѣкоторой несправедливости по отношенію къ рабочему классу? Большая категорія служащихъ, экономическое положеніе которыхъ ничѣмъ не отличается отъ положенія рабочихъ, будетъ въ силу этого двойного страхования поставлена въ значительно лучшія условія, чѣмъ рабочіе. Трудно понять, почему служащіе, ведущіе одинаковый образъ жизни съ рабочими, въ случаѣ инвалидности ставятся въ болѣе благопріятныя условія. Болѣе высокими требованіями служащихъ къ жизни это врядъ ли оправдывается. Въ этомъ коренной недостатокъ закона; его слѣдуетъ признать основнымъ потому, что онъ вытекаетъ изъ принятаго закономъ принципа параллелизма между страхованіемъ служащихъ и страхованіемъ рабочихъ. Конечно, неблагоприятные результаты были бы еще болѣе многочисленными, если бы германскій законодатель принялъ принципъ, въ силу котораго страхование служащихъ и рабочихъ взаимно исключаютъ другъ друга. Въ этомъ случаѣ служащіе съ заработкомъ рабочаго лишены были бы прежде всего приплатъ

со стороны государства. Самое естественное было бы принятіе перваго изъ указанныхъ нами въ началѣ нашей статьи трехъ возможныхъ принциповъ, т.-е. построеніе страхования служащихъ въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія страхования рабочихъ, путемъ простого расширенія круга застрахованныхъ лицъ.

Новый германскій законъ о страхованіи служащихъ, какъ мы видѣли, страдаетъ немалыми недостатками. При всемъ томъ ему нельзя, однако, отказать въ грандіозности. Страхванію отъ инвалидности по уставу имперскаго страхования подлежатъ въ Германіи $15\frac{3}{4}$ милліоновъ человекъ ¹⁾, къ нимъ прибавятся теперь еще два милліона, изъ которыхъ болѣшая часть ($\frac{3}{4}$) будетъ подлежать даже двойному страхованію. Вполнѣ оправдавшій надежды опытъ со страхованіемъ рабочихъ заставляетъ думать, что и новый законъ окажется въ общемъ цѣлесообразнымъ. Какъ рабочее страхование по „уставу“, такъ и этотъ законъ—правда, съ нѣкоторыми существенными поправками—послужитъ образцомъ для другихъ странъ. Для Россіи, закономъ 23 іюня 1912 года только приступившей къ законодательной дѣятельности въ области обязательнаго страхования, германскіе законы не могутъ не служить урокомъ. Нашъ законъ 23 іюня 1912 г. вводитъ, какъ извѣстно, только два вида страхования рабочихъ, отъ болѣзней и отъ несчастныхъ случаевъ. При обсужденіи закона 23 іюня 1912 года въ Государственной Думѣ министерство заявило, что въ скоромъ времени намѣрено внести законопроекты о страхованіи отъ потери трудоспособности. Когда этотъ проектъ станетъ закономъ, возникнетъ вопросъ о расширеніи круга застрахованныхъ отъ инвалидности лицъ, т.-е. объ обязательномъ страхованіи и служащихъ.

А. Лещъ.

¹⁾ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich 1912, S. 372.

II. Литература и искусство.

1. Письма любви.

Киприда—ты не богъ,
Ты больше бога, кто бъ ты ни была.
Еврипидъ.

Въ эпоху телефоновъ, граммофоновъ и кинематографовъ писаніе писемъ многимъ кажется устарѣлымъ. Есть теперь люди, которые пишутъ письма только потому, что написать письмо иногда проще, чѣмъ поговорить по телефону, и дешевле, чѣмъ послать телеграмму. Письма, однако, останутся до тѣхъ поръ, пока люди не потеряютъ способности къ интимному и глубокому общенію не только лицомъ къ лицу, но и на разстояніи. Психологически любопытно, что часто интимное общеніе совершается легче и осуществляется полнѣе безъ личнаго соприкосновенія, рѣзкій и рѣдкій случай чего представляетъ интимная переписка между „лично“ незнакомыми людьми. Извѣстная интимность, въ отличіе отъ публичности, есть признакъ всякаго настоящаго письма, будь то „любовное“ письмо Гёте или „научное“ письмо Рикардо, или же, наконецъ, „политическое“ письмо Гладстона. У настоящихъ писемъ есть поэтому такая подлинность и такой ароматъ, которыхъ не можетъ быть у произведеній, рожденныхъ прямо для печатнаго станка. Отъ писемъ, по извѣстному выраженію, не „воняетъ литературой“. Читая напечатанныя письма, всегда это вновь и вновь испытываешь. Какой-то ученый человѣкъ, помнится мнѣ, вычислилъ процентъ синтаксическихъ ошибокъ въ письмахъ *самого* Флобера, и, конечно, Флоберъ надъ своими письмами не „работалъ“ такъ, какъ надъ литературными произведеніями. Тѣмъ не менѣе я рѣшусь утверждать, что самое лучшее изъ всего написаннаго Флоберомъ—его письма и именно потому, что въ нихъ больше интимности и меньше литературности.

Если письмо есть способъ интимнаго

душевнаго общенія, то интимность и психологическая значительность письма еще повышаются, когда въ немъ открываются самыя интимныя и въ то же время самыя напряженныя душевныя движенія человѣка. Въ этомъ—огромная привлекательность и несравненный психологическій интересъ любовныхъ писемъ.

Съ большими ожиданіями берешь, поэтому, въ руки сборникъ г-жи Чеботаревской.¹⁾ Но читателя постигаетъ разочарованіе. Чрезвычайно интересная литературная задача—я нарочно не говорю о замыслѣ, ибо настоящаго замысла какъ разъ во всемъ этомъ предпріятіи нѣтъ—нашла себѣ, слѣдуетъ сказать прямо, крайне небрежное и въ общемъ весьма неудачное исполненіе. Очевидно, сборникъ составлялся спѣшно и соответственно этому въ немъ все плохо слажено. Предисловіе Ѳедора Сологуба риторично и совсѣмъ не въ томъ стилѣ, который составляетъ силу этого замѣчательнаго писателя. Переводныя письма переведены небрежно и мѣстами прямо плохо. Пояснительныя свѣдѣнія объ авторахъ писемъ скудны и составлены небреж-

¹⁾ Любовь въ письмахъ выдающихся людей XVIII и XIX вѣка. Избранныя письма Бодлера, Байрона, Бальзака, Бетховена, Бѣлинскаго, Берне, Вагнера, Вольтера, Гамбетты, Гарибальди, Гейне, Гёте, Грибоѣдова, Гюго, Герцена, Державина, Ж. Зандъ, Жуковскаго, Ибсена, Клейста, Лассаля, Ланкло, Ленау, Мирабо, Мюссе, Эдгара По, Наполеона, Пушкина, Огарева, Флобера, г-жи Роланъ, г-жи Сталь, Соловьева, Стендаля, А. Толстого, Л. Толстого, Тургенева, Успенскаго, Чернышевскаго, Шатобріана, Шиллера, Шумана, Фихте, Эртеля и др. Составлено Анастасіей Чеботаревской. Предисловіе Ѳедора Сологуба. Обложка С. Ю. Судейкина, заставки С. Ю. Судейкина и Н. К. Калмакова. „Московское книгоиздательство“. Москва, 1913 г. Стр. 568. Цѣна 2 рубля.

но и съ внѣшней стороны—въ чемъ, можетъ быть, отчасти повинно отсутствіе корректуры, — и по содержанію: чувствуется какая-то обидная безпомощность—у того, кто писалъ эти замѣтки, нѣтъ настоящаго знакомства съ матеріаломъ, попавшимъ ему въ руки. Внѣшность книги ужасная; обложка (г. Судейкина)—верхъ претенціознаго безвкусія и въ чисто типографскомъ отношеніи изданіе крайне плохо. Словомъ, „Любовь“ встрѣтила довольно-таки нелюбовное отношеніе. Тѣмъ не менѣе задача—собрать документы любви—настолько интересна, что, несмотря на ея неудовлетворительное исполненіе, сборникъ заслуживаетъ вниманія публики и даетъ поучительное чтеніе—правда, для тѣхъ, кто хоть сколько-нибудь умѣетъ читать такіа вещи. Я полагаю, что „Любовь“ будетъ имѣть успѣхъ и разойдется (отчасти *faute de mieux*, отчасти, можетъ быть именно потому, что сборникъ плохъ). Въ такомъ случаѣ составительницѣ и издательству не слѣдуетъ сборникъ переиздавать въ томъ варварскомъ видѣ, въ которомъ онъ лежитъ передъ нами, а вмѣсто втораго изданія небрежно составленной и безвкусно изданной хрестоматіи—выпустить новую книгу, надъ которой ради „Люби“ необходимо и стоитъ любовно потрудиться. При этомъ, большую часть писемъ, вошедшихъ въ сборникъ, слѣдуетъ выкинуть и замѣнить другими, дѣйствительно заслуживающими помѣщенія въ любовно-эпистолярной антологіи.

Сборникъ вообще составленъ неостроумно и принципиально неправильно. Нужно было выбирать не вообще любовныя письма выдающихся людей, а объективно замѣчательныя письма (и, пожалуй, другіе документы) любви хотя бы однихъ только выдающихся людей. Последнее ограниченіе, впрочемъ, несущественно, лишено принципиальнаго значенія, ибо интересна—да позволено будетъ такъ выразиться—не любовь выдающихся людей, а выдающаяся лю-

бовь. Можно быть въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ выдающимся, а въ любви до крайности ординарнымъ человѣкомъ. Можно ничего не создать ни въ какой области, а въ любовной жизни достигнуть вершинъ. Конечно, интересно, съ извѣстной точки зрѣнія, изъ біографіи крупнаго человѣка доподлинно узнать, что его любовная жизнь была скудна, но любовь, какъ сила и стихія душевной жизни, можетъ быть раскрыта только тамъ, гдѣ она есть дѣйствительно творческая сила личвой жизни. У составительницы не было, какъ я уже сказалъ, настоящаго замысла, продуманнаго образа сборника документовъ любви, и она уподобилась въ извѣстномъ смыслѣ человѣку, который составилъ бы, напримѣръ, сборникъ стихотвореній не выдающихся поэтовъ, а выдающихся людей. Нельзя задачу освѣщенія глубочайшей психологической проблемы человѣческаго бытія разрѣшать по тому методу, по которому производится собираніе... автографовъ и вообще коллекционированіе разнаго рода „реликвий“ знаменитыхъ людей. Никто, кромѣ развѣ истерическихъ поклонницъ популярныя пѣвцовъ, не сомнѣвается въ томъ, что не только пиджакъ, но даже волосы, носъ и глаза у обыкновеннаго смертнаго могутъ быть красивѣе, чѣмъ у знаменитости. Однако такъ же несомнѣнно, что и въ цѣломъ рядѣ проявленій душевной жизни знаменитость можетъ стоять ниже гораздо менѣе извѣстныхъ и даже совсѣмъ неизвѣстныхъ людей. Какъ это ни элементарно, но объ этомъ часто забываютъ именно въ нашъ „демократическій“ вѣкъ съ его расцвѣтомъ всяческой рекламы и хамства. Когда рѣчь заходитъ о „выдающихся“ или „знаменитыхъ“ людяхъ, то какъ-то перестаютъ, расцѣнивая, различать и, различая, расцѣнивать. Ночной колпакъ Гегеля или перочинный ножъ Наполеона, конечно, важныя реликвіи и это ихъ „значеніе“ было бы превосходно учтено на аукціонѣ рѣдкостей, но все-таки любовь цѣлаго ряда вели-

кихъ людей могла быть ничтожна, и документы этой любви могутъ представлять только біографическій и культурно-историческій интересъ, будучи какъ проявленія Эроса совершенно незначительными и малоцѣнными.

Сдѣлать такой выборъ писемъ любви, о какомъ говорю я, конечно, совсѣмъ нелегко. Однако только въ сборникѣ такъ подобранныхъ и со знаніемъ дѣла истолкованныхъ писемъ читатели нашли бы ту „восхитительную эманацию любви“, о которой съ ненужной напыщенностью, но по существу вѣрно говорить Сологубъ въ своемъ предисловіи.

П. С.

2. Восточные мотивы г-жи Шагинянъ.

Маріэтта Шагинянъ. „Orientalia“.

Изд. 2-е.

„Оріентализмъ собранныхъ здѣсь стиховъ — не предумышленъ; онъ объясняется и оправдывается расовою осознанностью автора“, — такими словами предупреждаетъ читателя г-жа Шагинянъ. Читатель въ правѣ замѣтить, что предложенное ему объясненіе само нуждается въ объясненіи. Что такое „расовая осознанность“? Значитъ ли это „осознанная принадлежность къ расѣ“? Но къ какой? И почему „осознанность“ есть аптитеза „предумышленности“? На эти вопросы мы можемъ отвѣчать лишь догадками. Но одно несомнѣнно, — что г-жа Шагинянъ ищетъ объясненія и оправданія своимъ стихамъ не въ нихъ самихъ, а на сторонѣ, — въ личныхъ особенностяхъ „автора“. Идя этимъ путемъ, мы могли бы указать, что такія черты „оріентализма“, какъ пристрастіе къ Корану, къ Магомету, къ... Зелымъ-Хану, нисколько не объясняются принадлежностью автора къ армянской народности; но что дали бы намъ подобныя указанія для сужденія о цѣнности стиховъ? Вопросъ не въ томъ, кто таковъ авторъ данныхъ стиховъ, но единственно въ томъ, каковы стихи сами по себѣ.

Независимо отъ своего происхожденія оріентализмъ можетъ быть различнаго качества. Оріентализмъ пушкинскихъ „Подражаній Корану“ отвѣчаетъ глубокой потребности духа — художественно воспроизвести всѣ лики чело-вѣчества, всѣ проявленія „человѣческаго“. Есть другого рода оріентализмъ, — тотъ, который на-ряду съ лавками „восточныхъ сладостей“ и „кавказскихъ товаровъ“ удовлетворяетъ требованіямъ преходящей моды на „восточное“ или на экзотическое вообще. И такого рода экзотизмъ, если онъ хорошаго сорта, можетъ имѣть нѣкоторое литературное значеніе, обогащая ре-квизитъ поэзіи новыми аксессуарами. Но для этого онъ долженъ обнаруживать въ авторѣ совершенно точное и небанальное знаніе своихъ аксессуаровъ.

Такъ, г-жа Шагинянъ, въ своемъ качествѣ „оріенталистки“, обязана была знать, что *вороная* масть для *карабаха* (стр. 16) не только не типична, но почти недопустима; что такъ же не типиченъ для *черешни* *розовый* цвѣтъ (стр. 21); что дыню на востокѣ не разрѣзаютъ заранѣе, въ ожиданіи гостей, на „ломти“ (стр. 15); что „душистый сокъ“ розъ добывается обыкновенно не *выжиманіемъ*, но перегонкой (стр. 21) и т. п. Объ этихъ и подобныхъ погрѣшностяхъ еще можно было бы позабыть, если бы онѣ окупались большимъ богатствомъ; къ сожалѣнію, реквизитъ г-жи Шагинянъ невеликъ. Кромѣ такихъ общепринятыхъ восточныхъ вещей, какъ „нардъ“, „леопардъ“, „Коранъ“ и „Ширазъ“, насъ встрѣтятъ въ ея стихахъ только... „Аверроэсъ“ и „Киликіецъ“, очевидно, извлеченные изъ учебниковъ исторіи „расовой осознанностью автора“. Еще бѣднѣе собственно красочная палитра г-жи Шагинянъ: неизмѣнный вкусъ всѣхъ руссійскихъ провинціальныхъ барышень, — розовое и голубое, — занимаютъ на ней большую часть мѣста.

Съ совершенной беззаботностью выказываетъ г-жа Шагинянъ незнаніе русскаго языка. На стр. 27 — „кони

ржатъ“ и мужъ созываетъ ихъ „свисткомъ“ (т.-е. свистомъ); на стр. 38—„уваживала“ (?), „волну *растрескивала*“ (опечатка?); на стр. 40—„сошлись на мигъ для *переклички*“ (т.-е. для того, чтобы окликнуть другъ друга); на стр. 21—„Сосѣдъ, *взапнъ* твоихъ коровъ я въ жены дочь тебѣ отдамъ“ (коровы были въ женахъ у сосѣда? Нужно: „въ обмѣнъ на...“). Все это—грубыя, очевидныя ошибки; едва ли не сильнѣе ихъ вредятъ впечатлѣнію прозаизмы, происходящія отъ того же незнанія языка. На стр. 49 читаемъ: „Чтобъ душа земной вкусила жребій, на землѣ не данъ ей *настолицій*“ (курсивъ нашъ, В. Ш.). „Настоящій“ въ смыслѣ „истинный, подлинный“, противопоставляемый „земному“, временному, т.-е. именно *настоящему*—несомнѣнная ошибка; но съ точки зрѣнія разговорнаго жаргона здѣсь ошибки нѣтъ (мы говоримъ: „настоящее англійское пальто“), и мы воспринимая это какъ отвратительный прозаизмъ. Такую же ошибку находимъ въ стихотвореніи „Молитва“. „И у Господняго предѣла (*придѣла*?) *морнула* первая звѣзда“. Со словомъ „моргать“ неуволнимо связанъ для насъ оттѣнокъ комическаго, а насколько послѣднее не входило въ намѣренія автора, видно изъ ближайшихъ строкъ:

Тамъ, въ голубой исповѣдальнѣ,
Ночной монахъ зажегъ свѣчу...

Чрезвычайно неудачны у г-жи Шагинянъ модернистическіе обороты рѣчи. Трудно понять, что значить: „вѣченъ сквозь года“ (стр. 11), „часть благо-склошно одинаковъ“ (стр. 31), „растворяясь въ широтѣ земныхъ заботъ“ (стр. 40), „куранты зари совершаютъ обходъ“ (стр. 47) и т. п.

Къ существеннымъ недостаткамъ книжки нужно причислить чисто женское неумѣніе автора подняться надъ личнымъ, непрошедшимъ сквозь горнило искусства и потому глубоко прозаическимъ. Нельзя безъ досадливой улыбки читать такіа стихотворенія, какъ „Вѣч-

ное“, „Славянамъ-освободителямъ“, „Рокковыя странствія“, „Утѣшенію“ и нѣкоторыя другія.

Но какъ ни многочисленны и очевидны недостатки стиховъ г-жи Шагинянъ, они не могутъ заслонить неоспоримой талантливости ихъ автора. Лучшіе въ сборникѣ стихи—тѣ, которые посвящены непритязательному изображенію природы или навѣянныхъ природою настроеній. Таковы, напримѣръ, нѣкоторые стихи въ пьесахъ: „Вѣтеръ въ степи“, „Передъ грозой“, „Молитва“, „Ночь въ пустынѣ“.

Есть также черты относительнаго своеобразія и въ такихъ стихахъ:

Томный шелкъ шуршитъ и прячетъ
Затаенныя желанья.

Ахъ, кого пророкъ назначитъ
Для блаженнаго закланья?

(„Жены султана“).

Женщина—рабыня, женщина—вещь, „безревностная“ и безвольная, покорно и бездумно отдающаяся *всякому* мужчине,—вотъ кого рисуетъ г-жа Шагинянъ.

Кто-бъ ты ни былъ,—заходи, прохожій...

Кто-бъ ты ни былъ,—будешь господиномъ...

Если это и не ново само по себѣ, то все же заново прочувствовано и отчасти наново сдѣлано.

В. Шиндтъ.

3. Развитие литературы на нѣмецко-еврейскомъ языкѣ.

Литература, о которой здѣсь идетъ рѣчь, еще очень молода: она—продуктъ еврейской жизни въ діаспорѣ (въ „разсѣяніи“) за самое послѣднее время. Языкъ, на которомъ она написана,—разговорно-еврейскій языкъ,—въ теченіе долгаго времени служилъ предметомъ ожесточенныхъ споровъ въ еврейскомъ лагерѣ: многіе отрицали его жизнеспособность, считая его не язы-

комъ, а „жаргономъ“, уродливою и безпорядочною смѣсью нѣмецкихъ и еврейскихъ словъ.

Жизнь доказала жизнеспособность этого языка, многими осужденнаго на смерть. На этомъ языкѣ выросла самобытная литература, отражающая въ себѣ всю исключительность и своеобразие еврейской жизни. Произведенія этой литературы, помимо отличающаго ихъ нерѣдко художественнаго достоинства, имѣютъ еще особое значеніе потому, что въ нихъ открывается читателю невѣдомый многимъ и замкнутый въ себѣ міръ—міръ еврейскаго гетто.

Въ послѣдніе годы сдѣланы были двѣ попытки изложенія исторіи еврейской литературы на европейскихъ языкахъ ¹⁾. Написанная на французскомъ языкѣ „Исторія еврейско-нѣмецкой литературы“ д-ра Пинеса ²⁾, являющаяся пока послѣднимъ и наиболѣе удовлетворительнымъ произведеніемъ этого рода, (хотя и она далеко не отличается исчерпывающею полнотою и глубиною критическаго анализа), вышла въ этомъ году и въ русскомъ переводѣ ³⁾.

Изъ чисто-нѣмецкаго языка, на которомъ говорили германскіе евреи въ средніе вѣка, создавался мало-по-малу, начиная съ XV-го вѣка, новый еврей-

ско-нѣмецкій діалектъ. Его возникновенію и обособленію способствовали, съ одной стороны, начавшіяся въ XIV-омъ вѣкѣ преслѣдованія евреевъ въ Германіи, имѣвшія своимъ результатомъ изгнанию евреевъ отъ остальнаго христіанскаго населенія; съ другой же стороны, вызванное этими преслѣдованіями массовое переселеніе части германскаго еврейства въ Богемію, Польшу и Литву.

На своей новой родинѣ еврейско-нѣмецкій діалектъ, оказавшись внѣ сферы вліянія языка-матери, получилъ возможность полнаго обособленія и своеобразнаго развитія. Здѣсь „жаргонъ“ впиталъ въ себя и органически ассимилировалъ древне-еврейскія, а отчасти также славянскія лингвистическія формы и элементы. Онъ сталъ настоящимъ языкомъ гетто, бѣднымъ и чрезвычайно простымъ въ лингвистическомъ и грамматическомъ отношеніи, какъ бѣдна и несложна была породившая его жизнь. Самъ еврейскій народъ не особенно дорожилъ имъ; ибо вышнюю свою національную цѣнность народъ видѣлъ въ своей религіи, а ея языкомъ былъ и оставался древній, священный языкъ Библии. Разговорный же языкъ былъ „просто еврейскимъ“ языкомъ, „jüdisch“, языкомъ повседневнаго обихода. Писавшіяся на немъ произведенія предназначались преимущественно для женщинъ, несвѣдущихъ въ „священномъ языкѣ“: ради послѣднихъ писались специально женскія молитвы (такъ наз. „техинотъ“), на нихъ же были разсчитаны и переводы священныхъ книгъ съ комментаріями и со сказаніями изъ агадической ¹⁾ литературы и переводы книгъ морально-религіознаго содержанія. Среди этихъ же читательницъ находили себѣ распространеніе наивныя, фантасти-

¹⁾ Первый значительный трудъ, посвященный исторіи еврейской литературы, написанъ на англійскомъ языкѣ. The History of Jiddish Literature in the XIX century by Leo Wiener. New-York, 1899.

²⁾ Histoire de la littérature judeo-allemande, par. M. Pines, docteur de l'université de Paris. Avec une préface de Charles Andler, professeur à la Sorbonne. Paris, 1911.

³⁾ М. Я. Пинесъ, д-ръ парижскаго университета. Исторія еврейской литературы (на еврейско-нѣмецкомъ діалектѣ). Авторизованный переводъ съ французскаго съ предисловіемъ и дополненіями С. С. Вермель. Москва, 1913.—Самыя значительныя дополненія: главы о Блумгартенѣ (Леашъ), Шоломъ-Ашъ и Х. Н. Бяликъ.

¹⁾ „Агадическою“ называется та часть Талмуда, которая содержитъ въ себѣ народныя преданія, мудрыя изреченія, аллегорическія сказанія, легенды и т. под.

ческие романы и книги сказокъ, напоминающія книгу о Бовѣ-Королевичѣ и составленные подъ вліяніемъ западно-европейской средневѣковой литературы этого рода („Bovo-Buch“ и „Maise-Buch“). Въ такомъ жалкомъ состояніи прозябала еврейская „литература“ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ своего существованія.

Но языкъ продолжалъ жить своею жизнью—въ устахъ народа. Имъ пользовались для обыденной жизни, на немъ пѣлъ весь народъ свои пѣсни. Въ народныхъ пѣсняхъ отражается душа народа, въ нихъ проявляются всѣ стороны народной жизни, столь богатой лишеніями ¹⁾. Народъ глубоко преданъ вѣрѣ своихъ отцовъ и гордится ею, несмотря на окружающее его всеобщее презрѣніе. „Какіе есть, такіе мы, но евреи все же мы“ — поется съ чувствомъ радостнаго сознанія своего достоинства во многихъ еврейскихъ пѣсняхъ. Бытовые и семейныя пѣсни почти всегда проникнуты глубокою скорбью. Любовь лишь въ самое последнее время становится сюжетомъ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсенъ: еврейское гетто не знаетъ любви. И даже немногочисленные любовныя пѣсни проникнуты пессимистическимъ и притомъ весьма практическимъ взглядомъ на любовь. Точно такъ же и въ свадебныхъ пѣсняхъ чаще всего поется о неудачной супружеской жизни, о разбитыхъ надеждахъ и обманутыхъ мечтахъ. Но ярче всего отразились тяжелыя условія жизни евреевъ въ ихъ историческихъ пѣсняхъ, повѣтствующихъ о безконечныхъ лишеніяхъ и страданіяхъ. Изъ пѣсенъ этого рода особенно характерны тѣ, которыя рисуютъ ужасы рекрутскихъ наборовъ временъ Николая I.

1) Относительной полнотой отличается сборникъ „Еврейскія народныя пѣсни въ Россіи“, выпущенный въ 1901 году П. С. Марекъ и С. М. Гинзбургъ (изданіе „Восхода“), содержащій въ себѣ 376 пѣсенъ.

Въ началѣ XIX вѣка въ средѣ русско-польскаго еврейства возникло движеніе, явившееся поворотнымъ пунктомъ къ новой жизни и разрушившее въ послѣдствіи устой стараго гетто. Просвѣтительное движеніе, или движеніе „Гаскалы“ ¹⁾, вызванное къ жизни Мендельсономъ среди нѣмецкихъ евреевъ, скоро проникло и въ Россію. Носители этого движенія, „маскилы“ ²⁾, полагали, что главный корень зла еврейской жизни заключается въ невѣжествѣ народа, въ его замкнутости и обособленности. Въ еврейскомъ образѣ жизни и въ еврейскихъ національных традиціяхъ они склонны были видѣть преимущественно отрицательныя черты. Борясь противъ суевѣрія и обрядностей, противъ невѣжества и религіознаго фанатизма, они не замѣчали моральныхъ и національно-духовныхъ силъ, скрытыхъ за внѣшнею неприглядною оболочкою еврейской жизни. Возникшее во второй половинѣ XVIII-го вѣка сильное народное, религіозно-этическое теченіе, такъ называемое теченіе „хасидизма“, явившееся естественною реакціею противъ сухого догматизма традиціоннаго вѣропониманія и выросшее на почвѣ живого оптимистическаго демократическаго и пантеистически-религіознаго міровоззрѣнія, это теченіе осталось по существу непонятнымъ разсудочному уму маскиловъ. Имъ бросались главнымъ образомъ въ глаза лишь внѣшнія темныя стороны хасидизма, какъ, напр., народная вѣра въ чудотворцевъ-„цадиговъ“ (религіозныхъ главъ у хасидовъ) и т. п. Религіозный экстазъ казался „просвѣтителямъ“ нелѣпымъ бѣснованіемъ, мистическія и пантеистическія воззрѣнія хасидизма—бреднями невѣжественнаго ума. Съ другой стороны, положительный идеалъ маскиловъ,—пресловутое просвѣщеніе,—былъ

1) „Гаскала“—по древне-еврейски означаетъ „просвѣщеніе“.

2) „Маскиль“ означаетъ по древне-еврейски „просвѣщенный“.

также весьма поверхностнымъ и одностороннимъ: дипломъ, либеральная профессія или любая государственная должность являлись въ ихъ глазахъ лучшими и высшими критеріями просвѣщенности. Любовь къ нѣмецкому языку (языку Мендельсона и нѣмецкихъ „просвѣтителей“) и къ языку библейскому (на которомъ маскиль получалъ первое знакомство съ еврейской философской литературой) весьма характерны для эпохи Гаскалы. Понятно, что къ народному еврейскому языку маскилы относились съ презрѣніемъ, а подчасъ и съ ненавистью: въ этомъ „безобразномъ жаргонѣ“ они видѣли главную помѣху для духовной ассимиляціи еврейскаго народа.

Тѣмъ не менѣе сами просвѣтительныя идеи, выведшія еврейское общество изъ состоянія духовной косности, косвенно породили потребность въ литературѣ, написанной на языкѣ, доступномъ *всему* народу. Противъ этой жизненной потребности оказались безсильными отвлеченныя теоріи маскилизма. Появились прежде всего т. наз. „народные романы“, лишенные всякаго художественнаго значенія и рассчитанные на вкусы простыхъ людей изъ народа (главнымъ образомъ—простыхъ женщинъ). Воспитанный на традиціяхъ маскилизма писатель А. М. Дикъ (1808—1894) былъ отцомъ „народнаго романа“. Весьма популярнымъ продолжателемъ этого „литературнаго направленія“ былъ Шайкевичъ (болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Шомеръ)¹⁾, написавшій огромное число лубочныхъ романовъ. Появились также и народные пѣвцы-поэты, вышедшіе изъ среды т. наз. „бадхоновъ“ (т.-е. профессиональных пѣвцовъ, роль которыхъ заключалась въ развлеченіи публики на свадьбахъ и т. под.). Наиболѣе популярный изъ нихъ, Эліакумъ Цунзеръ (род. въ Вильнѣ въ 1845 г., живетъ въ Америкѣ), также

маскиль по своему развитію и складу ума, „сочинилъ“ много пѣсенъ (съ мелодіями), получившихъ весьма широкое распространеніе въ народѣ. Въ нихъ, однако, нѣтъ истинной поэзіи: по большей части онѣ сухи и тенденціозны, и отъ нихъ слишкомъ сильно вѣетъ духомъ разсудочнаго маскилизма.

Нѣкоторые и наиболѣе проникательные изъ маскиловъ понимали или смутно догадывались, что лучшее средство для просвѣщенія народа—это говорить съ нимъ на его языкѣ. „Жаргонъ“ былъ для этихъ маскиловъ зломъ, которое слѣдовало уничтожить, пользуясь имъ же самымъ, какъ средствомъ. И они, скрѣпя сердце и перѣдко скрывая свое имя, стали писать на презираемомъ ими языкѣ. Однимъ изъ первыхъ среди этихъ маскиловъ былъ Мендель Лефинъ (изъ Сатанова, 1741—1819), переведшій на еврейскій языкъ Притчи, Экклезіастъ и Псалмы и вызвавшій этимъ сильную оппозицію среди остальныхъ маскиловъ. Самъ отецъ маскилизма въ Россіи, И. Б. Левинзонъ (прозванный русскимъ Мендельсономъ; род. въ 1788 г., ум. въ 1860 г.), написалъ по-еврейски книгу „Міръ произвола“ (Геккеръ-вельтъ), опубликованную лишь черезъ полвѣка послѣ смерти ея автора и трактующую о злоупотребленіяхъ и непорядкахъ еврейской общинной жизни¹⁾.

Первымъ еврейскимъ маскиломъ-поэтомъ былъ Михель Гордонъ (1823—1890). Онъ обладалъ благородными чувствами и не лишенъ былъ остроумія,

¹⁾ Слѣдуетъ еще отмѣтить И. Аксефельда, написавшаго нѣсколько сантиментальныхъ очерковъ и рассказовъ („Первый еврейскій рекрутъ въ Россіи“ и др.), и С. Эттингера, написавшаго нѣсколько пьесъ и поэтическихъ произведеній, стиль которыхъ отличается образностью, простотою и чистотою,—явленіе рѣдкое въ эпоху Гаскалы, когда маскилы обычно старались приблизить по мѣрѣ возможности еврейскій языкъ къ нѣмецкому.

¹⁾ Родился въ 1849 г. въ Минскѣ, умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ.

но его поэтический талант весьма посредственный, языкъ его сухой, и стихотворенія его носятъ по большей части правоучительно-тенденціозный характеръ. Его шуринъ, Іегуда Лейбъ Гордонъ (1830—1892), одинъ изъ главныхъ вождей маскилизма и выдающийся древне-еврейскій поэтъ, издалъ сборникъ своихъ еврейскихъ стихотвореній подъ заглавіемъ „Свѣтскія бесѣды“ („Сихосъ хулинъ“). Въ лучшихъ изъ нихъ, проникнутыхъ благороднымъ чувствомъ возмущенія и сарказмомъ, онъ бичуетъ недостатки внутренней еврейской жизни и злоупотребленія общинныхъ заправилъ. Но и онъ не является поэтомъ Божьей милостью, а лишь хорошимъ и остроумнымъ версификаторомъ, замѣняющимъ отсутствіе воображенія и настоящаго вдохновенія удачной римой или мѣткимъ выраженіемъ.—Ближе къ народу и къ народному духу стоялъ Абрамъ Гольдфаденъ (1840—1908). Его языкъ—народный, простой (порой даже почти вульгарный). Онъ любилъ народъ, его традиціи и его великое прошлое, любилъ еврея „съ его блѣднымъ и худымъ, одухотвореннымъ лицомъ“.

Изъ среды маскиловъ вышелъ и тотъ писатель, которому суждено было начать собою новую эпоху въ исторіи еврейской литературы: Ш. Я. Абрамовичъ (род. въ Минскѣ въ 1836 г.), извѣстный болѣе подъ своимъ псевдонимомъ „Менделе-Мойхеръ-сефоримъ“ т.-е. „Менделе-книгоноша“. Этотъ первый писатель-классикъ еврейскаго языка, „дѣдушка“ еврейской литературы, выросшій въ духовной атмосферѣ маскилизма, ушелъ однако далеко впередъ отъ идей эпохи Гаскалы и открылъ своимъ художественнымъ чутьемъ въ темныхъ стѣнахъ гетто такія художественныя сокровища, о которыхъ и не снилось маскиламъ стараго покроя. Всею душою любя свой народъ, онъ возлюбилъ и блѣдный его языкъ, посвятилъ себя ему всецѣло и „обручился съ нимъ навѣки“. Началъ онъ съ обличительныхъ романовъ—„Маленькій человекъ“

и „Такса“, направленныхъ противъ угнетателей еврейскаго народа въ его же средѣ: противъ общинныхъ заправилъ и „благодѣтелей“, противъ ханжей и „прекрасныхъ евреевъ“, паразитовъ еврейскаго общества. Но скоро онъ пришелъ къ убѣжденію, что не въ невѣжествѣ или въ религіозномъ фанатизмѣ евреевъ, не въ тѣхъ или иныхъ учрежденіяхъ и отдѣльных недостаткахъ еврейской жизни заключается причина еврейскихъ страданій. Причина болѣе общая, и лежитъ она гораздо глубже. Въ нашумѣвшемъ аллегорическомъ романѣ „Кляча“ Менделе впервые преодолѣлъ старыя маскилитскія воззрѣнія по этому вопросу. Кляча—заколдованный принцъ, символическое олицетвореніе многострадальнаго еврейскаго народа, плодъ безумнаго бреда больного Иеролика—раскрываетъ послѣднему всю беспочвенность предъявляемыхъ къ ней обвиненій и требованій. Развѣ только просвѣщеніе даетъ право на существованіе? Развѣ неученая лошадь не имѣетъ тѣхъ же естественныхъ правъ на жизнь, какъ и ученые, аристократическія лошади? И наконецъ: „голодному желудку не до ученія“. Нѣтъ, блѣдная кляча слишкомъ горда, чтобы вымаливать себѣ право на достойное существованіе различными фокусъ-покусами, она не желаетъ милости общества покровителей животныхъ (т.-е. маскиловъ).—Старые отвѣты маскиловъ Менделе призналъ неудовлетворительными; для него еврейская проблема расширилась и углубилась въ своемъ трагизмѣ: предъ нимъ вѣчно стоитъ „огромная еврейская торба“, нищенская сума народа-нищаго, не имѣющаго отечества и лишеннаго почвы подъ ногами. Темный міръ еврейскихъ нищихъ и бродягъ рисуетъ намъ Менделе въ романѣ „Фишка хромою“, а въ „Волшебномъ перстнѣ“ передъ нами проходитъ рядъ художественныхъ картинъ изъ жизни еврейскаго гетто. Глубоко заглянулъ Менделе-Книгоноша въ этотъ блѣдный, замкнутый міръ, и въ

его пластическомъ изображеніи ожидаютъ передъ нами несчастные обитатели маленькихъ еврейскихъ мѣстечекъ въ Литвѣ: Тунейдовки, Глупска и Кабцанска ¹⁾. Вѣчно голодающіе, суетливые, безъ опоры въ настоящемъ и безъ опредѣленныхъ надеждъ на будущее, и тѣмъ не менѣе всегда самоувѣренно и оптимистически настроенные, герои Менделе живутъ „кое-какъ и кое-чѣмъ“, презираютъ голодъ и матеріальныя лишения, „питаются другъ отъ друга и пожираютъ другъ друга“. Тонкій и безконечно грустный юморъ разлитъ по всѣмъ рассказамъ Менделе, и комично-печальная жизнь гетто получаетъ особое художественное освѣщеніе, преломляясь черезъ психику наблюдающаго и изображающаго ее Менделе-Книгоноши,—старого, умнаго и немного хитраго еврея, съ созерцательнымъ направленіемъ ума, съ чуткимъ сердцемъ и съ дѣтски-чистою душою. Самъ Менделе-Книгоноша—типичнѣйшій еврей, „еврей изъ евреевъ“, постоянно разѣзжающій на своей телѣжкѣ по еврейскимъ мѣстечкамъ (по своему дѣлу), много пережившій и много видавшій на своемъ вѣку.

Абрамовичъ—выдающійся художникъ съ поэтической душою. Въ его картинныхъ описаніяхъ природы чувствуется нѣжная любовь къ ней, а его изображенія людей и животныхъ чрезвычайно пластичны и жизненны. Въ рассказахъ встрѣчаются у него нерѣдко значительныя отступленія, полныя глубокаго лиризма. Его языкъ считается классическимъ: онъ гибокъ и богатъ, и неподражаемо своеобразенъ.

Значеніе Абрамовича для развитія еврейской литературы огромно. Подъ его прямымъ вліяніемъ находится популярнѣйшій еврейскій художникъ-юмористъ С. Рабиновичъ (род. въ Переславлѣ въ 1859 г.), выступающій обыкновенно подъ псевдонимомъ „Шоломъ-Алейхемъ“ ²⁾. Въ „Маленькихъ людяхъ

съ маленькими понятіями“, въ „Письмахъ Менахема-Менделя изъ Йегупеца, въ „Разсказахъ о Тевѣ-молочникѣ“ и въ другихъ очень многочисленныхъ повѣстяхъ и новеллахъ Шоломъ-Алейхемъ изображаетъ все тѣхъ же бѣдныхъ жителей мѣстечекъ въ чертѣ оскѣлости. Съ веселымъ и легкимъ юморомъ рисуетъ Шоломъ-Алейхемъ неглубокую, но весьма напряженную жизнь этихъ веселыхъ бѣдняковъ, добродушныхъ оптимистовъ, непритязательныхъ страдальцевъ, любящихъ жизнь и вѣрящихъ въ нее.

То же старое, уже вымирающее еврейское гетто изображаетъ извѣстный современный еврейскій писатель Шоломъ-Ашъ въ своемъ лучшемъ произведеніи „Городокъ“. Творчество этого писателя находится, несомнѣнно, въ живой преемственной связи съ литературною дѣятельностью Абрамовича: Шоломъ-Ашъ является внукомъ „еврейскаго литературнаго дѣдушки“. Но „Городокъ“ Аша представляется намъ уже въ иной исторической перспективѣ и въ другомъ художественномъ освѣщеніи, чѣмъ мѣстечки еврейской бѣдноты и невѣжества у Менделе-Книгоноши. Съ тихой грустью и сердечною теплотою описываетъ Ашъ милый ему патриархальный бытъ, осужденный на смерть ходомъ исторіи. Въ нѣжныхъ лирическихъ тонахъ даетъ онъ намъ романтическую идиллію польскаго гетто, болѣе жизнерадостнаго и болѣе земного, чѣмъ разсудочное литовское гетто. Ашъ — романтикъ и пантеистъ. Въ еврейскомъ городкѣ, какъ и въ окружающей природѣ, онъ не видитъ диссонансовъ и болѣзненныхъ противорѣчій: все цѣльно, все гармонично. Земля и небо, лѣса и горы, городокъ и огибающая его рѣка, жизнь природы и жизнь городка съ его горестями, радостями и празднествами,—все сливается въ одно внутренне-единое цѣлое,

соотвѣтствуетъ по своему значенію русскому „здравствуйте“.

¹⁾ Отъ слова „кабцанъ“—нищій.

²⁾ „Шоломъ-Алейхемъ“—„миръ вамъ“—

проникнутое идиллически-патріархальным настроеніемъ, все „облито еврейской умиленностью, еврейской сердечностью и тоскою“.

Ашъ не только поэтъ стараго еврейства, но и художникъ новой еврейской жизни. Современныя идейныя теченія въ еврействѣ,—соціализмъ, сіонизмъ и націоналистическія идеи,—вызвали къ жизни новыя соціально культурныя подраздѣленія и новую еврейскую интеллигенцію, съ болѣе сложными и болѣе глубокими душевными переживаніями. Этихъ „новыхъ людей“ пытается Ашъ изобразить въ своихъ драмахъ: „На пути въ Сіонъ“, „Богъ мести“, и въ другихъ произведеніяхъ. Но по природѣ своего таланта Ашъ—поэтъ-романтикъ и художникъ быта, а сложная игра силъ въ человѣческой психикѣ—не его сфера.

У новѣйшихъ еврейскихъ писателей картины гетто все болѣе и болѣе отходятъ на задній планъ. Еврейская жизнь усложнилась. Герои еврейской современности борются и страдаютъ за иные идеалы, живутъ болѣе интенсивною и разнообразною жизнью, чѣмъ Менделе-Книгоноша и Менахемъ-Мендель изъ Іегупеца (изъ романа Шоломъ-Алейхемъ). Новѣйшая еврейская литература является, съ одной стороны, отраженіемъ современной еврейской дѣйствительности, съ другой же стороны, она отражаетъ на себѣ и вліяніе русской и западно-европейской литературъ. Мы не будемъ останавливаться на тѣхъ изъ писателей еврейской современности, которые, хотя и успѣли пріобрѣсти себѣ вполне заслуженную извѣстность¹⁾, но литературно-художественное развитіе которыхъ еще не завершилось. Ограничимся лишь характеристикой того изъ еврейскихъ писателей, который является духовнымъ отцомъ современнаго направленія еврейской литературы, который первый расширилъ ея рамки, открывъ ее влія-

нію западно-европейскихъ идей и обогативъ ея содержаніе новыми мотивами.

Мы имѣемъ въ виду І. Л. Переца (род. въ 1851 г.).

Литературная дѣятельность Переца—очень богатая и разносторонняя. Националистъ-демократъ, онъ написалъ по вопросамъ общественнымъ и литературнымъ много статей, отличающихся остроуміемъ, благородствомъ мыслей и изяществомъ стиля. Беллетристическія его произведенія нерѣдко отличаются ѣдкимъ сарказмомъ. Въ одномъ изъ нихъ „Досъ Штраймель“¹⁾, надѣлавшемъ въ свое время очень много шума, Перецъ вкладываетъ въ уста простаго шалочника невинныя на видъ слова, въ которыхъ, однако, заключается злая сатира на представителей религіи и на соціальныя условности. Большинство же новеллъ Переца представляетъ реалистическія картины еврейскаго быта, дышущія сердечной теплотой характеристики бѣдныхъ и простыхъ евреевъ, „униженныхъ и оскорбленныхъ“, съ ихъ тихими страданіями и радостями. Простой еврейскій рабочій и ремесленникъ, трудолюбивая и многострадальная еврейская женщина, — являются у художника-демократа свѣтлыми, положительными типами. Они въ Законѣ не свѣдущи, но зато имѣютъ доброе, чуткое сердце и здравый смыслъ, а ихъ свѣтлая и простая жизненная философія помогаетъ имъ переносить всѣ несчастія. Отрицательнымъ и уродливымъ является типъ „батлона“ („батлонъ“—собственно „бездѣльникъ“), который анализируется Перцомъ съ рѣдкою художественною силою и психологическою проницательностью. Батлонъ—специфическій продуктъ ненормальной внутренней жизни еврейскаго народа. Это челоѣкъ, далекій отъ дѣйствительности, выросшій

¹⁾ Напр., Рейзинъ, Номбергъ, Вейсенбергъ, Пивскій, Фришманъ, Онойхи и др.

¹⁾ Штраймель—мѣховая шапка, которую обычно носятъ лица духовнаго званія и вообще лица, играющія главную роль въ еврейской общинной жизни.

въ стѣнахъ синагоги, и ничего не знающій объ остальномъ мірѣ. Неспособный къ практической дѣятельности, онъ живетъ на общественный счетъ и находитъ себѣ пріютъ въ синагогѣ, гдѣ проводитъ свои дни въ молитвѣ, въ чтеніи богословскихъ книгъ и въ ничегонедѣланіи. Въ поэмѣ „Ребъ Іосель“ и въ новеллахъ „Сумасшедшій батлопъ“ и „Каббалисты“ Перець обнаруживаетъ передъ нами внутреннюю душевную трагедію этихъ несчастныхъ, морально изуродованныхъ людей.

Перець—также и поэтъ, съ нѣжною, романтической душою. Фантастическія хассидскія сказанія, въ которыхъ проявляется мистическая вѣра въ божественность всей природы и въ чудеса „рабби“,—явились наиболѣе богатою почвою для поэтического таланта Переца. Его рассказы изъ хассидской жизни—лучшая и наиболѣе оригинальная часть его творчества; въ нихъ онъ выступаетъ поэтомъ народной души, тонкимъ психологомъ и знатокомъ религіозныхъ переживаній, великимъ пѣвцомъ хассидизма.

Значительно ниже сочиненій въ прозѣ стоятъ стихотворныя произведенія Переца. Но и въ послѣднихъ проявляется недюжинный талантъ. Наиболѣе замѣчательными и искренними являются изъ нихъ тѣ, которыя касаются проблемы соціальной несправедливости и соціального неравенства ¹⁾.

Первымъ поэтомъ-стихотворцемъ, положившимъ начало еврейской поэзіи послѣ маскитскаго періода, былъ С. Г. Фругъ (род. въ 1860 г.). Онъ впервые далъ еврейской литературѣ звучные, красивые стихи, выражающіе искреннее поэтическое чувство. Фругъ воспѣваетъ любовь къ природѣ и къ

физическому труду, воспоминанія о прошлой славѣ, величавые образы библейской исторіи. Кромѣ лирическихъ стихотвореній, онъ съ успѣхомъ писалъ и баллады и народныя легенды, также проникнутыя по большей части идиллически-грустнымъ настроеніемъ („Дочь шамеса“).

Большимъ разнообразіемъ и многосторонностью отличается творчество другого, самаго извѣстнаго за предѣлами гетто, еврейскаго поэта, Морриса Розенфельда (род. въ 1862 г.). Родившійся и выросшій въ чертѣ оскѣлости евреевъ, пробывшій нѣкоторое время въ Англіи, и переѣхавшій потомъ въ Америку, гдѣ онъ долго жилъ тяжелымъ трудомъ портного, — онъ пережилъ и извѣдалъ еврейскую нужду и гнетъ экономической зависимости. И онъ сталъ поэтомъ страданій и нищеты, поэтомъ національнаго горя и экономической неволи. Онъ поетъ для своихъ несчастныхъ братьевъ по происхожденію и по соціальному положенію, которые могутъ платить ему „лишь милліонами слезъ за слезы, проливаемые имъ за милліоны“. Съ выдающимся лирическимъ талантомъ и съ рѣдкою художественною силою описываетъ онъ душевныя страданія и безрадостную жизнь въ потогонныхъ мастерскихъ, гдѣ тяжелый механическій трудъ убиваетъ у человѣка волю и чувства, превращая его въ бездушную машину ¹⁾. Розенфельдъ рассказываетъ исторію слезъ ²⁾ и повѣствуетъ о страданіяхъ души, проникнутой безропотною покорностью судьбѣ, „не питающей вражды ни къ кому, чуждой зависти и мести, и таящей въ себѣ лишь великую боль“ ³⁾. Но поэтъ знаетъ и грозныя, негодующія слова, требующія справедливаго возмездія за несправедливыя вѣковыя обиды; онъ становится иногда пророкомъ соціальной революціи, возвѣща-

¹⁾ Наиболѣе выдающіяся: стихотвореніе „Три шви“ и символическая драма „За чужимъ подвѣнечнымъ платьемъ“, въ которыхъ горячо обличается соціальная ложь и экономическое поработеніе человѣка человекомъ.

¹⁾ Стих. „Потогонная мастерская“.

²⁾ Стих. „Исторія слезы“.

³⁾ Стих. „Въ мастерской и дома“.

ющимъ сильнымъ міра сего грядущій ужасный взрывъ „кратера страшнаго гнѣва“. Однако, съ наибольшимъ блескомъ обнаружился талантъ Розенфельда въ его національных произведеніяхъ. Въ нихъ также господствуетъ глубоко скорбное настроеніе, но это—болѣе нѣжная скорбь, смягчаемая нерѣдко проблесками надежды на лучшее будущее и вѣрою въ силу еврейскаго народа.

Поэтъ представляетъ свой народъ въ образѣ больного и вѣчно печальнаго странника, неутѣшнаго и при всеобщей радости и въ весеннемъ всесиліи природы; но взоръ вѣчнаго страдальца проникнуть гордымъ величіемъ, въ словахъ его звучитъ спокойствіе и благородное сознаніе своего достоинства ¹⁾. Поэтъ вѣритъ въ несокрушимость „корабля еврейскаго народа“, „единственнаго, стараго, мощнаго корабля ²⁾. Въ звучныхъ и сильныхъ словахъ „Голуснаго марша“ излита вся горечь еврейскаго изгнанія, и какъ бы конкретной его иллюстраціей является трагическое стихотвореніе „На волнахъ океана“, изображающее муки еврейскихъ эмигрантовъ, тщетно пытавшихся проникнуть въ Новый Свѣтъ, чтобы тамъ найти себѣ новое счастье. Измученное еврейское сердце поэта знаетъ лишь одинъ путь спасенія, — путь въ Сіонъ, въ страну еврейскаго прошлаго и будущаго: оно „связано еще крѣпкими узами любви съ любимой землею ³⁾.

Розенфельдъ писалъ и прелестныя стихотворенія - молитвы „для народа“ въ народномъ стилѣ и духѣ. Его „Лирическія стихотворенія“ и мелкія поэтическія произведенія, собранныя подъ общими названіями „Осенніе листья“ и „Мелодіи элула“ ⁴⁾ дышатъ кроткой меланхоліею. Природа изображается въ

нихъ образами, взятыми изъ еврейской религіозной жизни: во всемъ чувствуется настроеніе ожиданія „Суднаго дня“, лѣсъ шепчетъ „Исповѣдь умирающаго“, и улетающія птицы пропозносятъ „молитву на дорогу“.

Тихой и печальной является и муза поэта Блюмгартена (пишущаго подъ псевдонимомъ Іегоашъ), также выросшаго на американской почвѣ. Заброшенный судьбою въ Колорадо, вдали отъ еврейской жизни, онъ страдаетъ отъ одиночества и тоски, и свою сердечную тоску переноситъ и на окружающую его природу, которую умѣетъ рисовать въ теплыхъ и нѣжныхъ тонахъ. Еврейскій народъ для него „народъ траура“ ¹⁾. Лишь въ образахъ прошлаго, въ сказаніяхъ „Изъ Библии и талмуда“ и въ „Еврейскихъ легендахъ“ находитъ онъ себѣ успокоеніе и утѣшеніе.

Совершенно особое мѣсто занимаетъ въ еврейской поэзіи Х. Н. Бяликъ. Этотъ поэтъ-пророкъ, пѣвецъ „скорби и гнѣва“ принадлежитъ своимъ творчествомъ почти всецѣло древне-еврейской литературѣ. Въ еврейской же жаргонной литературѣ онъ до сихъ поръ являлся лишь случайнымъ гостемъ. Однако, то немногое, что онъ далъ послѣдней, весьма цѣнно по своимъ внутреннимъ достоинствамъ и отличается, какъ и древне-еврейскія произведенія того же автора, огненной силою чувства и несравненнымъ блескомъ и мощью языка. Потрясающе дѣйствуетъ его поэма „Въ городѣ рѣзни (сказаніе о погромѣ)“ ²⁾, и какъ громовая рѣчь, проникнутая справедливымъ гнѣвомъ Божиимъ, поражаетъ его „пророческое“ „Послѣднее слово“.

Въ еврейской поэзіи драма является наиболѣе юнымъ и неразвитымъ литературнымъ родомъ. Еврейскій театръ примитивенъ и удовлетворяетъ

1) Стих. „Еврейскій май“.

2) Стих. „Нашъ корабль“.

3) Стих. „Іерусалимъ“.

4) Элуль — названіе послѣдняго мѣсяца въ еврейскомъ году.

1) Стихотв. „Память о разрушенномъ храмѣ“.

2) Переработка съ древне-еврейскаго.